

ISSN 2223–2982

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 7–2 2019 (ИЮЛЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
А.В. Романов

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015
В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»
Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел/факс: 8(495) 755-1913
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

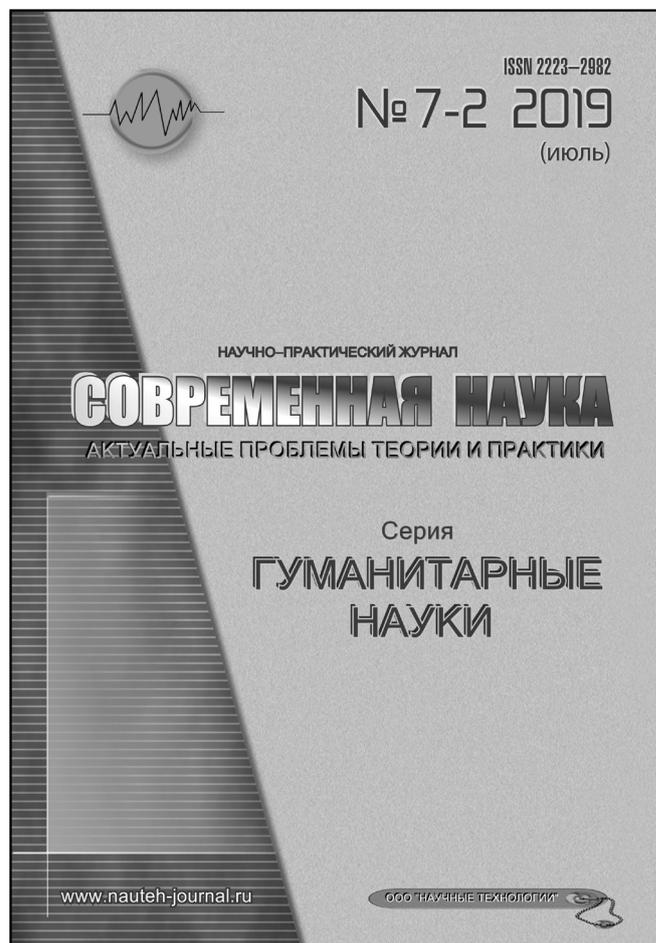
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: Гуманитарные науки № 7-2 (июль 2019 г)

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(BAK – 07.00.00, 10.00.00, 13.00.00)

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296
Подписано в печать 27.07.2019 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

Редакционный совет

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., профессор,
Институт экономики РАН, в.н.с.

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Акульшин Петр Владимирович — д.и.н., профессор,
Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Алиева Эльвира Низамиевна — д.филол.н, доцент,
независимый эксперт

Ватлин Александр Юрьевич — д.и.н., профессор, МГУ им.
М.В. Ломоносова

Воронина Галина Ивановна — д.п.н., профессор, Центр
Образования и Компетенций, Бремен (Германия)

Вяземский Евгений Евгеньевич — д.п.н., профессор,
Московский педагогический государственный
университет

Герасименко Наталья Аркадьевна — д.филол.н.,
профессор, Московский государственный областной
университет

Евладова Елена Борисовна — д.п.н., Институт изучения
детства, семьи и воспитания Российской академии
образования (ИИДСВ РАО), г.н.с.

Котов Александр Эдуардович — д.и.н., доцент, Санкт-
Петербургский государственный университет

Лебедев Сергей Константинович — д.и.н., Санкт-
Петербургский институт истории РАН, в.н.с.

Лизунов Павел Владимирович — д.и.н., профессор,
Северный (Арктический) Федеральный университет им.
М.В. Ломоносова

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — д.филол.н.,
профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н., профессор,
МГУ им. М.В. Ломоносова

Осипова Нина Осиповна — д.филол.н., профессор,
Московский гуманитарный университет

Петрусинский Вячеслав Вячеславович — д.п.н.,
профессор, Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ

Печенёва Татьяна Анатольевна — д.п.н., Белорусский
государственный университет

Пушкарёва Наталья Львовна — д.и.н., профессор,
Институт этнологии и антропологии РАН

Рыжов Алексей Николаевич — д.п.н., профессор,
Московский педагогический государственный
университет

Савостьянов Александр Иванович — д.п.н., профессор,
Московский педагогический государственный
университет

Сенявский Александр Спартакович — д.и.н., Институт
экономики РАН, г.н.с.

Сидорова Марина Юрьевна — д.филол.н., профессор,
МГУ им. М.В. Ломоносова

Сморчков Андрей Михайлович — д.и.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Стрелова Ольга Юрьевна — д.п.н., профессор,
Хабаровский краевой институт развития образования

Тюпа Валерий Игоревич — д.филол.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Щедрина Нэлли Михайловна — д.филол.н., профессор,
Московский Государственный Областной Университет

Ханбалаева Сабина Низамиевна — д.филол.н., МГИМО
МИД России, ст. преподаватель

Юдина Наталья Владимировна — д.филол.н., профессор,
Владимирский филиал Финансового университета при
Правительстве РФ, ректор

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

История

Ванькина Е. А. — Особенности судебной системы Российской Империи накануне реформы 1864 года
Vankina E. — The characteristics of the judicial system of the Russian Empire on the eve of the reform of 1864. 5

Захаров С. В. — Международная музейная деятельность М. К. Тенишевой
Zakharov S. — International museum activities of M. K. Tenisheva. 10

Педагогика

Агранат Ю. В. — Иностранный язык для специальных целей в магистерской подготовке студентов технического вуза
Agranat Yu. — Foreign language for special purposes in masters training of students of a technical university 14

Ван Линлин — Стратегии и приемы синхронного перевода в деятельности международных переводчиков (на материале русского и китайского языков)
Wang Ling Ling — Strategies and acceptance of synchronic translation in the work of international translators (on the material of Russian and Chinese languages). 17

Захидова Л. С., Краснова О. А., Черединова О. В. — Игровые формы контроля знаний на занятиях по русскому языку как иностранному
Zakhidova L., Krasnova O., Cheredinova O. — Game forms of knowledge control on classes on the Russian language as foreign 21

Иванова Е. А., Хоменко А. Б. — Роль комикса в обучении английскому языку
Ivanova E., Khomenko A. — The role of the comic strip in teaching English. 24

Клопотной А. Ю., Мелякова О. А. — Психофизиологические аспекты профессиональной самореализации инженера в условиях современного производства
Klopotnoy A., Melyakova O. — Psychophysiological aspects of professional self-realization of the engineer in the conditions of modern manufacture. 28

Кобзева Л. Н., Мухортова Т. В., Струценко С. В. — Способы вовлечения студентов в научно-исследовательскую работу
Kobzeva L., Mukhortova T., Strutsenko S. — Ways to involve students in scientific research activity 31

Мальковская Т. А., Рябова Т. В. — Современные подходы к созданию учебных материалов по профессионально ориентированному языку
Malkovskaya T., Ryabova T. — Modern approaches to the creation of educational materials by professionally oriented language 35

Мулявина Э. А. — Формирование профессиональной компетентности студента вуза: комплексный подход
Mulyavina E. — Formation of professional competence of a university student: a complex approach 41

Никифоров Д. В. — Теоретические основания использования ценностей физической культуры в формировании адаптированности к профессии
Nikiforov D. — Theoretical bases of the use of values of physical culture in the formation of adaptation to profession. 44

Петренко А. А., Мелихов А. В., Орлова Ю. А., Куликова Я. В. — Улучшение инфраструктуры университета с целью привлечения абитуриентов
Petrenko A., Melikhov A., Orlova Ju., Kulikova Ya. — Improving university infrastructure to attract applicants. 48

Сентебова Е. Л., Козубовская Л. А. — Изучение темы «многообразие культур» на занятиях по иностранному языку
Sentebova E., Kozubovskaja L. — Studying "cultural diversity" theme at foreign language lessons 56

ФИЛОЛОГИЯ

- Быкова Д. В.** — Английские заимствования на –ing как один из путей пополнения словарного состава русского языка
Bykova D. — English borrowings with –ing as one of the ways of enriching the vocabulary of the Russian language 59
- Добродомов И. Г.** — Редкие слова в художественных текстах А. П. Чехова
Dobrodomov I. — Rare words in artistic texts by Chekhov A. P. 63
- Добродомов И. Г., Камчатнов А. М.** — Обратное словообразование в истории русского языка
Dobrodomov I., Kamchatnov A. — Back-wordformation in the history of the Russian language 66
- Литовченко А. С., Коптякова Е. Е.** — Антропоморфная метафора в концептуализации образа России в экономической платформе партии «Единая Россия»
Litovchenko A., Koptyakova E. — Anthropomorphic metaphor in the conceptualization of Russia in the economic platform of the political party “United Russia” 72
- Минец Д. В., Попова Ю. Ю.** — Этикетные особенности русскоязычной интернет-коммуникации (по материалам социальных сетей «ВКонтакте» и «Instagram»)
Minets D., Popova Yu. — Etiquette features of Russian-language Internet communication (on materials of social networks “VKontakte” and “Instagram”) 75
- Никитина И. С.** — Языковая реализация толерантности на институциональном уровне речевого общения в современной немецкой политической коммуникации
Nikitina I. — Language realization of tolerance at the institutional level of verbal communication in the modern German political discourse 84
- Огольцева Е. В.** — «Количественный аспект» объекта образной характеристики в системе устойчивых сравнений
Ogoltseva E. — «Quantitative aspect» of the object shape characteristics in the system of sustainable comparisons 90
- Рзаева З. Э.** — Сегментация речи и его функции
Rzayeva Z. — Speech segmentation and its functions 96
- Романов А. С., Балканов И. В.** — Вооруженные силы США в стереотипах американской периодики на примере метафорической модели “U.S. Armed Forces is family”
Romanov A., Balkanov I. — The U.S. Armed Forces stereotypes in the mirror of American printed media as exemplified by the metaphorical model “U.S. Armed Forces is family” 100
- Святославский А. В.** — Теория речевых жанров М. М. Бахтина как основа описания экскурсионных речевых приемов
Svyatoslavsky A. — The Michail Bakhtin theory of speech genres as a basis for description of the tourist guide discursive practice. 106
- Терешко Е. В.** — Ложные зоонимы в нидерландских фразеологизмах
Tereshko E. — False zoonims in Netherland phraseology 111
- Чапаева Л. Г.** — Об одной актуальной исторической тенденции в словоизменении существительных
Chapaeva L. — About one actual historical tendency in the inflexion of nouns 116

Информация

Наши авторы. Our Authors 120

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 122

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАКАНУНЕ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА

Ванькина Елена Александровна

Преподаватель, Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева
malkovaea@inbox.ru

THE CHARACTERISTICS OF THE JUDICIAL SYSTEM OF THE RUSSIAN EMPIRE ON THE EVE OF THE REFORM OF 1864

E. Vankina

Summary. The article discusses the features of the judicial system of the Russian Empire on the eve of the reform carried out in 1864. The author characterizes the instances that performed judicial functions only formally, the actions of officials were carried out chaotically, without clearly defined goals and thought-out tasks. The data on the number of outstanding criminal and civil cases by the courts of first instance on the example of provincial counties belonging to the territory of the modern Mordovian region in the pre-reform period are given.

Keywords: court, institution, reform, judicial system, violence, authority, jurisdiction, judiciary, county.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности судебной системы Российской империи накануне реформы, проведенной в 1864 году. Дается характеристика инстанциям, которые выполняли судебные функции лишь формально, действия чиновников осуществлялись хаотично, без четко поставленных целей и продуманных задач. Приводятся данные по количеству нерешенных уголовных и гражданских дел судами первой инстанции на примере провинциальных уездов, относящихся к территории современного мордовского края в предреформенный период.

Ключевые слова: суд, институт, реформа, судебная система, расправы, полномочия, подсудность, судопроизводство, уездный.

На сегодняшний день судебная система Российской Федерации складывается из совокупности судов, которые строго упорядочены между собой. Их деятельность объединяется общими принципами организации, целями и задачами. Однако внутри даже строго организованной системы, периодически возникают те или иные вопросы, требующие анализа, всплывают те или иные проблемы, требующие решения. Российское государство имеет богатую историю, которую не нужно забывать, а, напротив, необходимо осмысливать, анализировать. Это может помочь в решении многих задач, которые всплывают перед судебной системой сегодня.

К середине XIX века судебная система Российской империи характеризовалась разделением на множество судебных и судебно-административных органов, сословностью, а также отличалась запутанностью процессуальных требований. Большинство правоприменителей отличались лишь формализмом в своих действиях, отсутствовало четкое понимание значимости поставленных задач.

В системе всюду процветало взяточничество и вседозволенность чиновников. Исполнительная власть

была способна не только влиять на судебные решения, но и отменять их, что зачастую и происходило. Процедура рассмотрения дел была формальной и предвзятой. Помимо этого случалось, что дела долгое время находились на рассмотрении в различных инстанциях и в результате оставались без разрешения. Это, свидетельствует о том, что не был установлен перечень дел, подсудных тому или иному судебному органу.

Судопроизводство на тот момент руководствовалось правилами Уложения 1649 года, а также указами и законами Петра I и Екатерины II, вошедшими в «Полное собрание законов Российской империи» [10, с. 8].

В обществе назрела необходимость проведения реформирования судебной системы, которое стало проводиться в жизнь в России уже на рубеже XVIII — XIX веков, после вступления на престол нового правителя Александра II. Именно он и стал инициатором данных реформ.

До проведения реформ, система не обеспечивала равенства населения перед судом и законом, деля его на слои, что особенно ярко проявлялось в отдаленных от столицы провинциях. Данная несправедливость осо-

бенно отразилась на свободных крестьянах, огромная масса которых появилась на рынке труда в результате отмены в 1861 году в Российской империи крепостного права.

Наглядное представление о царивших в дореформенных судах нравах и порядках, при которых «мздоимство, волокита, ябедничество, кормление были не злоупотреблением, а системой» [7, с. 45], т.е. обычным явлением, ярче всего описывают пословицы и поговорки того времени: «В суд ногой — в карман рукой», «Перед богом ставь свечку, а перед судьей — мешок!», «С кого судья взял, тот и прав стал», «Когда судью подаришь, то всех победишь», «Дари судью, так не посадят в тюрьму», «Дарами и праведного судью к неправде приведешь», «Мздою, что уздою, обратишь судью в твою волю» [6, с. 25–26].

Как уже было сказано выше, дела рассматривались медленно и решения по ним принимались несправедливо. Нередко вынесенные решения (приговоры) не соответствовали нормам действующего на тот момент законодательства, и, как правило, принимались не в пользу стороны, которая была права при разрешении спорной ситуации, а в пользу того, кто подкупил судебного чиновника, что приводило к нарушению прав и законных интересов потерпевших и подсудимых из числа низших слоев населения.

«Барину, человеку со средствами, со связями, — словом, привилегированному преступнику нечего было бояться суда, — пишет Г. Джаншиев — российский правовед, публицист, историк, общественный деятель. — Всею тяжестью своего жестокого ослепления и бессердечного скудоумия он обрушивался на низшие классы и на людей без средств, без общественного положения. Недаром народ сравнивал суд с паутиною, через которую шмель проскакивает, а муха вязнет. Засудить крестьянина за мнимое убийство жены, якута за мнимое сопротивление властям ничего не значило; но осудить закоренелого преступника, если в нем принимало участие влиятельное лицо, не в состоянии был старый суд с его рабскими инстинктами» [5, с. 3].

Судебная система Российской империи рассматриваемого периода включала в себя Правительствующий Сенат, который являлся высшей судебной инстанцией и состоял из различных департаментов. В данные департаменты поступали дела граждан дворянского происхождения, почетных в социальных слоях граждан, а также чиновников. За должностные преступления в Сенате судили высших чинов субъектов (губерний), прокуроров, представителей органов управления, и иных высокопоставленных лиц.

Сенат являлся апелляционной и ревизионной инстанцией для разнообразных судебных ведомств, что приводило к загроможденности огромным количеством дел, разрешение которых длилось неимоверно долго.

В губерниях основная нагрузка ложилась на палаты гражданского и уголовного суда, в которые входили председатель, его товарищ, а также заместители. Палата уголовного суда проводила, в том числе ревизию уголовных дел, рассматриваемых уголовным судом. Палата гражданского суда разрешала окончательно иски до 600 рублей и рассматривала в ревизионном порядке соответствующие дела, разрешенные уездным, надворным судами, магистратом и ратушью.

Общесословный характер носили и учрежденные в губерниях совестные суды. В компетенцию совестных судов входили преступления, учиненные душевнобольными или малолетними гражданами, спорные дела между родителями и детьми об имуществе и иные. Совестный суд также являлся примирительной инстанцией в гражданском судопроизводстве.

Низшие судебные инстанции (уездные суды, городской магистрат) носили сословный характер. Начальным звеном судебной иерархии был уездный суд.

Уездные суды просуществовали и успешно функционировали в провинциальных субъектах до 1870 года. Они продолжили существовать и в период становления института мировых судей, уже после проведения судебной реформы.

В компетенцию уездных судов входило рассмотрение и разрешение гражданских дел, к которым относились иски до 30 рублей и уголовных дел, к которым относились преступления, ответственность по которым предусматривалась в виде смертной казни, лишения чести и иная. Категория данных дел не подлежала пересмотру, если затрагивались низшие слои населения, не смотря на то, что дворянству позволялось обжаловать любой приговор. Данное обстоятельство можно рассмотреть на примере пензенского уездного дворянства, значительная часть которого в то время проживала на территории современного мордовского края, могло обратиться с обжалованием решения уездного суда в Пензенскую палату гражданского или уголовного суда, а также в последующем в Сенат.

До настоящего времени сохранились записи журналов судебных заседаний уездного суда, осуществлявшего свою деятельность в провинциях, располагавшихся на территории современного мордовского края. Согласно записям, значительной массой гражданских дел являлись земельные споры, межевые споры, а также переход

недвижимых имений из рук в руки. В XIX веке большую категорию дел составляли дела с участием крестьян, причем не только казенных, но и частновладельческих.

Численность уездных судей в период с 30-х по 50-е годы XIX века существенно увеличивалась за счет увеличения состава канцелярских чиновников. Как следует из архивных материалов Саранского, Инсарского и Краснослободского уездов Пензенской губернии, жалование служащих на тот момент сокращалось. К примеру, ежемесячное жалование членов канцелярии и сторожа, в количестве 10 человек, в 1833 году составляло 77 рублей серебром, в 1845–1848 гг. ежемесячное жалование членов канцелярии и сторожа, в количестве уже 14 человек составляло 50 рублей, в 1851 году ежемесячное жалование членов канцелярии и сторожа, в количестве уже 18 человек составляло 47 рублей [1].

Ежегодное жалование уездных судей и заседателей, согласно екатерининским уставам, составляло: для судей 1 разряда 300 рублей, для судей 2 разряда 450 рублей; для уездных заседателей 1 разряда 250 рублей, для уездных заседателей 2 разряда 375 рублей [8, с. 573].

Бытует мнение, что именно невысокое жалование судей и работников канцелярии являлось одной из основных причин взяточничества среди судебных чиновников.

Низшей степенью судебной власти для городского населения являлись городские магистраты. Магистрат состоял из 2 бургомистров и 4 ратманов. Городские магистраты состояли под апелляцией палат гражданского и уголовного судов. На территории современного мордовского края в Саранске, Инсаре, Краснослободске действовали городские магистраты, а в Наровчате — ратуши. На содержание городского магистрата в городе Саранск в первой половине XIX века тратилось из городской казны в среднем 176 рублей в месяц [3].

В конце XIX века в провинциях действовали дворянская опека и сиротский суд, которые осуществляли контроль за опекунами для дворянского или мещанского сословия, а также разбирали жалобы на них, составляли отчеты об их деятельности. Опека устанавливалась над вдовами и малолетними, которые становились собственниками в силу определенных обстоятельств и активно «разбазаривали» свое имущество. Опекуны должны были контролировать сделки, которые ими совершаются. Так в конце 1860-х годов на различные нужды сиротского суда в Краснослободском уезде Пензенской губернии, относящейся к территории современного мордовского края, ежегодно из городской казны выделялось по 114 рублей 29 коп.

По мелким гражданским делам с упрощенной системой судопроизводства действовали, восстановленные в 1802 году словесные суды. Их задачей было примирение спорящих сторон. Так, в городе Краснослободске сохранился Троицкий словесный суд.

В крупных городах был создан коммерческий суд, деятельность которого регулировалась утвержденным императором 14 мая 1832 года «Учреждением коммерческих судов и уставом их судопроизводства». Кроме того, в России накануне судебной реформы сохранились различные ведомственные суды: духовные, военные, лесные и т.д.

В низшем крестьянском сословии существовали свои органы, разбиравшие судебные дела. Рассмотрением мелких исков и проступков государственных крестьян занимались волостная и сельская расправы, которые были учреждены в каждой волости. Волостная расправа решала дела по спорам до 15 рублей, сельская — до 5 рублей. По проступкам расправы могли назначить штраф от 25 коп. до 1 руб. Часть судебных функций выполнялись административными учреждениями и полицией.

Вотчинный суд помещиков и администрация удельных крестьян являлись низшими судебными инстанциями для помещичьих и удельных крестьян. В имениях функционировали органы мирского самоуправления, к которым относились старосты и целовальники, которые выбирались всем миром, либо управляющие, назначаемые помещиками. Для ведения секретных дел, которые не подлежали огласке, например, по донесениям о фальшивых ассигнациях и другие, учреждалась должность особого столоначальника.

Министерство Юстиции осуществляло руководство всеми судебными учреждениями Российской империи первой половины XIX века. Подобные функции были закреплены за ним манифестом от 25 июля 1811 года. В его задачи входило создание и упразднение судебных органов, руководство личным составом, общий надзор за деятельностью всех судебных учреждений путем просмотра определений Сената и донесений обер-прокуроров, протестов губернских прокуроров на решения губернских судов. Также рассматривались отчеты о движении дел в судах, жалобы, производились ревизии. В области управления личным составом судебных органов Министерству Юстиции было предоставлено право, назначать чиновников на некоторые должности и утверждать должности по выборам.

Общая грамотность судей, в том числе и юридическая, была очень низкой. Это приводило к тому, что правосудие сосредотачивалось в руках канцелярских чиновников и секретарей.

Приведем данные по количеству нерешенных уголовных и гражданских дел судами первой инстанции, в уездах, относящихся к территории современного мордовского края в течение 1867 года. Указанные сведения взяты из материалов Центрального государственного архива Республики Мордовия. Так, общее количество нерешенных уголовных дел по Краснослободскому уезду составляет 71 дело, по Инсарскому — 74, по Саранскому показатель значительно ниже — 22 дела. Общее количество нерешенных гражданских дел по Краснослободскому уезду составляет 25 дел, по Инсарскому — 42 дела, по Саранскому снова меньше всех — 15 дел.

Материалы того же Центрального государственного архива Республики Мордовия указывают на то, что число нерешенных уголовных дел по вине самих судов в среднем составляло от 55% до 70%. Однако это количество, скорее всего, преуменьшено. Так, в Краснослободском уездном суде при поверхностном обзоре настольных реестров обнаружилось до 50 дел, по которым состояли определения «доложить к слушанию», но дела не слушались и не решились [2].

Среди решенных, но не приведенных в исполнение дел в Инсарском уездном суде значится 288 уголовных, 45 гражданских; в Краснослободском — до 300 дел [2].

В уездах провинциальных губерний мордовского края самыми распространенными делами в практике судопроизводства были дела о самовольных порубках леса. Казалось бы, что практика разрешения подобных дел должна была быть отработана наилучшим образом. Однако подобные дела заканчивались наказанием виновных лишь тогда, когда подозреваемые были застигнуты на месте порубки. Также распространены были дела о пожарах и поджогах, которые также часто оставались не раскрытыми. Из крестьянского сословия было больше всего осужденных.

Необходимо отметить, что власть была весьма осведомлена о царившем беспорядке в судебной системе. Проводившиеся губернские ревизии обнаруживали беспорядки, а также большое количество нерешенных судами дел в Саранском, Краснослободском и других уездах

относящихся к территории современного мордовского края. Кроме того, повсюду царило взяточничество и корысть судей и канцелярии всех правительственных учреждений. Подобное положение дел не менялось годами.

Ярким примером иронического отношения к официальной судебной системе является мордовская сказка «Петушок и кошечка», образно раскрывающая существенные недостатки действовавшего судопроизводства (формализм, волокиту, отсутствие беспристрастности в виду имущественного положения тяжущихся сторон и др.). В сказке повествуется, как кошка пожаловалась судье на петуха, который орехами вышиб ей глаз. Судьи спросили петуха, зачем он это сделал. Однако ему нечем было оправдаться, и он сослался на орешник, якобы тот порвал ему штаны. В это разбирательство вовлекаются и другие звери, которые просто сваливали вину на другого, пытаясь как-то себя оправдать.

В то же время, было бы неправильно акцентировать внимание лишь на негативных оценках деятельности судов. Тому подтверждением являются мордовские пословицы, например: «Мошенникенть молить тевензэ, ансяк судось учи эйсэнзэ» (эрс.) («У мошенника дела идут, пока не попадет в суд»), «Суду молят — тят фаленда, меле — тят каенда» («На суд идешь — не хвались, после не кайся») [9, с. 69–70].

Кроме того, одной из причин несовершенства дореформенной судебной системы являлось слабое распространение юридических знаний в российском обществе. Знакомство с законодательством, даже для представителей научной среды, было значительно затруднено. Даже самый важный юридический вопрос развивался в российском законодательстве непоследовательно, в разрыве с предыдущими указами, что, в свою очередь, порождало путаницу и противоречия при их использовании.

В Российской империи к этому времени назрела необходимость разрешения накопившихся проблем. Все это требовало комплексной поступательной реформы, которая бы ввела новые принципы осуществления правосудия.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЦГА РМ Ф. 15 оп. 1 л. 270, л. 15, л. 451, лл. 108–109;
2. ЦГА РМ Ф. 17, оп. 1, д. 121, л. 37, д. 121, лл. 89, 67, 57, 12, 37
3. ЦГА РМ Ф. 20 оп. 1 д. 312 л. 34, л. 39
4. ЦГА РМ Ф. 22 оп. 1 л. 459
5. Джаншиев Г. А. Основы судебной реформы: (К 25-летию нового суда): Историко-юридические этюды / Г. А. Джаншиев. — М.: Тип. М. П. Щепкина, 1891. — 364 с.
6. Дорошков В. В. Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности: Монография / В. В. Дорошков, Н. А. Колоколов. — М.: «Норма», 2004. — 320 с.

7. Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство: Пособие к лекциям / Н. Н. Розин. — СПб.: издание Юридического книжного склада «Право», 1914. — 546 с.
8. Романович-Славитинский А. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. Изд. 2 / А. Романович-Славитинский. — Киев: товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1912. — 582 с.
9. Сушкова Ю. Н. Мордовское крестьянство и судебная власть во второй половине XIX — начале XX вв. / Ю. Н. Сушкова // Правосудие в РМ. — 2009. — № 1. — С. 69–75.
10. Шеменова О. Н. Мировой судья в гражданском процессе: Монография / О. Н. Шеменова. — М.: Ось-89, 2006. — 144 с.

© Ванькина Елена Александровна (malkovaea@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва

МЕЖДУНАРОДНАЯ МУЗЕЙНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М. К. ТЕНИШЕВОЙ¹

INTERNATIONAL MUSEUM ACTIVITIES OF M. K. TENISHEVA

S. Zakharov

Summary. The article analyzes the international museum activity of M. K. Tenisheva. The research methodology is the analysis of the scientific literature on a given problem, as well as practical domestic experience. The scientific novelty of the article is to demonstrate the practical material of the international museum activity on the example of M. K. Tenisheva. This topic has not been studied in scientific publications to date.

Keywords: international activities, museum activities, art collection, museum.

Захаров Сергей Викторович

Соискатель,

*Смоленский государственный университет
morkiz.kom@mail.ru*

Аннотация. В статье проведен анализ международной музейной деятельности М. К. Тенишевой. Методология исследования — анализ научной литературы по заданной проблеме, а также практического отечественного опыта. Научная новизна статьи заключается в демонстрации практического материала международной музейной деятельности на примере М. К. Тенишевой. Данная тематика не была изучена в научных публикациях до настоящего времени.

Ключевые слова: международная деятельность, музейная деятельность, художественная коллекция, музей.

Многие историки и искусствоведы называют М. К. Тенишеву одной великих личностей, которая внесла вклад в развитие деятельности музеев. В истории М. К. Тенишева известна масштабами своей собирательной деятельности. Обратимся к истории ее коллекции и международной музейной деятельности. Итак, в 1903 г. в жизни княгини происходит судьбоносное событие — она становится вдовой и получает все наследство супруга. Достаточно большое состояние (около 500 работ русских и зарубежных художников) тут же было передано Русскому музею. Его коллекции пополнились работами Малютина, Серова, Поленова, Рериха и других мастеров. На протяжении своей жизни М. К. Тенишева несколько лет собирала художественную коллекцию, почти все экспонаты были переданы в дар Смоленска. Чтобы проводить выставки в городе и ездить с ними по миру, княгиня выкупила земельный участок и построила там здание для музея. Однако статус смоленской коллекция получила не сразу, дело в том, что события 1905 г. создавали угрозу для представителей буржуазии. В этот период времени княгине пришлось закрыть свою школу и несколько художественных мастерских.

Так как княгиня опасалась за целостность своих экспонатов, она приняла решение перебраться вместе с со-

бранной коллекцией в музей. Для международной выставочной деятельности там было выбрано достаточно подходящее время — Францию буквально захлестнула мода на русскую культуру. С учетом масштабов собирательной деятельности М. К. Тенишевой и тренда на знакомство с русской культурой в 1907 г. княгиня получает предложение провести выставку в Лувре от официальных французских властей. Надо сказать, что несколько выставок в Париже стали настоящей сенсацией — в коллекции княгини были представлены царские одежды, исторические реликвии, редчайшие иконы и много другое. Во Франции были уверены, что после нескольких выставок в мире все экспонаты будут распроданы, коллекционеры смогут получить в свои руки уникальные предметы русской живописи и искусства. Тем не менее, княгиня не собиралась расставаться со своей коллекцией и некоторое время потратила на то, чтобы побывать в странах Европы и провести там выставки русских предметов искусства. [1]

Газеты того времени добавили шумихи вокруг личности самой княгини, после всех скитаний она вместе с коллекцией снова отправилась в Смоленск. Были проведены переговоры с городскими властями. Княгиня, будучи достаточно строгой даже с чиновниками, поставила ультиматум — все экспонаты останутся в Смоленске,

¹ Огромная благодарность В. И. Склееновой хранителю фонда М. К. Тенишевой, Смоленского государственного музея-заповедника, за оказанное содействие.

она получит право на пополнение коллекции новыми экспонатами. Надо сказать, что вплоть до 1917 г. все условия, выставленные М. К. Тенишевой, неукоснительно соблюдались. В 1911 г. состоялась передача в дар городским властям первого музея декоративно-прикладного искусства и этнографии. В официальной церемонии принимал участие сам Рерих. Деятельность М. К. Тенишевой была огромной не только в масштабах страны, но и всего мира. Она жертвовала средства на строительство храмов, открытие музеев, школ и творческих студий лишь с одной целью — оставить что-то после себя для будущих поколений.

После официальной церемонии передачи музея городским властям княгиня получила статус почетной гражданки, одна из улиц стала носить ее фамилию. Еще позже была выпущена специальная медаль с изображением портрета княгини. В 20-е гг. прошлого века многие экземпляры из большой коллекции, собранной княгиней, были утеряны. Что-то было похищено, а что-то было уничтожено в связи с религиозными гонениями. В 1943 г. немецко-фашистские захватчики, дойдя до Смоленска, вывезли все музейные ценности в Вильнюс по железной дороге. В результате из смоленских музеев пропали уникальные находки археологов, картины русских и зарубежных художников, иконы, гравюры и прочие предметы старины. Только после окончания ВОВ часть вывезенных экспонатов удалось найти и вернуть обратно, а что-то исчезло навсегда. Все, что представляло хоть какую-то ценность, безжалостно уничтожалось в годы ВОВ. Такова судьба огромной коллекции собранной княгиней М. К. Тенишевой и ее помощниками. Ранее, год революции княгиня встретила под Парижем.

Располагая достаточным состоянием, она продолжала заниматься благотворительностью — открыла несколько творческих мастерских. В них проводились занятия по рисованию и пошиву одежды для русского балета. Деятельность М. К. Тенишевой после ее смерти во Франции в 1928 г. продолжили ее ученики. При их поддержке была восстановлена и издана диссертация, написанная княгиней. Немногим позднее во Франции была выпущена ее книга, где она приводила воспоминания из своей жизни. В 50-е гг. часть драгоценностей, оставленных княгиней перед отъездом во Францию, была передана смоленским городским властям. Благодаря широкой собирательной деятельности М. К. Тенишевой была создана уникальная коллекция русской графики, коллекция инкрустаций и эмалей, коллекция предметов народного искусства и предметов декоративно-прикладного творчества.

В 1890-е гг. при поддержке М. К. Тенишевой и ее соратников была сформирована коллекция предметов графики от западноевропейских и русских мастеров.

Надо сказать, что к тому времени рисунки и сама акварель не пользовались таким спросом среди коллекционеров. Они стали более популярными в странах мира после того, как свою собранную коллекцию М. К. Тенишева продемонстрировала на выставках в ряде европейских стран. Деятельность М. К. Тенишевой начиналась с открытия Талашкина — небольшого поместья, выкупленного княгиней на средства, оставшиеся от покойного мужа. На базе Талашкина был создан первый художественный центр, при этом княгиня тесно сотрудничала с такими меценатами, как Дягилев и Мамонтов. Именно на базе Талашкина стала собираться первая коллекция русских древностей. [2]

Личные качества М. К. Тенишевой позволили ей получить отклик в сердцах народа, в результате на ее просьбу в содействии созданию коллекции стали откликаться настоятели храмов, городские служители, владельцы усадеб и т.д. Одним из первых свой вклад в собирательную деятельность княгини решил внести профессор Сизов, в ходе проведенных им археологических раскопок были найдены ценные экспонаты, которые были переданы лично княгине. В личной беседе с М. К. Тенишевой Сизов отметил, что многие этнографические ценности можно найти в отдаленных деревнях на территории губернии. Эти советы помогли М. К. Тенишевой и ее помощникам заняться поиском и собирательством сохранившихся русских ценностей. Несколько поездок княгиня совершила в Ярославль и Ростов. Доверенным лицом княгини стал Барщевский — он ездил по стране, где-то безвозмездно или за деньги приобретал предметы старины и предметы народного творчества. Все собранные экспонаты перенаправлялись в имение княгини, усилия ее доверенного лица позволили отыскать на просторах России древние иконы и первые печатные книги.

В смоленском поместье княгини стали появляться украшения русских изб в виде элементов росписи и резьбы по дереву, предметов внутреннего убранства. В результате масштабной деятельности коллекция М. К. Тенишевой пополнилась поделками из керамики, датированными 16–18 вв. Было собрано множество коллекций женской одежды, речь идет именно о традиционных предметах одежды, которые в наибольшей мере сохранились в отдаленных деревнях и селах среди уникальных предметов одежды в коллекции М. К. Тенишевой историки называют зипуны и шугаи. Все предметы одежды создавались народными мастерицами с использованием шелка и шерсти. Позднее на выставку в Париже отправилась целая серия экспонатов из традиционной русской избы. Речь идет о полотняных полотенцах с элементами вышивки строчкой, о головных уборах, которые носили крестьянки и замужние женщины. [3]

На выставку в Лувре также отправились металлические изделия — подсвечники, деревянные сундуки с оковкой, братины из меди, серебра и золота, многое другое. На международной выставочной деятельности княгини посетители могли познакомиться со старинными украшениями на основе золота, натурального жемчуга и серебра. Большая часть собранных экспонатов относилась к 17–18 вв., среди них были даже яхонтовые бусы, подвески с драгоценными голубыми камнями. Всего в развернутой экспозиции на базе музея этнографии и фондов «Русская старина» было собрано свыше 8 тыс. уникальных предметов искусства. В 1905 г. в газетах стали появляться сообщения об угрозе гонения представителей буржуазии, к ним относилась и княгиня М.К. Тенишева. Поэтому она вместе со своими помощниками провела инвентаризацию экспонатов и с наиболее ценными из них отправилась в Париж. Свою собирательную деятельность М.К. Тенишева продолжила и за рубежом. Имеющиеся у нее средства шли на покупку новых экспонатов, сохранение собранной коллекции. Работы, собранные соиздательницей М.К. Тенишевой, увидели не только в Париже, но и в Лондоне. Несколько выставок было организовано в Брюсселе и Праге.

После демонстрации собранных археологических находок в Италии княгиня получила статус почетного члена национального археологического общества. Что касается оценки деятельности княгини со стороны европейских экспертов, то они отвели ей одно из первых мест среди мастеров эмальерного дела. О европейских выставках М.К. Тенишевой писали буквально все газеты. Все выставочные залы в Лувре были заполнены людьми. На выставку, организованную княгиней, пришли французские политики, коллекционеры и даже иностранцы. Для всех присутствовавших стало буквально шоком заявление о том, что все эти ценные экспонаты были собраны на территории Смоленской губернии. И дело даже не в том, что представленные экспонаты нашли отклик в сердцах посетителей выставки. Дело в другом — выставочная деятельность привнесла во французскую моду новые тренды — так в Париже стали популярны русские народные платья. Парижским модницам пришлось по душе вышивки на старинных русских платьях, головные уборы и сарафаны. Определенные изменения после выставки в Лувре были отмечены даже в ювелирном деле. Надо сказать, что М.К. Тенишева стала самой первой в Европе, кто открыл дверь на самобытную Россию. При этом был отмечен уникальный мир художественного творчества — он не был похож ни на что другое.

Парижская публика благодаря выставочной деятельности М.К. Тенишевой смогла увидеть уникальную коллекцию балалаек, расписанных Врубелем и Головиным. За предметы, представленные на выставке, княгине

предлагали баснословные суммы. В прессе писали, что коллекция не вернется в России, а так и будет колесить по миру и будет приносить для ее владельцев постоянную прибыль. Очередная поездка за рубеж состоялась в 1919 г. — тогда княгиня была вынуждена навсегда покинуть Россию. Она просто не могла понять, как может безжалостно разрушаться то, что создается с таким большим трудом. О судьбе предметов, собранных М.К. Тенишевой, необходимо сказать отдельно. В годы ВОВ по железной дороге в Берлин были переправлены все книги, собранные княгиней, включая первопечатные. Музейные ценности были отправлены в Вильнюс, археологические коллекции, древние иконы и скульптуры тоже были вывезены за рубеж. На родину после окончания ВОВ вернулась только часть экспонатов. И даже после прибытия уникальных музейных ценностей обратно в Смоленск многое было расхищено. [4]

Школа и художественные мастерские в Талашкине были разграблены еще раньше — в 20-е гг. Многие историки и искусствоведы справедливо называют княгиню М.К. Тенишеву соиздательницей. Она не только пыталась сохранить уникальную культуру, но и познакомить с русской культурой другие народы. На протяжении всей жизни М.К. Тенишевой она занималась благотворительностью — открывала музеи и мастерские для обучения, оказывала помощь молодым художникам. Большой вклад М.К. Тенишева внесла в финансирование проектов в области научно-исследовательской деятельности. Огромный вклад своей международной выставочной деятельностью княгиня внесла в развитие промыслов и искусства на родине. Содействие деятельности М.К. Тенишевой оказывалось со стороны других меценатов — Дягилева, Мамонтова, Рериха и других. Собирательная деятельность княгини началась с Талашкина. Именно там был учрежден первый музейный фонд, открыта школа и несколько творческих мастерских.

На базе этого поместья были собраны предметы этнографии и древности. При этом собирательная деятельность М.К. Тенишевой охватывает достаточно большой промежуток времени, вплоть до 20-х гг. прошлого века. В 1893 г. Талашкино стало самым крупным художественным центром России. Здесь не только собирались и хранились экспонаты для музеев, но и велось обучение молодых художников. Работой центра руководила сама княгиня, она сама обучалась художественному мастерству, впоследствии работала с эмалями. Ранее это искусство было практически полностью забыто. На протяжении своей жизни княгиня М.К. Тенишева успела подружиться с такими известными личностями, как Врубель, Мамонтов, Чайковский и т.д. Кто-то справедливо отмечает, что она увеличила их популярность, так как знакомила с результатами их работы всю общественность.

Успеху международной музейной деятельности М.К.Тенишевой способствовало полученное в наследство состояние, контакты с другими меценатами и профессорами. Княгиня вносила вклад в развитие творческих способностей у детей — обучала их искусству живописи, выделяла стипендии. Многие экспонаты попали в коллекцию М.К.Тенишевой из глухих деревень и сел — именно там удалось сохранить то, что не смогли сберечь и преумножить городские жители. При поддержке княгини М.К.Тенишевой на протяжении нескольких лет выходит журнал, посвященный теме искусства. При этом пропаганда искусства проводилась

не только среди русских народов, но и за рубежом. Выставки картин и других предметов из музеев прошли во многих европейских городах. Такая деятельность наложила свой отпечаток на европейскую культуру. Взять хотя бы моду — после выставки в Лувре местные мастерские по пошиву одежды были буквально завалены заказами на пошив платьев и сарафанов в традиционном русском стиле. Такая пропаганда наложила отпечаток на развитие европейской культуры в целом, качественным образом повлияла на распространение созидания с целью сохранения и передачи ценностей следующим поколениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольдов, А. И. Живой мир социальной педагогики (в поддержку актуальной науки) / А. И. Арнольдов. — М., 2014.
2. Бочарова, В. Г. Педагогика социальной работы / В. Г. Бочарова. — М., 2014.
3. Ванслова, Е. Г. Музей и школа / Е. Г. Ванслова, А. К. Ломунова, Э. А. Павлюченко и др. — М., 2015.
4. Гнедовский, М. Б. Музей и образование: Материалы для обсуждения / М. Б. Гнедовский. — М., 2015.

© Захаров Сергей Викторович (morkiz.kom@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Смоленск

ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ В МАГИСТЕРСКОЙ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

Агранат Юлия Владимировна

*К.п.н., доцент, Дальневосточный государственный университет путей сообщения
agranat.yulia@gmail.com*

FOREIGN LANGUAGE FOR SPECIAL PURPOSES IN MASTERS TRAINING OF STUDENTS OF A TECHNICAL UNIVERSITY

Y. Agranat

Summary. The article actualizes the problem of goal-setting in the development of a foreign language in the framework of the master's training of students of a technical college. The author examines this problem by identifying contradictions in the context of the main aspects of the relationship of the master's students at a technical college and mastering a foreign language for special purposes. The main contradictions are revealed and their substantial characteristic is given. The article also substantiates the need to achieve the meaningfulness of the specific goals of learning a foreign language at the stage of the magistracy as the goals of the language of mastering the profession in the emerging single language field. The author determines the significance of the special role of a foreign language for special purposes in master's training of students of technical specialties from the standpoint of the need for restructuring the production of contextual professional knowledge in the language of the linguistic reality within the framework of innovativeness of educational practice.

Keywords: students of technical specialties, magistracy, foreign language for special purposes, technical college.

Аннотация. В статье актуализируется проблематика целеполагания в освоении иностранного языка в рамках магистерской подготовки студентов технического вуза. Автор рассматривает данную проблему путем выявления противоречий в контексте основных аспектов взаимосвязи магистерской подготовки студентов технического вуза и освоения иностранного языка для специальных целей. Выявлены основные противоречия и дана их содержательная характеристика. В статье также обоснована необходимость достижения содержательности специальных целей изучения иностранного языка на этапе магистратуры как целей именно языка освоения профессии в формирующемся едином языковом поле. Автор определяет значимость специальной роли иностранного языка для специальных целей в магистерской подготовке студентов технических специальностей с позиций востребованности перестройки продуцирования контекстного профессионального знания на языке новой лингвистической реальности в рамках инновационности образовательной практики.

Ключевые слова: студенты технических специальностей, магистратура, иностранный язык для специальных целей, технический вуз.

Современный этап развития профессиональной подготовки студентов в рамках освоения образовательных программ магистратуры по техническим направлениям и специальностям испытывает кардинальную и достаточно стремительную переоценку ролевой значимости иностранного языка (в большинстве случаев английского) в развитии будущего специалиста, интегрирующегося в систему «человек-общество-производство». На сегодняшний день данная система все

более начинает регулироваться качественно новыми императивами, среди которых языковая система взаимодействия становится важнейшим фактором успешной самореализации личности профессионала [1; 6].

Становятся чаще рассматриваемыми с научной точки зрения вопросы роли дисциплины «Иностранный язык» в контексте реализации его специальных целей — целей освоения языка специальности. В рамках данной

дисциплины предусмотрено свободное владение релевантной терминологией и контекстным техническим содержанием областей профессионально-прикладной направленности на языке языковой системы интегрированного мира, которая, в свою очередь, становится степенью профессиональной самореализации, обусловленной стремлением быть востребованным в интегрированном профессиональном поле (являющемся конкурентоориентированным) [2; 3; 4].

Все чаще начинают преобладать тенденции повышения роли специальных целей иностранного языка в контексте взаимосвязи «наука-практика-производство», которая определяет сегодня успешную подготовку магистрантов. Это обосновывается рядом противоречий, основанных на тенденциях развития самой науки, профессиональной области в целом, а также необходимостью регулирования взаимодействия в рамках единого языкового поля.

Анализ основных аспектов взаимосвязи магистерской подготовки студентов технического вуза и освоения иностранного языка для специальных целей позволил выделить следующие существующие противоречия:

- ◆ между формируемым единым интегрированным профессиональным полем, вовлекающим профессиональные ресурсы личности для создания международных совместных зон экономического и производственного развития и необходимостью коммуникативного взаимодействия субъектов, интегрированных в данное поле, на основе единой языковой системы (в качестве которой все более значимо выступает английский язык) как системы общей профессиональной контекстной кодификации;
- ◆ между созданным взаимодействующим международным пространством (образовательным и профессиональным) и структурой научного подхода к освоению языка специальности, возникающего при формировании новых лингвистических концепций и парадигм, а также возникновении новой лингвистической реальности;
- ◆ между принадлежностью роли специальных целей знания языка и стремительным увеличением технологий овладения им, связанными с внедрением инновационных подходов в производстве с целью преодоления «дробности» языковой картины мира в рамках международного взаимодействия;
- ◆ между единой направленностью научной традиции и поли-, мультикультурностью современного социума, приводящей к множественности самопозиционирования и самореализации будущего профессионала для успешного профессионального развития;

- ◆ между базовым академическим знанием иностранного языка и востребованностью контекстного ситуативного знания, обусловленного субъектностью профессионала в деятельности;
- ◆ между статусом сегодняшних целей знания иностранного языка и вынужденной его позицией сегодня стоять в ряду прогрессивных профессионально-информативных знаний;
- ◆ между прикладными моментами профессиональной деятельности, осуществляемой в международном интегрированном масштабе, практической пользой знания иностранного языка как основного языка обучения и деятельности и возникающими противоречиями в самой практике его преподавания, дальнейшего использования и др.

Таким образом, стремительное развитие образовательных и профессионально-прикладных инноваций, особенно технической и технологической стороны их направленности послужило своеобразным вектором, направленным на достижение содержательности специальных целей изучения иностранного языка на этапе магистратуры как целей именно языка освоения профессии в формирующемся едином языковом поле.

Это востребовало осуществление процесса преподавания иностранного языка магистрантам технических направлений с позиций реализации технологий более продуктивных и благоприятных с точки зрения условий функционирования международного профессионального и образовательного пространства, расширяющего границы своего взаимодействия и преемственности [4; 5].

Это также предопределило новые подходы к изучению иностранного языка в контексте нового понимания продуцирования профессионального технического знания в сфере формирующейся единой языковой системы взаимодействия, которая становится призванной обеспечивать (с точки зрения основного языка обучения и профессиональной самореализации) в заданном лимите времени максимальные приросты в области технических знаний как знаний специальности, собственно техники, технологии, производства и т.д.

Таким образом, роль иностранного (английского) языка для специальных целей в магистерской подготовке студентов технических специальностей требует на сегодняшний день перестройки продуцирования контекстного профессионального знания на языке новой лингвистической реальности в рамках инновационности образовательной практики, призванной перестроить и применить все к сложившимся новым условиям развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ганачевская, М. Б. Современный подход к моделированию профессионально-ориентированной иноязычной подготовки студентов и магистрантов / М. Б. Ганачевская // Вестник Казанского технологического университета. — 2014. — № 20. — С. 394–397.
2. Грамма, Д. В. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку магистрантов технических специальностей / Д. В. Грамма, С. В. Кузнецова // Интерактивная наука. — 2017. — № 15. — С. 47–49.
3. Градалева, Е. А. Реализация направления «Английский язык для специальных целей» в техническом вузе (на примере учебного пособия «Construction and engineering: innovative methods of teaching ESP») / Е. А. Градалева, Н. С. Евстропова, М. О. Полухина // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. — 2018. — № 40. — С. 29–35.
4. Матухин, Д. Л. Методологические основы смешанной формы обучения профессиональному иностранному языку студентов технических специальностей [Электронный ресурс] / Д. Л. Матухин // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — № 2. — Режим доступа: <https://science-education.ru/article/view?id=12968>
5. Полякова, Т. Ю. Обучение иностранному языку в магистратуре инженерных направлений / Т. Ю. Полякова // Вестник Федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный агроинженерный университет им. В. П. Горячкина». — 2014. — № 1. — С. 26–29.
6. Степанова, М. М. Целевой компонент управления обучением деловому иностранному языку в магистратуре многопрофильного вуза / М. М. Степанова // Молодой ученый. — 2013. — № 11. — С. 658–660.

© Агранат Юлия Владимировна (agranat.yulia@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Дальневосточный государственный университет путей сообщения

СТРАТЕГИИ И ПРИЕМЫ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПЕРЕВОДЧИКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)¹

Ван Линлин

Профессор, Институт иностранных языков
Цицикарского университета, Китай
15904523388@163.com

STRATEGIES AND ACCEPTANCE OF SYNCHRONIC TRANSLATION IN THE WORK OF INTERNATIONAL TRANSLATORS (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES)

Wang Ling Ling

Summary. This article discusses the problems encountered in the process of work in the activities of international translators. Special attention is paid to the concept and features of simultaneous translation. To relieve mental stress in the process of work, it is necessary to apply strategies and receptions of the performed translation. Therefore, in the process of training international translators, it is necessary to pay close attention to the theoretical and practical training of young professionals. This article is devoted to the analysis of practical training that arises in the process of the activities of international translators from Russian into Chinese and from Chinese into Russian.

Keywords: communicative activities of international translators, professional and non-professional translators, translation from Russian into Chinese and from Chinese into Russian, strategies and receptions of simultaneous translation.

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемы, возникающие в процессе работы в деятельности международных переводчиков. Особое внимание уделяется понятию и особенностям синхронного перевода. Для снятия психического напряжения в процессе работы необходимо применять стратегии и приемы выполняемого перевода. Поэтому в процессе обучения международных переводчиков необходимо уделить пристальное внимание теоретической и практической подготовке молодых специалистов. Данная статья посвящена анализу практической подготовки, возникающей в процессе деятельности международных переводчиков с русского языка на китайский и с китайского языка на русский.

Ключевые слова: коммуникативная деятельность международных переводчиков, профессиональные и непрофессиональные переводчики, перевод с русского языка на китайский и с китайского языка на русский, стратегии и приемы синхронного перевода.

В настоящее время в рамках лингводидактического направления все больше внимания уделяется коммуникативной деятельности международных переводчиков. По данным Российской газеты, на «Первом российско-китайском энергетическом бизнес-форуме» было принято решение начать поставку российского природного газа в Китай с 20 декабря 2019 года. Кроме этого, в рамках форума были рассмотрены вопросы эксплуатации первого автомобильного моста через реку Амур, а также торгового и инвестиционно-взаимодействия [10]. В связи с расширением экономического сотрудничества между странами, возрос интерес к качественной подготовке и переподготовке специалистов с китайского языка на русский и наоборот.

Актуальность данной работы обуславливается необходимостью выявления особенностей синхронного перевода на материале русского и китайского языков, а также определения стратегий и приемов подготовки международных переводчиков.

Научная новизна работы определяется выбором материала исследования: теория обучения устному переводу с китайского языка на русский и наоборот является новой, востребованной, и освещена лишь в нескольких статьях.

Вопросу подготовки международных переводчиков с китайского языка на русский и наоборот посвящены работы А. Зульхаят [3] и Гу Х., Г. В. Ганапольской [7]. В этих

¹ Работа выполнена в рамках проекта 18YYD412 «На фоне инициативы “один пояс и один путь” подготовки международных переводчиков» поддержанного Правительством провинции Хэйлунцзян Китая для поддержки изучения гуманитарных и социальных наук.

работах подробно отражены особенности формирования профессиональных качеств переводчика и противопоставлены стратегии перевода профессионального и непрофессионального переводчиков.

Целью данной статьи является обозначение значимости синхронного перевода на примерах обращения к этому виду перевода из актуальных источников, а также анализ приемов и стратегий синхронного перевода в деятельности международных переводчиков.

Данная цель обусловила необходимость решения следующих **задач**:

1. выявить особенности синхронного перевода;
2. проанализировать ситуации обращения к этому виду перевода;
3. отметить возможности методики преподавания синхронного перевода;
4. обозначить стратегии и приемы обучения международных переводчиков с китайского языка на русский и с русского языка на китайский.

Обратимся к понятию «синхронный перевод». Мы руководствуемся определением Г.В. Чернова, который под термином «синхронный перевод» подразумевал устный перевод, осуществляемый на слух, при котором переводчик транслирует текст перевода параллельно с речевым сообщением [8, с. 8]. Главными особенностями синхронного перевода, по мнению исследователя А.Ф. Ширяева, являются:

1. осуществление перевода параллельно с речью оратора;
2. строгая зависимость от времени и темпа произнесенного текста;
3. посегментный характер перевода [9, с. 6].

Необходимо отметить, что параллельность речи оратора и переводчика достигается за счет небольшого отставания переводчика. Как правило, отставание происходит в пределах 2–10 секунд.

Мы приходим к выводу, что переводчик должен уметь преобразовывать устную речь с повышенной скоростью, синхронизировать слушание и говорение одновременно в процессе речевого акта собеседников, а также переводить, ориентируясь на темп и скорость речи собеседника.

Каждый переводчик во время проведения переговоров, симпозиумов, международных конференций переживает сильное психическое напряжение [5, с. 82]. Поэтому каждый специалист должен обладать выносливостью, быстрой реакцией, необходимым уровнем речевого контроля. Кроме этого, переводчику необходимо иметь широкий кругозор, быть специалистом в разных

смежных областях для возможности установки логических связей и умелого оперирования терминами [2, с. 38].

Для формирования соответствующих умений необходимо совершенствование методики обучения международных переводчиков. В современных образовательных организациях большое внимание уделяется развитию культуры слуховых ощущений, которое достигается за счет тренировки отчетливости и надежности восприятия в сложных условиях. Для китайских переводчиков, которым свойственны интровертность, замкнутость и необщительность, усвоение техники синхронного перевода проходит сложнее и мешает переводческой деятельности [11].

В работе А. Зульхаят отмечается, что китайские переводчики считают главной сложностью восприятие и перевод русского текста, богатого эпитетами, метафорами и другими художественными выразительными средствами [3, с. 96]. В качестве примера можно привести фразу: «Словно красивый дракон монолит китайских колонн проплыл по брусчатке Красной площади» (18.06.2019). Приведем дословный перевод этой фразы на китайский язык: 就像一条美丽的巨龙中国柱横跨红场的人行道 (Как красивый китайский дракон колонна, прошла через тротуар на Красной площади). Однако в дословном переводе не отмечена особенность китайской колонны и ее значимость в проведении Парада Победы на Красной площади 9 мая 2019 года.

С целью развития интерактивных качеств переводчика очень часто применяются устные синхронные переводы прямых трансляций выступлений политических лидеров. В качестве примера можно привести фразу: 在北京舉行的新聞發布會上，國務院成員出席了所謂的白皮書 (На пресс-конференции в Пекине члены госсовета представляют так называемую Белую книгу). Интерес представляет сочетание «Белая книга», которая дословно переводится как название акции (Члены госсовета принимали участие в Белой книге), либо «официальные документы».

Сложность для русских переводчиков с китайского языка составляет перевод целого и частей, а также чисел, начинающих с десяти тысяч. Например, китайскую фразу 提高2倍 (дословный перевод — *повыситься 2 раза*) следует перевести, как *подняться в 3 раза*.

Для качественной подготовки международных переводчиков необходимо усвоить теоретическую базу изучаемого языка. На практических занятиях стоит уделить пристальное внимание тренировке быстрого и правильного реагирования в процессе переговоров, гибкости, мобильности, решительности при принятии переводче-

ских решений, а также формированию активности и способности к прогнозированию ситуации общения.

Для достижения этих умений И. В. Гурин предлагает при проведении синхронного перевода подбирать синонимичные слова и выражения, заменять словосочетания и предложения более краткими фразами, опускать отрезки, в которых дублируется полученная информация, опускать избыточные смысловые сочетания и выражения [1, с. 87].

Перейдем к описанию стратегий и приемов, используемых при изучении техники синхронного перевода. В. М. Илюхин в своей работе под термином «стратегия синхронного перевода» понимает метод выполнения переводческой задачи, который заключается в адекватной передаче иностранного языка на переводимый язык коммуникативной интенции отправителя с учетом культурологических и личностных особенностей оратора, базового уровня, языковой надкатегории и подкатегории [4, с. 14].

1. **Стратегия проб и ошибок** является одним из методов достижения эквивалентности и адекватности в синхронном переводе. Данная стратегия актуальна при отсутствии в кабине перевода заранее подготовленного транскрипта выступления. Сущность этой стратегии заключается в том, что некоторые термины и понятия сложно переводить без планируемого контекста выступления.

В качестве примера можно привести фразу:

今年，我們莊嚴慶祝“中國人民抗日戰爭勝利70週年”（《В этом году мы торжественно отметили «70-летие Победы в Войне китайского народа против японских захватчиков》）。Непрофессиональный переводчик перевел бы эту фразу таким образом: «В этом году мы торжественно отметили семидесятую годовщину со дня победы Антияпонской войны» [7, с. 27]. Данный перевод отличается употреблением названия войны, хотя в продолжении фразы «世界反法西斯战争» речь идет о Второй мировой войне.

Данная стратегия подразумевает владение двумя подстратегиями: выбор ошибочного варианта или выбор правильного ответа. В этом случае переводчик использует расширение контекста любыми возможными способами для достижения правильного перевода употребляемой фразы.

2. **Стратегия вероятного прогнозирования** используется для облегчения воссоздания формы исходного высказывания на основе употребляемых предлогов, начальных слов, названий и организаций, фразеологизмов, устойчивых

выражений. В качестве примера можно привести фразу: 友誼經驗本着愛國主義，合作共贏的精神（《Опыт дружбы в духе патриотизма, сотрудничества и обоюдного выигрыша》）。Начальная фраза «опыт дружбы в духе...» подразумевает употребление однородных управлений в Родительном падеже.

3. **Прием ожидания** используется для возможности получения дополнительного контекста. В это время переводчик выдерживает паузу от 2 до 10 секунд и далее продолжает выполнение синхронного перевода [6, с. 76]. Затянувшаяся пауза может стать причиной потери оратора. Например: «Правда, у нас за год побывало лишь 87 тысяч жителей российской столицы» (的確，在我們這一年中，只有87000名俄羅斯首都居民訪問過)。Далее сообщается о целях визита и возможностях увеличения потока туристов в Китайскую Народную Республику. Дождаясь предикативной пары для возможности установления субъектно-предикативно-объектных отношений в предложении на иностранном языке, переводчик выдерживает небольшую паузу после вводимого слова «правда, действительно» (的確)。
4. **Стратегию столлинга** используют для возможности оттягивания времени за счет пропуска перевода информации, которая не несет никакой смысловой нагрузки в предложении. Например, фраза: «實質性研究了當前的國際問題»（《рассмотрели актуальные международные проблемы》）переводится без использования уточняющего наречия «предметно»。
5. **Прием компенсации** требуется для исключения тавтологии, поэтому некоторые слова заменяются неопределенными или указательными местоимениями. На российско-китайских переговорах Председатель КНР Си Цзиньпин произнес фразу: 在過去六年中，我們遇到了近三十次（《За последние шесть лет мы встречались почти 30 раз》），подразумевая под местоимением «мы» встречу между лидерами двух стран。
6. **Прием нейтрализации** используется для снятия оценочности, экспрессивности и стилистической окраски слова. Фраза «насилованная передача интеллектуальной собственности»（強制轉讓知識產權）в переводе на китайский язык будет лишена коннотативно окрашенного определения «насилованный» и заменена на нейтральное прилагательное «обязательный»。

Таким образом, нам удалось достичь цели нашей работы и проанализировать основные стратегии и приемы, используемые международными переводчиками на международных переговорах, встречах, симпозиумах, конференциях, др.

Данные приемы и стратегии выполняют следующие функции: устраняют сложность понимания текста, упрощают текст на языке перевода и помогают переводчику выйти из критических ситуаций (прием упущения, прием нейтрализации).

В результате исследования мы пришли к выводу, что теоретическое знакомство со стратегиями и приемами синхронного перевода направлено на снижение психофизиологической нагрузки и повышение качества перевода, выполняемого международными переводчиками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурин И. В. Проблемы речевой компрессии в синхронном переводе. Проблемы и методы исследования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2008. № 1(1): в 2-х ч. — Ч. I. — С. 85–88.
2. Зубанова И. В. Первый раз в кабине синхрониста // Мосты. — 2011. — № 3(31). — С. 31–42.
3. Зухаят А. Формирование профессиональных качеств устного переводчика: русский и китайский языки // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. — 2015. — № 2(24). — С. 93–102.
4. Илюхин Д. В. Стратегии в синхронном переводе (на материале англо-русской и русско-английской комбинаций перевода): дис. ... канд. фил. н. — М.: МГЛУ, 2001. — 206 с.
5. Мирам Г. Э. Профессия переводчик. — К.: Ника-Центр, 1999. — 160 с.
6. Тарнаева Л. П. Специфика когнитивных механизмов речевой деятельности переводчика: лингводидактический аспект // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. Гуманитарные науки. — 2008. — № 4(14). — С. 74–80.
7. Хонфей Г., Ганопольская Е. В. Сравнение стратегий перевода профессионального и непрофессионального переводчиков при устном переводе с китайского языка на русский // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. — 2018. — № 2. — С. 22–37.
8. Чернов Г. В. Основы синхронного перевода. — М.: Высш. Шк., 1987. — 256 с.
9. Ширяев А. Ф. Синхронный перевод: Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. — М.: Воениздат, 1979. — 183 с.
10. Щепин К. Экономическое сотрудничество расширяется // Российская газета. — Спецвыпуск № 11 (7769). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2019/01/20/v-2019-godu-rossiia-i-kitaj-vyjdut-na-novye-rubezhi-sotrudnichestva.html> Дата обращения: 02.07.2019.
11. 朱达秋, 徐曼琳. 《实战俄语口译》[M]. —外语教学与研究出版社.— 2007.

© Ван Линлин (15904523388@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИГРОВЫЕ ФОРМЫ КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

GAME FORMS OF KNOWLEDGE CONTROL ON CLASSES ON THE RUSSIAN LANGUAGE AS FOREIGN

**L. Zakhidova
O. Krasnova
O. Cheredinova**

Summary. This article is devoted to the use of game forms of work in the classroom in the Russian as a foreign language. In this paper, special attention is paid to the fact that the game turns out to be an effective method of work at all stages of the lesson of the Russian as a foreign language, including the control stage. The author notes that the play forms of work not only help to identify the level of student mastery of the knowledge, skills and abilities, as well as build up their steady interest to learn the language, which affects the quality of education in general. The paper presents some of the games used in the practice of teaching, aimed at checking the mastery of the vocabulary of the Russian language, as well as games using technical teaching aids.

Keywords: gaming technologies of training, game forms of work, control, lexical games, Russian as a foreign language.

Захидова Лариса Сергеевна

*К.филол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Новосибирский
государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации
lz@ngs.ru*

Краснова Ольга Александровна

*Доцент, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный
медицинский университет» Министерства
здравоохранения Российской Федерации
internsmu@gmail.com*

Черединова Ольга Витальевна

*Старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Новосибирский
государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации
Cheredinova@mail.ru*

Аннотация. Настоящая статья посвящена вопросам использования игровых форм работы на занятиях по русскому языку как иностранному. В работе особое внимание обращается на то, что игра оказывается эффективным приёмом работы на всех этапах урока РКИ, в том числе и на этапе контроля. Автором отмечается, что игровые формы работы не только способствуют выявлению уровня овладения учащимися необходимыми знаниями, умениями и навыками, а также сформировать у них устойчивый интерес к изучаемому языку, что влияет на качество обучения в целом. В работе представлены некоторые игры, используемые в практике преподавания, направленные на проверку усвоения лексики русского языка, а также игры с применением технических средств обучения.

Ключевые слова: игровые технологии обучения, игровые формы работы, контроль, лексические игры, русский язык как иностранный.

Контроль знаний учащихся является необходимым этапом учебного процесса. Контроль представляет собой не только элемент занятия, позволяющий оценить знания и умения группы на конкретный период времени, этап обучения, уровень овладения языком. Контроль — это и мотивация к обучению, стимулирование учебной деятельности, формирование должного отношения к собственным достижениям и неудачам при изучении неродного языка.

Проблема контроля при обучении иностранному языку не обделена вниманием исследователей. Контроль как важнейший элемент учебной деятельности становился предметом изучения таких исследователей как Аду С.С., Жаровой О.С., Гагариной Н.В. [1], Елухиной Н.В. [4], Громовой Л.Г. [3], А.Н. Щукина [7] и мн. др. В самом общем плане толкование понятию «контроль» находим у А.Н. Щукина, который пишет, что контроль —

это «<...> часть урока, во время которого преподаватель оценивает, как учащиеся усвоили пройденный материал» [7, с. 276]. Накопленный научный опыт по данному вопросу показывает, что подходы к определению термина «контроль» несколько разнятся. Однако учёные едины во мнении о том, что контроль знаний, умений и навыков учащихся — это процесс многоплановый, не заключающийся лишь в выявлении степени «соответствия между целями и результатами обучения» [6, с. 8]. Его природа несколько сложнее.

Современный этап развития педагогической науки диктует необходимость отхода от догматических методов преподавания, отдавая предпочтение сотрудничеству: обучающийся одновременно является и объектом, и субъектом образовательного процесса. В этой связи игровые технологии в преподавании иностранного языка обретают всё большую актуальность.

Именно игровые формы контроля на уроке иностранного языка позволяют определить достигнутые результаты овладения русским языком, а также за счёт игрового характера позволяют обучающимся вовлечься в образовательный процесс, не чувствуя себя при этом лишь экзаменуемым. Грамотно и уместно подобранные или самостоятельно созданные игровые формы контроля позволяют преподавателю также сформировать стойкую мотивацию к обучению, а соответственно, и повысить качество образования в целом. Справедливыми в данном случае оказываются слова С.В. Вятлевой и О.П. Щукиной, которые в своей работе «Использование игровых технологий при обучении иностранным языкам в военных образовательных организациях» указывают, что игра — это «<...> мощный стимул к овладению иностранным языком и эффективный приём в арсенале преподавателя» [2, с. 10]. Неслучайно практикующие педагоги очень активно используют игровые технологии на своих занятиях.

На сегодняшний день активно изучаются, описываются, внедряются и используются игровые приёмы обучения. Они могут оказаться уместными на всех этапах занятия: на этапе объяснения нового материала, на этапе обобщения и систематизации знаний, а также на этапе контроля. В форме игры может осуществляться как промежуточный, так и текущий контроль. Думается, что проводить итоговые мероприятия (экзаменационные испытания, зачёты, по результатам которых обучающимся присваивается очередной уровень владения иностранным языком, контрольные работы) проводить в форме игры не представится возможным. Поэтому в данной статье особое внимание будет обращено на контроль как этап урока (в качестве подведения итогов темы или их совокупности, этап подготовки к контрольной работе), а не занятие в целом.

Говоря о применении лексических игр на этапе контроля усвоения русскоязычной лексики иностранными гражданами, следует сказать о том, что такие игры уместно использовать на любом этапе обучения: от уровня владения А1 до более высоких сертификационных уровней. Главное условие эффективного использования игры оказывается учёт возрастных особенностей группы, а также их темперамента и национальных особенностей (как показывает практика, в игровую деятельность быстрее и активнее вовлекаются представители ближнего зарубежья, арабских и африканских стран, нежели обучающиеся из азиатских стран).

В практике преподавания всё большую популярность обретает педагогическая игра, сходная с современной игрой «Крокодил», достаточно популярной в молодёжной среде. Целью данной формы контроля является проверка усвоения лексических единиц, изученных в рам-

ках той или иной темы. Зачастую эта игра оказывается уместна лишь в том случае, если лексика представляет собой не абстрактные понятия, которые реально продемонстрировать без помощи слов. На подготовительном этапе к проведению игры преподаватель должен изготовить карточки, на которых напечатаны необходимые для проверки слова. В ходе проведения игры преподаватель предлагает учащемуся выбрать одну из лежащих перед ним карточек, находящихся в перевёрнутом состоянии, прочитать написанное там слово и показать (с помощью мимики и жестов, без использования слов) товарищам по группе то понятие, которое он узнал из раздаточного материала. Если же данная игра проводится в группе, уже имеющей некоторый словарный запас неродного языка, то преподаватель может предложить обучающимся не показывать, а объяснять исходное слово, не называя его и однокоренных ему лексем.

Также эффективным приёмом контроля усвоения нового лексического материала может послужить игра, схожая по своим правилам с существующей игрой «Лото». Данная лексическая игра предполагает правильное соотношение изображения и лексической единицы. Подготовительный этап требует от преподавателя создания игровых полей, содержащих картинки, иллюстрирующие изученные понятия, а также карточки, содержащие соответствующие лексемы. Каждый учащийся получает игровое поле. Эффективность игры (в качестве формы контроля) повышается в условиях отсутствия ведущего (как в традиционном варианте игры). Симптоматично, что при открытии карточек по очереди каждым обучающимся позволит преподавателю за более короткое время оценить знания большей части группы. Данная лексическая игра окажется наиболее уместна на начальном этапе освоения иностранного языка, когда словарный запас учащихся невелик. Например, эффективно использовать данную лексическую игру представляется возможным при контроле качества усвоения темы «Количественные числительные», «Продукты питания», «Профессии» и проч.

Следует отметить, что проведение описанных выше лексических игр позволит преподавателю не только оценить уровень усвоения иноязычной лексики по итогам темы, но несут ярко выраженный развлекательный характер, что способствует развитию познавательного интереса у обучающихся к предмету, мотивируют их к достижению более высоких результатов в учебной деятельности (особенно если преподаватель обеспечит соревновательную атмосферу во время игровой деятельности), а также реализуют релаксирующую функцию, что также необходимо при интенсивном обучении неродному языку.

Как уже упоминалось выше, формы контроля могут быть использованы и на этапе подготовки к итоговым мероприятиям, например, на уроке подготовки к кон-

трольной работе, когда преподавателю необходимо оценить уровень готовности группы, с одной стороны, и проверить их знания — с другой. Таким образом, результаты работы на такого рода занятии позволяют судить об успешности освоения темой или их совокупностью. Со стороны учащегося — такой контроль продемонстрирует обучающимся их уровень знаний, с которым они подходят к итоговому контролю, покажет проблемные моменты, поспособствует их самоанализу.

Как известно, развитие современных средств коммуникации и методика преподавания различных дисциплин (в том числе и русского языка как иностранного) тесно взаимосвязаны. На сегодняшний день использование в образовательном процессе средств ТСО является наиболее актуальным. Компьютер оказывается средством, которое позволяет более наглядно представить материал, затрачивая на семантизацию минимальное количество времени, помогает разнообразить урок музыкальным оформлением, видеоматериалом и т.п. Однако следует отметить, что компьютер может оказаться помощником при проведении игровой формы контроля.

В качестве примера приведём игру, которая своей формой напоминает популярную телевизионную игру

«Своя игра». Целью данной игры становится выявление уровня знаний обучающихся перед написанием контрольной работы. На большом экране / экранах компьютеров в условиях компьютерного класса проецируется презентационный слайд с игровым полем, заранее подготовленный преподавателем. Его содержание должно представлять наименование тех тем (или микротем внутри большой темы), которые необходимо усвоить для успешной сдачи итогового испытания. Учащемуся предоставляется право самостоятельно выбрать тему и вопрос. Однако ведущая роль преподавателя позволяет ему предложить выполнить то или иное задание конкретному ученику, если знания этого студента вызывают сомнения у педагога.

Таким образом, игровые формы контроля знаний, умений и навыков могут оказать эффективными приёмами работы. В процессе игры преподаватель не только оценивает знания обучающихся по той или иной теме (совокупности тем), но и создаёт особую психологическую обстановку на занятии — атмосферу творчества, сотрудничества, создаёт ту среду, которая способствует росту интереса обучающихся к предмету и языку в целом, что в свою очередь приводит к повышению качества обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аду С. С., Жарова О. С., Гагарина Н. В. Использование различных видов промежуточного контроля при оценке сформированности навыков и умений по РКИ в учебно-профессиональной сфере // *Успехи современной науки и образования*, 2016. — № 3. — С. 147–151.
2. Вятлева С. В., Щукина О. П. Использование игровых технологий при обучении иностранным языкам в военных образовательных организациях // *Внедрение и использование инновационных технологий преподавания иностранного языка в образовательных организациях высшего образования*. — 2014. — С. 8–11.
3. Громова Л. Г. Контроль и самоконтроль как способ управления учебной деятельностью при формировании коммуникативной компетенции (на материале устной речи при обучении иностранцев русскому языку на начальном этапе): дис. . . канд. пед. наук. — М., 1991. — 266 с.
4. Елухина Н. В., Жукова Е. А. Устный контроль при коммуникативно направленном подходе к обучению иностранным языкам // *Иностранные языки в школе*. 1991. — № 3. — С. 21–25.
5. Николаева О. И., Мельниченко С. Г., Тепляковская А. Н. Настольные игры в обучении английскому языку // *Актуальные задачи педагогики: материалы VIII Междунар. науч. конф.* — М., 2017. — С. 157–161.
6. Парнюгин А. С. Контроль в обучении устному иноязычному общению студентов младших курсов языкового вуза: английский язык: автореферат дис. . . канд. пед. наук. — Томск, 2007. — 23 с.
7. Щукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: учеб. пособие для вузов. — М.: Высшая школа, 2003. — 334 с.

© Черединова Ольга Витальевна (Cheredinova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ КОМИКСА В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

THE ROLE OF THE COMIC STRIP IN TEACHING ENGLISH

**E. Ivanova
A. Khomenko**

Summary. The article is devoted to the role of comics in teaching English. The relevance of the research is due to the growing role of creolized texts in modern intercultural communication and the educational environment. Of particular interest is the comic strips, in view of the combination of verbal and non-verbal components. Since the comic contributes to the formation of communicative competence, it should be considered as a motivating factor in teaching a foreign language.

Keywords: creolized text, comic strip, motivation, verbal component, non-verbal element.

Иванова Елена Александровна

*К.п.н., доцент, Сургутский Государственный
Университет*

Хоменко Анастасия Борисовна

*Сургутский Государственный Университет
pekenesek@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию комиксов и их роли в обучении английскому языку, что обусловлено возрастающей ролью креолизованных текстов в современной межкультурной коммуникации и образовательной среде. В виду сочетания в комиксе вербальных и невербальных компонентов, он способствует формированию коммуникативной компетенции. Следовательно, комикс рассматривается как мотивирующий фактор в обучении иностранному языку.

Ключевые слова: креолизованный текст, комикс, мотивация, вербальный компонент, невербальный элемент.

За последние годы в современной лингвистике значительно возрос интерес к невербальным средствам коммуникации, среди которых особенно выделяют визуальную информацию. Современные лингвисты отмечают, что визуальная информация, иллюстрирование, и паралингвистические письменные средства все чаще становятся частью текстообразования. Гришенкова Т.Ф. и Иванова Е.А. утверждают, что «современные учащиеся гораздо эффективнее воспринимает визуальные образы, нежели вербальные средства, следовательно, особое внимание следует уделить технологиям визуализации в учебном процессе» [3, с. 92]. Исходя из этого, можно заключить, что использование креолизованных текстов, как учебных материалов представляет особую значимость при обучении иностранному языку.

Так, креолизованный текст представляет собой смешанный тип текста, который состоит из двух частей: вербальной и невербальной. Ряд авторов называют креолизованные тексты «поликодовыми». Так В.Е. Черняв-

ский рассматривает поликодность как взаимодействие различных кодов, считая, что «кодом является система условных обозначений, символов, знаков и правил их комбинаций между собой для передачи, обработки и хранения информации в наиболее приспособленном для этого виде» [8, с. 28].

Е.Е. Анисимова креолизованным текстом называет «особый лингвовизуальный феномен, текст, в котором вербальный и невербальный компоненты образуют одно визуальное, и смысловое целое, обеспечивающее его комплексное прагматическое воздействие на адресата» [2, с. 63].

Креолизованные тексты бывают двух видов:

- ◆ с частичной креолизацией;
- ◆ с полной креолизацией;

В тексте с частичной креолизацией вербальный компонент и иллюстрации представлены в равной степени.

В таком типе текста изображения можно убрать, что никак не повлияет на общее понимание его смысла. Чаще всего произведение с частичной креолизацией можно встретить в газетных, научно-популярных и художественных текстах. Текст с полной креолизацией — это сочетание вербального и невербального компонентов в равной степени. Текст напрямую зависит от иллюстраций, а сами изображения являются ключевым элементом произведения. Данный тип креолизованного текста применяется в рекламе, плакатах, научных и научно-технических текстах.

Наиболее востребованным типом креолизованного текста в процессе обучения английскому языку является комикс. «Комикс — представляет собой особый способ повествования, текст которого является последовательностью рисунков и вербального компонента, передающее преимущественно диалог персонажей или описание, заключенное в специальную рамку. При этом, рисунок и заключенный в него текст образуют смысловое единство» [4, с. 144].

Комикс воспроизводит жизненные ситуации, сближая обучение с реальностью, что позволяет детям понять, как можно использовать полученные в школе знания за ее пределами. Ученикам необходимо понимать, для чего они учатся, и как эти знания пригодятся им в жизни. Также, комикс способен решить проблему мотивации, отсутствия интереса к учебе.

Рассматривая комикс как средство мотивации, следует отметить, что

сегодня преподаватели сходятся во мнении, что степень и результативность обучения ребёнка в школе напрямую зависят от побуждений и потребностей школьника, то есть мотивации. Мотивация представляет собой комплекс движущих сил поведения в виде потребностей, интересов, целей и идеалов. В ней сочетаются такие человеческие свойства, как направленность, ценностные ориентации, установки, эмоции, волевые качества и другие социально-психологические характеристики.

Под мотивацией следует понимать «запускной механизм» человеческой деятельности, среди которых выделяют труд, общение и познание. Мотивацию поддерживает успешный результат. При отсутствии успеха снижается мотивация в целом, что негативно сказывается на процессе выполнения действий [4, с. 5]. Карпов же считает, что мотивация — «это процесс, включающий психологическое и физиологическое управление поведением, содержащий его включение, направление, организацию и поддержание» [5, с. 99]. Таким образом, мотивация — понятие достаточно широкое. Исследователями оно расценивается по-разному. Однако, все они

сходятся во мнении, что мотивация представляет собой побудительные мотивы к действию и является необходимым условием образовательного процесса.

Комикс среди креолизованных текстов отличается тем, что повышает интерес у школьников к познавательной деятельности, вдохновляет, стимулирует творческую активность и стремление учащихся к самообразованию. Современные исследования отмечают, что применение креолизованных текстов во время обучения помогает задействовать не только логическую сторону нашей мыслительной деятельности, но и эмоциональную сторону человеческой психики. Так, карикатуры вызывают положительное эмоциональное отношение к исследуемому материалу, что значительно повышает интерес учащихся и улучшает процесс обучения.

Психологами было установлено, что положительные эмоции побуждают человека к деятельности. Они способны мотивировать школьника быть активным на уроке, вырабатывают большой интерес к иностранным языкам, а также стимулируют к активной работе. А в соответствии с принципами сознательной деятельности человека, прежде всего хорошо усваивается и запоминается то, что вызывает положительные эмоции.

Также следует отметить, что комикс способствует реализации основной цели обучения иностранному языку — формированию коммуникативной компетенции, которая поможет ученикам, изучающим английский язык, осуществить общение на иностранном языке. Так как в комиксах, чаще всего применяют свободный стиль речи с эмоционально окрашенной лексикой, а диалоги представлены короткими и односложными фразами, то и усвоение такого текста дается учащимся легче, чем сплошного литературного текста. А вариативность комиксов по плану содержания позволяет использовать данный креолизованный текст при работе с учащимися любого уровня и на любую тему.

«На уроках иностранного языка комикс обладает огромным дидактическим потенциалом, поскольку в процессе обучения визуализация или наглядность играет одну из главенствующих ролей и неотрывно связана с восприятием и запоминанием учебного материала» [3, с. 95]. Сегодня существуют различные жанры и издания комиксов, которые могут быть использованы для любой возрастной группы — для учащихся начальной, средней и старшей школы, а также для людей старшего возраста. Для использования комиксов на уроках подходят короткие комиксы, объемные произведения предлагаются для домашней работы.

Поскольку комикс представляет собой аутентичный материал, он насыщен множеством фоновой лексики,

разговорных выражений и других языковых особенностей, присущей культуре носителей языка. Эти особенности комиксов способствует большему пониманию иноязычной культуры и повышению мотивации учащихся.

Комикс представляет собой систему из изображений и текста, представленную в виду вербального и невербального компонентов. Вербальный компонент комикса — это текст, содержащий слова героев или автора. Речь и мысли персонажей заключены в «словесном пузыре» или «словесном облаке», который именуется филактере [5, с. 78]. Невербальный компонент комикса представляет собой последовательность иллюстраций, связанных сюжетной композицией. А взаимосвязанность вербального и невербального элемента создает план содержания комикса.

Рассматривая комикс как средство мотивации к изучению иностранного языка, следует отметить, что невербальный компонент, представленный в виде забавных и красочных иллюстраций, вызывает эмоционально — положительное отношение к изучаемому материалу, что мотивирует интерес к тексту у учащихся и стимулирует их работать. Яркие изображения представляют интерес к изучению у учащихся любого возраста, независимо от уровня знаний изучаемого языка. Также, невербальный компонент комиксов способствует формированию коммуникативной компетенции учащихся, что способствует повышению заинтересованности к процессу и самому исследуемому материалу.

Вербальная же составляющая комикса способствует развитию различных навыков и умений. Современные преподаватели активно используют комиксы при обучении навыкам чтения, говорения, а также письменной речи. Так, в начальной школе учащиеся с интересом отработывают навыки чтения и понимания общего смысла текста. Комиксы, в отличие от привычного текста, делают процесс обучения намного интереснее. При обучении письму после прочтения комикса студенты могут составить свой текст, заменив слова. Такие задания призывают проявлять творчество и смекалку. Речь героев комиксов, насыщенная речевыми клише и междометиями, выражает разнообразные чувства и эмоции, и способствует повышению мотивации учащихся. Преподаватель может использовать данную особенность комиксов при развитии навыков устной речи.

Отношения вербальной и невербальной части комикса можно рассматривать с разных положений. Так, Анисимова Е.Е. рассматривает отношения взаимодополнения и взаимозависимости между частями креолизованного текста. При отношениях взаимодополнения невербальная часть комикса понятна без слов. Вербаль-

ному компоненту отводится дополнительная, уточняющая функция. При отношениях взаимозависимости изображение зависит от вербального компонента, определяющего план содержания комикса. Вербальный компонент в данном случае выполняет основную функцию [1, с. 12].

Рассматривая различные комиксы и интерес учеников, можно отметить, что наиболее популярны комиксы среди учащихся младших классов. Особенно ярким и интересным произведением является серия комических историй про Гарфилда.

Рассматривая комический сюжет про Гарфилда, можно отметить, что оба компонента комикса являются взаимосвязанными. Без вербального компонента невозможно понять заложенный план содержания, как и без невербальной части сложно понять смысл и комичность сюжета. Данный креолизованный текст представляет большую ценность в качестве мотивирующего средства при обучении различным навыкам говорения.

Благодаря известному персонажу и эмоциональным иллюстрациям у учащихся повышается интерес к материалу и различным видам работы с ним. А вербальная часть текста позволяет читателям понять сюжет и получить от работы с креолизованным текстом положительные эмоции. Как нами уже было отмечено, положительные эмоции повышают мотивацию к изучению иностранного языка. Читателями небольших комиксов про героев мультипликационных фильмов являются дети и подростки, для которых больший интерес представляют картинки без комментариев в виде вербального компонента. Учащиеся младшего и среднего звена с большим интересом проявляют творческие способности и предлагают свою историю к иллюстрациям. Отсюда можно сделать вывод, что невербальный компонент способствует большей мотивации учащихся. Практика применения комиксов на различных уровнях обучения иностранных языков показала, что использование креолизованных текстов повышает успешность обучения и повышает мотивацию учащихся. Учитывая способности и особенности каждого при выборе учебного материала, преподаватель может сделать процесс обучения более интересным и индивидуальным, что повысит интерес и мотивацию к работе.

Таким образом, комикс выступает как мотивирующий фактор к изучению иностранного языка на любом уровне. Он стимулирует учащихся к проявлению творческих способностей и саморазвитию. Применение комиксов как учебного материала на уроках иностранных языков способствует повышению мотивации учащихся не только к изучению языка, но также и к культуре страны изучаемого языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникации (на материале креолизованных текстов): Учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. / Е. Е. Анисимова. — М.: Издательский центр «Академия», 2003. — 128 с.
2. Березин В. М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. / В. М. Березин. — М.: РИП-холдинг, 2003. — 90 с.
3. Гришенкова Т. А., Иванова Е. А. Рекламный текст как вид креолизованного текста в обучении креативному мышлению. Научный журнал «Современное педагогическое образование». / Т. А. Гришенкова, Е. А. Иванова. — М.: Русайнс, 2018. — 92–98 с.
4. Зимняя, И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе. / И. А. Зимняя. — М.: Просвещение, 1991, — 350 с.
5. Карпов, К. Б. Применение технических средств в обучении иностранным языкам. / К. Б. Карпов. — М.: Просвещение, 2011. — 215 с.
6. Козлов Е. В. Комикс как явление лингвокультуры: знак — текст — миф. /Е.В. Козлов. — Центросоюз Рос. Ф. Волгогр. фил. — Волгоград: ВФ МУПК, 2002. — 219 с.
7. Сонин А. Г. Комикс: психолингвистический анализ: монография. / А. Г. Сонин. — Барнаул: Изд-во Алт. Госун-та, 1999. — 111 с.
8. Чернявская, В. Е. Поликодовое пространство текста: лингвосемантическая парадигма языкознания// Язык в парадигмах гуманитарного знания: 21 век. / В. Е. Чернявская. — СПб., 2009. с. 23–35.

© Хоменко Анастасия Борисовна (pekenesek@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Сургутский Государственный Университет

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ИНЖЕНЕРА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

PSYCHOPHYSIOLOGICAL ASPECTS OF PROFESSIONAL SELF-REALIZATION OF THE ENGINEER IN THE CONDITIONS OF MODERN MANUFACTURE

**A. Klopotnoy
O. Melyakova**

Summary. Preparation of future engineers for professional self-realization in the conditions of production progressing from a scientific and technical point of view has always occupied a significant place in the spectrum of psychological and pedagogical sciences. Considering the professional training of engineering personnel in the framework of historical retrospectives, it can be noted that this training, and with it the profession, has undergone a number of qualitative changes today. At the present stage of socio-economic development, an orientation towards a rapid growth of economic income while adhering to strict professional requirements means, for engineers, the development of new technologies, innovative strategies, the development of new materials, the automation of production systems, and all this in rapidly changing conditions that are dictated by space.

Keywords: professional training of an engineer, psycho-physiological aspects, modern production, modern education, professional self-realization of an engineer.

Клопотной Алексей Юрьевич
ФГБОУ ВО «ГАУ Северного Зауралья»
alexklop1995@gmail.com

Мелякова Ольга Александровна
К.т.н., доцент, ФГБОУ ВО «ГАУ Северного Зауралья»
molga19@yandex.ru

Аннотация. Подготовка будущих инженеров к профессиональной самореализации в условиях прогрессирующего с научно-технической точки зрения производства всегда занимала значимое место в спектре психолого-педагогических наук. Рассматривая профессиональную подготовку инженерных кадров в рамках исторической ретроспективы, можно отметить, что эта подготовка, а вместе с ней и профессия претерпели на сегодняшний день ряд качественных преобразований. На современном этапе социально-экономического развития ориентация на быстрый рост экономического дохода при соблюдении жестких профессиональных требований означает для инженеров освоение новых технологий, инновационных стратегий, разработку новых материалов, автоматизацию производственных систем, и все это в быстро меняющихся условиях, которые «диктует» интегрированное международное пространство.

Ключевые слова: профессиональная подготовка инженера, психофизиологические аспекты, современное производство, современное образование, профессиональная самореализация инженера.

На современном этапе развития производства сегодня работа инженера в условиях производственной деятельности — это интенсивная высококачественная работа с максимальным использованием возможностей, которые предоставляет современная наука и научно-технический прогресс. Наряду с этим сложность техносферы, взаимосвязанность и взаимозависимость процессов, порождающих громадные информационные потоки, обуславливают работу инженера на пределе его [инженера] психофизиологических и физических возможностей [3; 4].

Также необходимо отметить, что в настоящее время в условиях качественного преобразования всех сторон жизни нашего общества возрастает значимость конкурентноспособного специалиста, что также относится и к представителям инженерных профессий. Это сопровождается повышением требований к его профессионализму, уровню психофизической, психофизиологической подготовленности и связано с большим

напряжением как умственных, физических, так и психических сил личности.

На основании результатов профессиографической работы, полученных нами эмпирическим путем в ходе изучения документации, специальной отечественной и зарубежной литературы, анализа информации об опасных производственных факторах и типичных ошибках в профессиональной деятельности инженера, а также интервьюирования профессионалов, были выделены и систематизированы условия труда и соответствующие психофизиологические профессиографические характеристики будущих специалистов горного и шахтостроительного производства, показывающие, что в настоящее время работодателем ценятся такие качества современного специалиста как стрессоустойчивость, нервно-психическая устойчивость [1], самозащитенность, оптимальный уровень тревожности, работоспособность и, конечно же, здоровье (Таблица 1).

Таблица 1

	Горная промышленность	Шахтостроительное производство
Условия труда	<ul style="list-style-type: none"> • работа в дискомфортных условиях, при неблагоприятных факторах внешней среды; • активное передвижение на большие расстояния, связанные с преодолением естественных и искусственных препятствий; • рекогносцировка и ориентирование на местности, либо в шахте по плану и карте; • большая ответственность за подчиненных и итоги работы; • выполнение работ по постройке, армировке, обслуживанию и оборудованию геодезических пунктов, шахт; • промер глубин; • проходческие работы в условиях загазованности выработок; • ограниченная освещенности; • стесненность перемещения работников и техники; • контроль обстановки в забое, где производится добыча угля. 	<ul style="list-style-type: none"> • работа при неблагоприятных условиях окружающей среды; • нестандартность трудовых операций; • управление коллективом, высокая ответственность; • высокие физические и психологические затраты; • постоянно сменяющиеся условия производства; • наличие экстремальных и стрессовых ситуаций; • высотные работы; • преодоление больших расстояний; • работа с механизированными и автоматизированными средствами производства; • работа в вынужденной позе; • высокая частота однообразных движений; • контроль обстановки на рабочем месте, высокая ответственность.
Необходимые психофизиологические качества	<ul style="list-style-type: none"> • концентрация внимания, слуха; • внутренняя собранность; • повышенная дисциплина; • внимательность; • ответственность; • хорошо развитое обоняние; • стрессоустойчивость; • готовность к риску; • самообладание; • коллективизм; • решительность; • оперативная память, мышление • волевые качества; • распределение, переключение, устойчивость внимания; 	<ul style="list-style-type: none"> • оперативное мышление; • коллективизм; • стрессоустойчивость; • эмоциональная устойчивость; • готовность к риску; • самообладание в неблагоприятных ситуациях; • дисциплинированность; • концентрация внимания; • помехоустойчивость; • наблюдательность; • чувство пространства; • нервно-психическая устойчивость.

Модель подготовки будущего инженера включает в себя ряд основных ступеней и элементов, к которым, как правило, относят активное использование средств информационных технологий, автоматизации, включая знания о фундаментальных исследованиях в области инженерной деятельности, ожидаемых результатах в условиях производства, а также экономические, производственно-исследовательские, научные прогнозы.

Все это требует от инженера максимального напряжения в условиях заданного лимита времени, что отражается на физическом, психическом и психофизиологическом состоянии профессионала. Тем не менее, область психофизиологической подготовки будущего специалиста остается сегодня до конца не разработанной и актуальной, так как требования современного производства продолжают формировать новые завышенные требования именно к психофизиологическому состоянию специалиста. К таким требуемым профессиональным качествам как работоспособность, уровень физического состояния, стрессоустойчивость и т.п. активно прибавляются оптимальный уровень личностной и ситуативной тревожности, достаточный уровень нервно-психической устойчивости, способность к высокой мобильности в постоянно изменяющихся условиях производственной среды, а также (на фоне этого) высокая востребованность к способности генерировать стратегические и инновационные идеи в ограниченных временных рамках, от которых зависит эффективность производственного процесса и производительность интеллектуального и материального продукта [1; 2].

На современном этапе развития система высшего профессионального образования (в рамках инженерных направлений и специальностей) ориентирована на следующие основные блоки инженерной подготовки характеризующиеся: выработкой мировоззрения, сознательности, убежденности, глубиной знаний, стремлением к инженерному творчеству; равновесием фундаментальных наук и вычленением специфических для данного целевого инженерного направления; акцентом на прикладные и специальные науки; научным поиском, его реализацией и внедрением в производство. Анализируя вышесказанное, можем говорить об особом внимании к интеллектуальной составляющей подготовки будущего специалиста, тогда как оно недостаточно ориентировано на такие качества, как уровень психофизиологической подготовки, психологического здоровья и физической работоспособности. С одной стороны, узкая специализация — это, конечно же, условие успешной адаптации специалиста к производству и осуществление высококачественной профессиональной деятельности. С другой, стремительный научно-технический прогресс, а также многоукладность экономики и «жесткий» рынок труда создают условия для возникновения совершенно новых требований работодателя к подготовке современного специалиста. Стремительный ритм современной жизни требует будущего инженера все большей психофизической активности подготовленности. Постоянно увеличивающиеся нагрузки, которым подвергаются специалисты на производстве, требуют все более высокого психофизиологического совершенства, характеризующего, в свою очередь, и развитие профессионально важных качеств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заплата, О. А. Изучение нервно-психической устойчивости студентов технического вуза в процессе физического воспитания / О. А. Заплата // Человек и образование. — 2012. — № 4. — С. 148–151.
2. Ланских, М. В. Психологическая подготовка как компонент профессионального образования современных инженеров / М. В. Ланских // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2013. — № 20 (163). — С. 271–279.
3. Плотникова, Н. В. Инженерное образование сегодня: проблемы модернизации / Н. В. Плотникова, Л. С. Казаринов, Т. А. Барбасова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника. — 2015. — № 1. — С. 145–151.
4. Шарафутдинова, Р. И. Профессиональная деятельность современного инженера / Р. И. Шарафутдинова, И. И. Галимзянова // Вестник Казанского технологического университета. — 2012 — № 6. — С. 255–257.

© Мелякова Ольга Александровна (molga19@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СПОСОБЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКУЮ РАБОТУ

WAYS TO INVOLVE STUDENTS IN SCIENTIFIC RESEARCH ACTIVITY

**L. Kobzeva
T. Mukhortova
S. Strutsenko**

Summary. Involvement of the first-year students in research work becomes a necessary means of creating the professional image of a future specialist in any field of activity. The article analyzes the most optimal ways of developing the research potential of students, both time-tested and new. The authors note the importance of involving students in science for the development of the students themselves and the state as a whole.

Keywords: research activity, scientific potential, methods of stimulation, scientific groups, academic advising.

Кобзева Лариса Николаевна

*К.ф.н., независимый исследователь
laric.81@mail.ru*

Мухортова Татьяна Валентиновна

*К.и.н., доцент, Институт сервиса, туризма
и дизайна
(филиал) СКФУ в г. Пятигорске
asmodeya76@mail.ru*

Струценко Светлана Валерьевна

*К.п.н., доцент, ФГБОУ ВО «Пятигорский
государственный
Университет»
sstrucenko@inbox.ru*

Аннотация. Привлечение к научно-исследовательской работе студентов уже на первом курсе становится необходимым средством формирования профессионального облика будущего специалиста любого профиля. В статье анализируются наиболее оптимальные пути развития научно-исследовательского потенциала студентов, как проверенные временем, так и новые. Авторы отмечают важность вовлечения студентов в науку для развития самих обучающихся и государства в целом.

Ключевые слова: научно-исследовательская деятельность, научный потенциал, способы стимулирования, научные кружки, научное руководство.

В годы студенчества юный человек полон энергии, самоотверженности и особенно восприимчив ко всему новому. Привлечение студента к активной социальной деятельности через науку позволяет направить его энергию в нужное русло, чтобы эти естественные свойства молодости благоприятствовали главному — формированию личности социально активной, творческой, всесторонне развитой.

Это, без сомнения, широкомасштабная и долгосрочная задача. Однако для ее успешного решения вузы уже сегодня располагают значительными ресурсами. Концентрируя более трети научных работников страны, высшая школа развертывает исследовательскую деятельность в магистральном русле отечественной и мировой науки. В стенах высших учебных заведений проводятся разнообразные исследования, начиная с фундаментальных и поисковых работ и кончая опытно-конструкторскими разработками. При университетах и институтах действует обширная сеть научных учреждений, включающая научно-исследовательские институты, проблемные и отраслевые лаборатории, конструкторские бюро, обсерватории, ботанические сады и другие подразделения.

Взаимосвязь и взаимно стимулирующее развитие учебно-воспитательного и научно-исследовательского процессов — объективная закономерность и вместе с тем база высшего образования. Основная задача высшей школы — подготовка кадров высокообразованных, творческих специалистов, и, выполняя ее, вузы формируют почву для широкого развертывания научного потенциала.

В современных условиях, как никогда ранее, велика роль науки в профессиональном, творческом становлении специалистов, которые должны всесторонне разбираться в своей специальности, знать все проблемные вопросы и уметь решать их, осваивать методы постоянного пополнения научного багажа, а также принципы организации и проведения научных исследований и пути внедрения их результатов в практику.

Привлечение к научно-исследовательской работе студентов уже на первом курсе становится необходимым средством формирования профессионального облика специалиста любого профиля. Участие же студентов в научной работе во все большей мере выступает движущей силой их вовлечения в процесс создания материальных и духовных ценностей.

Опыт ведущих вузов Российской Федерации доказывает, что наиболее продуктивным путем развития научно-исследовательского творчества студентов является его органическое включение в учебно-воспитательный процесс. В этом случае самостоятельная исследовательская деятельность молодежи прямо согласуется с целями и задачами формирования будущих специалистов и в то же время становится составной частью научной работы вузов.

Все наиболее оптимальные пути формирования научного потенциала среди студентов можно проводить поэтапно.

Первый этап — диагностико-ориентировочный. Его задача — выяснить уровень первоначальных умений студентов первого курса, оценить их стремление к науке; проанализировать результаты диагностики и наметить дальнейшие действия.

Второй — активно-практический. Его цель — включить студентов в активную разностороннюю научную деятельность, формируя положительное отношение к ней, стремление ею заняться, преодолевая трудности из-за недостатка необходимых профессиональных знаний, умений и навыков.

Третий этап — оценочно-корректировочный. Основное назначение — анализ полученных результатов, а именно — выводов и предложений, сделанных студентами в их научных работах.

Сложившаяся система интеграции научно-исследовательской деятельности студентов-первокурсников включает отдельные элементы исследований или разделов исследовательского характера в лабораторных, курсовых работах, рефератах по выбранным темам. Такой подход позволяет органично сочетать учебную и исследовательскую деятельность студентов, обеспечивает всесторонний учет особенностей конкретного направления обучения и взаимопреemptственность различных видов научной работы будущих специалистов от дисциплины к дисциплине.

Не менее важным путем привлечения студентов к научно-исследовательской деятельности являются исследования, проводимые студентами во внеурочное время. Здесь перед ними открывается еще одна грань научного творчества — создаваемый им простор для свободного самовыражения личности, становления индивидуальных склонностей и интересов.

Свою высокую продуктивность подтвердили действующие в вузах студенческие научные общества, кружки, секции и другие организации. Успешно развива-

ется и такая интересная форма организации исследовательской деятельности обучающихся, как студенческие конструкторские, проектные, технологические бюро, вычислительные центры, юридические клиники.

Широкое привлечение студентов к проведению исследований, начиная с первого курса, развитие самостоятельного научного творчества учащейся молодежи закладывают основу для активного подключения будущих специалистов к разработке основной научной тематики вузов совместно с преподавателями. Достаточно указать, что ежегодно по результатам этих работ публикуются десятки тысяч научных статей, около 2 тыс. студентов и их научных руководителей получают авторские свидетельства на изобретения.

Воспитательный аспект студенческого научного творчества имеет большое значение в деле формирования личных качеств будущего специалиста. Постоянный творческий настрой, жажда знаний, органически присущая высшей школе, обстановка научного поиска способствуют воспитанию у первокурсников высокой культуры мышления. Они порождают у студентов сознательность и активность в выборе определенных решений, стремление к проникновению в сущность вещей, а именно эти качества столь необходимы современному специалисту.

Наиболее распространенным способом привлечения первокурсников к научно-исследовательской работе, как и прежде, являются научные кружки. Здесь удачно сочетаются интересы студентов и заведующих кафедрами. Практически нет ни одного факультета в вузах, ни одной кафедры, где бы не работали студенческие научные кружки. На основе кружков развиваются формы научных коллективов: педагогические клубы, лекторские и проблемные группы и т.д. Непосредственно с работой научных кружков связан такой способ привлечения студентов к научной работе, как участие в конференциях. Позитивной стороной студенческих конференций является их систематичность и массовость.

Высокие показатели вовлечения в научную деятельность достигаются путем участия студентов в «Неделе науки», в работе «малых факультетов» и «проблемных семинаров», индивидуальной работе студентов под руководством педагогов-кураторов [1, с. 76].

К новым способам привлечения к научно-исследовательской работе студентов во внеучебное время (наиболее интересным) можно отнести созданные в некоторых вузах РФ организации по охране природы, учебно-научные педагогические комплексы, юридические клиники, где удается обеспечить тесное единство научно-исследовательской и практической работы студентов уже на первом этапе их обучения в вузе.

В большинстве институтов внедрение научно-исследовательской работы студентов в учебный процесс происходит за счет усиления проблемного начала в лекциях и исследовательского начала во всех работах, выполненных студентами. Отсюда вытекают те разнообразные способы привлечения к научно-исследовательской работе студентов в учебном процессе, которые получили распространение в вузах. К числу таких способов можно отнести следующие:

1. Научный поиск необходимого материала для написания рефератов, небольших докладов для практических и семинарских занятий по конкретным учебным дисциплинам для углубленного изучения проблемы. При их подготовке студенты приобретают навыки самостоятельной работы с литературой и отбора необходимого для освещения конкретного вопроса материала.
2. Чтение дисциплины «Введение в специальность», разделов и семинаров по психолого-педагогическим и общенаучным дисциплинам, основам научно-исследовательской работы. В лекционных курсах, на практических и семинарских занятиях усиливается внимание к методике научного анализа, шире демонстрируется техника исследования.
3. Введение элементов учебно-исследовательской работы на семинарских занятиях в форме индивидуальных домашних занятий, включающих как теоретические вопросы, так и решение практических задач усложненного характера или же исследование конкретных явлений.
4. Проведение научных исследований в форме курсовых работ по программе предметов, которые изучаются на первом курсе. Тематика курсовых работ связана с научными интересами членов кафедр и предполагает самостоятельное исследование студентом конкретных фактов или описание эксперимента.

Необходимо отметить, что не всякую курсовую работу можно рассмотреть как результат научно-исследовательской работы студентов. Поэтому заслуживает одобрения работа тех кафедр и факультетов, которые, поставив задачу увеличения курсовых работ исследовательского характера, определяют четкие требования к выполнению таких работ.

Тематика курсовых работ по своему научному уровню, конкретности и четкости задания должна стимулировать студентов к высокой активности в выполнении курсовой работы. Тема должна раскрываться таким образом, чтобы курсовая работа приближалась по своей направленности к небольшому исследованию и включала:

- ◆ постановку проблемы;
- ◆ указание задач работы;

- ◆ раскрытие темы (аргументация, анализ конкретного материала, примеры, сопоставления и т.д.);
- ◆ выводы исследования.

Следует при этом обратить внимание на умение студентов делать переходы, логически связывать части исследования. Определяются также требования к структурно-стилистическому оформлению работы и внешнему оформлению.

5. Введение по некоторым дисциплинам элементов научно-исследовательской работы и в лекционные курсы в форме создания проблемной ситуации при изучении теоретического материала.
6. Проведение семинаров, предполагающих подготовку студентом доклада на одну из предложенных тем исследовательского характера, и практикумов. Характер работы в таких практикумах приближается к условиям исследовательской работы.

В дальнейшем еще предстоит решить ряд вопросов по развитию путей и способов вовлечения студентов-первокурсников в научно-исследовательскую работу, обеспечения этого вида работы студентов высококвалифицированным руководством. Научное руководство — это особый вид деятельности преподавателя, направленный на подготовку студента к самостоятельной исследовательской деятельности [2, с. 36]. Научное руководство, как правило, осуществляется от широкого и постоянного сопровождения студента на первом курсе (опека) к узкому и эпизодическому на старших курсах (консультирование), позволяющему проявить свои творческие способности и самостоятельность. Необходимо уже в начале пути в науку заинтересовать студентов, увлечь актуальными темами, чтобы в дальнейшем их стремление заниматься глубокими исследованиями получило развитие. Для этого необходимо более полно использовать возможности кафедр в организации научно-исследовательской работы студентов, привлечении студентов к выполнению тем комплексного характера.

Сегодня большинство вузов стимулирует ведение научно-исследовательской деятельности студентов с помощью государственной поддержки путем предоставления различных грантов и стипендий [3, с. 159].

Научно-исследовательская деятельность позволяет студенту проявить свои творческие способности, индивидуальность, готовность к самореализации, играет огромную роль для развития не только конкретной личности, но и общества, удовлетворяя социальный заказ на подготовку квалифицированных кадров. Поэтому так важно начинать вовлекать студентов в научно-исследовательскую работу с самого начала обучения в вузе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калиновская Т. Г., Косолапова С. А., Прошкин А. В. Научно-исследовательская работа студентов как фактор развития творческой активности // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2010. — № 1. — С. 75–78.
2. Шестак В. П., Мосичева И. А., Скибицкий Н. В. Научно-исследовательская работа студентов: проблемы и решения — М.: Изд-во МЭИ, 2006. — 199 с.
3. Попова С. Л., Алексеева Е. Н. Теоретический анализ целесообразности проведения научно-исследовательских работ студентами вузов // Молодой исследователь Дона. — Ростов-на-Дону: Донской государственный технический университет. — 2018. — № 5(14). — С. 158–160.

© Кобзева Лариса Николаевна (laric.81@mail.ru),

Мухортова Татьяна Валентиновна (asmodeya76@mail.ru), Струценко Светлана Валерьевна (sstrucenko@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Пятигорск

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К СОЗДАНИЮ УЧЕБНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОМУ ЯЗЫКУ

MODERN APPROACHES TO THE CREATION OF EDUCATIONAL MATERIALS BY PROFESSIONALLY ORIENTED LANGUAGE

*T. Malkovskaya
T. Ryabova*

Summary. The article is devoted to the development of educational materials based on the approaches and principles of teaching the language of professional communication. It analyzes the theory and practice of creating educational materials in professionally oriented English. To improve the efficiency of the process of language learning and the formation of foreign language communicative competence in the aviation University, the authors offer an alternative version of the textbook, which should be communicative, professionally and personally oriented, include authentic and relevant language material, methodically organized taking into account the level of language training of students.

Keywords: language for specific purposes, aviation English language, training materials, contextual approach, communicative tasks.

Мальковская Татьяна Александровна

*К.филол.н., доцент, Краснодарское высшее военное
авиационное училище летчиков
tatjynka@bk.ru*

Рябова Татьяна Васильевна

*К.филол.н., Краснодарское высшее военное
авиационное училище летчиков
tryabova_61@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена разработке учебных материалов на основе подходов и принципов обучения языку профессиональной коммуникации. В ней анализируется теория и практика создания учебных материалов по профессионально ориентированному английскому языку. Для повышения эффективности процесса языкового обучения и формирования иноязычной коммуникативной компетенции в авиационном вузе авторы предлагают альтернативный вариант учебного пособия, которое должно быть коммуникативным, профессионально и лично ориентированным, включать аутентичный и актуальный языковой материал, методически организованный с учетом уровня языковой подготовки обучаемых.

Ключевые слова: язык для специальных целей, авиационный английский язык, учебные материалы, контекстный подход, коммуникативные задания.

Обучение иностранному языку в современной высшей школе ориентировано на потребности конкретных специальностей и предполагает обеспечение выпускников знаниями, необходимыми и достаточными для решения задач в иноязычной профессиональной среде.

Изменения образовательной парадигмы подразумевают и изменение учебно-методического обеспечения, в частности, одной из его составляющих — учебных материалов для аудиторной и самостоятельной работы.

По мнению исследователей, «наметился ряд противоречий между современными требованиями к учебно-методическому обеспечению учебного процесса и подходами к построению содержания учебных пособий, реализуемыми на практике» [1, с. 10].

В отличие от вузов, в основе построения программ которых изучение дисциплины «Иностранный язык» разделено на два модуля, «English for General Purposes» (английский язык для общих целей — ЯОЦ) и «English for Specific Purposes» (английский язык для специальных

целей — ЯСЦ), будущие военные летчики изучают английский язык в рамках двух дисциплин: «Иностранный язык» (ИЯ) и «Авиационный английский язык» (ААЯ).

К особенностям языкового обучения в военном авиационном вузе следует отнести многокомпонентность профессионального контекста: профессия военного летчика находится на пересечении таких сфер деятельности, как военная, которую можно рассматривать как общее направление подготовки, авиационно-техническая как профессиональная сфера деятельности и летная — специализированная.

На сегодняшний день существует ряд профессионально-ориентированных учебников, учебно-методических пособий и комплексов по авиационным специальностям, созданных зарубежными авторами.

Наиболее доступны и популярны пособия зарубежных авторов: Sue Ellis and Terence Gerighty «English for Aviation for Pilots and Air Traffic Controllers» (Oxford University Press, 2008), Henry Emery and Andy Roberts «Aviation English» (Macmillan, 2012), Philip Shawcross «Flightpath Aviation

English for Pilots and ATCOs» (Cambridge University Press, 2011) и Fiona A. Robertson «Airspeak» (Pearson Longman, 2008). В соответствии с рекомендациями Международной организации гражданской авиации (ИКАО), в них делается акцент не только на фразеологию радиообмена, но и на общий английский язык при коммуникации в чрезвычайных ситуациях.

При безусловной аутентичности материала, четкой коммуникативной направленности заданий и яркой наглядности необходимо отметить, что данные пособия могут быть лишь частично использованы для обучения курсантов. Во-первых, эффективное использование пособий предполагает наличие у обучаемых определенных знаний: языковой уровень должен быть не ниже уровня B1 по европейской шкале языковой компетенции, также необходимо знать стандартную процедуру радиообмена и азы летного дела. Во-вторых, пособия ориентированы на обучение авиационному языку гражданских летчиков. Лексика, связанная с военной авиацией, в них отсутствует. Однако некоторые задания, особенно аудитивного характера, можно использовать на занятиях с целью формирования соответствующего навыка.

Отдельно следует выделить пособие «Air Force» (Gregory L. Gross Jeff Zetter. Air Force. Express Publishing, 2011) из серии «Career Paths», предназначенное для повышения уровня владения языком профессиональной сферы военнослужащих ВВС и курсантов. Материал распределен по уровням сложности: B1, B2, C1. В рамках каждого занятия представлены задания «Comprehension», «Vocabulary», «Listening», «Speaking». Отсутствие грамматической составляющей предполагает либо использование дополнительных материалов, либо достаточно высокий уровень сформированности грамматического навыка пользователей. На наш взгляд, данное пособие может быть востребовано только для самостоятельной работы.

Таким образом, отсутствие пособий, в полной мере отвечающих требованиям целесообразной организации учебного процесса по определенной специальности и в конкретном вузе, ставит перед кафедрой иностранных языков задачу оснащения учебного процесса современными материалами, отобранными и организованными в соответствии с утвержденной учебной программой и концепцией обучения английскому языку в военном авиационном вузе. Именно это обстоятельство делает рассматриваемые в данной статье вопросы весьма актуальными с теоретической и практической точек зрения.

Анализ научной литературы показал недостаточную разработанность вопроса, связанного с обучением профессионально ориентированному английскому языку летчиков военной авиации и разработкой учеб-

но-методических материалов, соответствующих целям профессиональной подготовки в военно-авиационном направлении. Регулярное обновление профессионально-ориентированных учебных пособий для узкоспециализированных курсов выходит на первый план из-за «старения» содержания текстового и фактологического материала, связанного с развитием военной авиации, что приводит к неизбежному снижению уровня мотивации обучающихся, так как учебный материал не служит источником значимой профессиональной информации и не представляет интереса для обучаемых.

Целью данной работы является изучение и анализ научно-методической литературы по вопросам профессионально ориентированного обучения, обобщение современного опыта организации соответствующих учебных материалов и его практическая реализация в учебном пособии военно-авиационного контекста. Результаты исследования легли в основу создания учебного пособия по ААЯ по темам «Метеорологическое обеспечение полетов» и «Безопасность полетов».

Обзор научных статей по теме исследования выявил наличие на современном этапе двух направлений создания учебных пособий: для конкретной специализации и универсальное, для нескольких смежных, например, технических специальностей.

В последнее время стала актуальной и обсуждается идея ухода от ориентированности на курсы для конкретного контингента обучаемых и создания некоторого универсального учебника, например, для технических специальностей (Т.В. Сидоренко, С.В. Рыбушкина, В.Ю. Миков, М.В. Захарова, И.Э. Коротаева, О.В. Чуксина).

При обучении профессионально ориентированному языку, по мнению ученых, наблюдается противоречие между тенденцией к узкой профессиональной направленности содержания учебных пособий, обусловленной требованием связи содержания процесса обучения с будущей профессией обучающихся, и необходимостью развития универсальных иноязычных умений, адаптируемых к различным контекстам деятельности [1]. Универсальный подход к организации учебных материалов смежных специальностей, возможно, позволит устранить противоречие.

В качестве одной из мер для построения гибких механизмов актуализации и обновления учебных материалов предлагается унифицировать содержание обучения без ориентации на узкую специализацию студентов. Среди приоритетных направлений развития языкового образования обозначены следующие: элиминация массового языкового образования и вопросы формирова-

ния языковых групп по принципу однородности уровня владения языком; освоение преподавательским составом технологий оперативного внесения изменений в используемые учебные материалы, изменения статуса дисциплины «Иностранный язык» [2].

Не отвергая полностью возможность разработки специализированных языковых курсов, предлагается рассматривать вариативные и инвариантные компоненты содержания профессионально ориентированного обучения иностранному языку. Вариативность большинства компонентов содержания обучения увеличивается с переходом от начального этапа работы к завершающему. Начальный этап имеет общее содержание для всех специальностей. На среднем этапе выделяются как вариативный, так и инвариантный компоненты. Что касается завершающего этапа, содержание обучения должно быть ориентировано на конкретную специальность [3].

М.В. Захарова обосновывает выбор трехмодульной системы с инвариантными и вариативными модулями подготовки специалиста авиационного профиля, определяя в качестве результатов обучения компетенции общеакадемического и общепрофессионального характера [4]. И.Э. Коротаева и О.В. Чуксина считают возможным создание универсального учебника для технических вузов [5].

Идея создания универсального пособия, например, для курсантов военных вузов, кажется нам перспективной. В рамках общей официально-деловой (военной) сферы общения на начальном этапе как инвариантного модуля обучения можно выделить идентичные темы, представляющие интерес для различных военных специальностей, например, касающиеся повседневной жизни курсантов, организационной структуры войск, военных союзов, воинских званий и др. Из-за общего низкого уровня языковых знаний у обучающихся целесообразно включить в общий языковой курс вводно-коррективный компонент.

Традиционным подходом, определенным основоположниками ЯСЦ, считается создание учебных материалов для конкретной группы обучающихся, так как в центре обучения находится личность с ее индивидуальными запросами. Положение о том, что «главенствующим принципом, на котором должен строиться современный учебник иностранного языка по специальности, является принцип формирования компетенций по определенной специальности» [6], не оспаривается большинством ученых.

Наша точка зрения состоит в том, что при целесообразности создания унифицированного пособия на этапе общепрофессионального обучения специали-

зированное обучение нуждается в учебных пособиях по конкретным направлениям подготовки.

Анализ научно-методической литературы позволил сделать следующие выводы:

Во-первых, **компетентностный подход** служит методологической основой профессионально ориентированного обучения иностранному языку и, по мнению многих авторов, определяется в качестве основного для создания профессионально ориентированного учебного пособия [1].

Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту высшего образования 3+ (ФГОС ВО), выпускник, освоивший программу по специальности 25.05.04 «Летная эксплуатация и применение авиационных комплексов» (уровень специалитета), должен быть способен «решать профессиональные задачи с использованием английского языка (ОПК-8)» [7]. Следовательно, помимо формирования общей коммуникативной компетенции, целью языкового образования в авиационном военном вузе признается формирование специальной иноязычной коммуникативной компетенции.

Компетентностный подход подразумевает профессиональную направленность обучения и в качестве результатов определяет формирование способности решать коммуникативные задачи в процессе профессиональной деятельности.

Во-вторых, **контекстный подход** рассматривается многими авторами. (О.А. Григоренко, Т.М. Татарина, И.Н. Митрюхина, Ю.К. Папулова, И.Г. Аникеева, М.Н. Овсянникова, А.А. Егорова, М.В. Филатова) как основа технологии создания учебного пособия.

Указывая на невозможность формирования общекультурных и профессиональных компетенций «средствами традиционного объяснительно-иллюстративного типа обучения», А.А. Вербицкий полагает, что «концептуальной основой компетентностного образования может стать психолого-педагогическая теория знаково-контекстного обучения». «Контекстным является такое обучение, в котором на языке наук с помощью всей системы традиционных и новых педагогических технологий в формах учебной деятельности, все более приближающихся к формам профессиональной деятельности, динамически моделируется предметное и социальное содержание профессионального труда» [8].

В комплексе взаимосвязанных педагогических условий реализации контекстной модели выделяются выбор содержания обучения, установление межпредметных

Result	Signal Word	Cause
1. The weight of the plane increases 2. The plane is diverting 3. The pilot made an emergency descent	because of due to because for	a) the thunderstorm. b) icing in clouds. c) there is a thunderstorm in the vicinity of the airport. d) cabin depressurization. e) the engine failed.

связей, формирование коммуникативной компетенции в формах учебного, квазипрофессионального и учебно-профессионального диалогического общения [9].

В нашей работе реализация данного подхода нашла выражение в выборе тем, которые изучаются в модуле профессионально ориентированного языкового обучения. Руководствуясь требованиями ФГОС ВО и целями языкового образования, заявленными в учебной программе, с одной стороны, и требованиями ИКАО [9] в области владения авиационным английским языком, с другой, были определены следующие предметно-тематические области профессионального общения: История авиации; Воздушные суда, их классификация; Аэропорты и аэродромы; Метеорологическое обслуживание полетов; Безопасность полетов; Основы радиосвязи.

Мы разделяем точку зрения, что обучение на основе контекстного подхода активизирует коммуникативные возможности, помогает осваивать профессиональные роли и соответствующие им речевые стратегии. Принимая во внимание вышеизложенное, мы попытались реализовать данный подход при создании учебного пособия через систему коммуникативных заданий и ситуаций. Приведем некоторые примеры коммуникативных ситуаций для развития навыка устной речи по теме «Безопасность полетов». Для работы предлагается текст с коммуникативным заданием: *Read the text. A. Answer the questions.*

B. You are an airport spokesman. At the briefing journalists ask you questions about airport security measures. Using information above, give detailed answers.

Активизация и закрепление введенной лексики по теме может осуществляться в ходе выполнения условно-коммуникативного задания и реализации коммуникативной ситуации:

A. Sequence the words and words combinations to describe the security checking process.

B. You are an airport security officer. Explain the procedure of passenger checking to the man who is travelling by plane for the first time.

Работа над грамматическим материалом также проводится с учетом коммуникативной направленности об-

учения. Установка на функциональное использование вводимого материала является обязательным условием. Отработке материала придается речевой характер. Так, при описании авиационных происшествий возникает необходимость использования сложноподчиненных предложений с придаточными причины. Материал вводится схематично:

Result → Cause

To speak about cause we use:

1) *due to / because of / as a result of / thanks to* + N (N phrase)

2) *because / since / as / for* + Subject + V (V phrase)
e.g. The plane descended because there was severe icing at flight level 220.

e.g. The plane descended because of severe icing at flight level 220.

Языковые и условно-речевые упражнения — этап первичного закрепления материала. Составление предложений отрабатывает не только грамматический материал, но и лексическую сочетаемость (см. таблицу).

Учитывая языковой уровень обучающихся, особенно его грамматическую составляющую, более эффективным приемом закрепления использования грамматических структур служит использование моделей или речевых образцов. Трафаретный способ образования предложений позволяет использовать разнообразный лексический материал для составления высказываний, которые в последующей работе используются в устной речи. Трафаретом может служить и текст как образец построения связанного высказывания по заданной теме:

A. Read the text about Doppler radar usage.

B. Speak about weather satellites, using the information below: to observe Earth from the orbit; to work reading reflected light or energy; to show cloud formations and hurricanes; to see weather across the whole globe: the oceans, continents, and poles.

Исходный текст не является моделью, в которой необходимо осуществить лишь лексические замены. Но он служит смысловой матрицей, заполняя которую необхо-

димой информацией, можно получить краткое описание технического средства.

Принимая во внимание принципы контекстного подхода, мы предлагаем задания, выполняя которые обучаемые решают творческие и практические задачи. Например, после прочтения текста, связанного с чрезвычайной ситуацией в полете, необходимо составить донесение о происшествии. Вовлечение в профессионально-значимое общение — ключ к повышению уровня мотивации.

Учет межпредметных связей определил последовательность тем: изучение специальных предметов на русском языке обязательно предшествует их изучению в рамках ААЯ. Кроме этого, мы считаем необходимым консультативное участие специалистов в разработке пособий по профессионально ориентированным темам. В ходе практической работы мы столкнулись с тем, что принцип профессиональной направленности часто противоречит принципу доступности.

Ориентация на профессиональные тексты неизбежно ведет к усложнению языкового компонента хотя бы потому, что увеличивается объем новой лексики. Терминологические единицы не всегда знакомы обучаемым даже на родном языке и кроме перевода требуют толкования или объяснения. Преодоление данного противоречия, а наш взгляд, лежит не только в плоскости учета уровня языковой и профессиональной подготовки обучаемых, но и подразумевает дидактическую обработку выбранного материала, его логичное расположение в структуре пособия и разработке последовательных упражнений работы с ним.

Принцип аутентичности считается базовым для обучения ЯСЦ [10, с. 159]. Нам импонирует точка зрения исследователей, которые полагают, что «допускается методическая обработка текста, не нарушающая его аутентичности, как и специальное составление текста в учебных целях» [11, с. 14].

Мы считаем целесообразным и оправданным использование в работе условно-аутентичных (дидактически обработанных) текстов. Тексты сферы авиации, гражданской и военной, отличает не только большое количество узкопрофессиональных терминов, но и насыщенность сокращениями, ограничения в употреблении синонимов и использование буквенно-цифровых кодовых обозначений. Лексико-фразеологическая аутентичность является обязательным признаком текста, который может быть использован в процессе обучения ААЯ, поэтому дидактическая обработка предполагает только сокращение объема текста, компиляцию, частичную замену терминов эквивалентной общеупотребительной

лексикой в соответствии с контекстом, в некоторых случаях пояснение или перевод.

Принцип дифференцированного обучения, реализованный в пособии, предполагает учет не только особенностей, но и потенциальных возможностей каждого при работе с учебным материалом разного уровня сложности и заданиями одного типа либо различными заданиями к одному и тому же материалу.

Например, задание *Join the sentences in two different ways, using a) because (since, for, as); b) because of (due to, as a result of, thanks to)*. Оно может иметь разноуровневый характер в соответствии с принципом дифференцированного обучения, когда вариативность просматривается на уровне заданий различной степени сложности к одному и тому же учебному материалу. Задание b) предлагается к выполнению тем, кто имеет более высокий языковой уровень, так как использование союзов группы *because of* требует грамматической трансформации при составлении сложноподчиненного предложения.

Приведенные примеры условно-коммуникативных и коммуникативных заданий на материале, непосредственно связанном с профессиональной сферой, иллюстрируют авторский подход к реализации на практике основных подходов и принципов к созданию современного учебного пособия по специальному языку.

В данной статье была предпринята попытка проанализировать современные подходы к созданию профессионально ориентированных учебных материалов и проиллюстрировать их реализацию в практике при работе над профессионально ориентированным пособием.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. своевременное обновление содержания учебных материалов для обучения профессионально ориентированному английскому языку, способов и подходов к их организации является одним из условий повышения эффективности обучения в неязыковых вузах;
2. в отличие от традиционного, актуальной признается идея создания универсального учебного пособия по смежным профессиональным направлениям, с выделением инвариантного (на начальном этапе) и вариативного (на завершающем этапе обучения) компонентов;
3. целевые установки профессионального образования предполагают усиления практической направленности всего процесса, определяя компетентностный подход как базовый, меняющий структуру и содержание образования;

4. реализация принципов контекстного подхода позволяет приблизить учебную деятельность к профессиональной, превратить знания, умения и навыки в средство решения задач будущей трудовой деятельности;
5. при отборе учебного материала необходимо учитывать принципы аутентичности, профессиональной направленности, доступности текстового материала;
6. учет принципа дифференцированного подхода является обязательным при обучении ААЯ.

Проведенное исследование выявило пристальное внимание к этому вопросу. При отсутствии централи-

зованно разрабатываемых универсальных пособий по смежным направлениям, объединяющих усилия теоретического и практического направлений обучения и специалистов конкретной профессиональной области, ответственность ложится на преподавателей-практиков. Создаваемые ими пособия проходят успешную апробацию и доказывают свою востребованность. Однако стоит признать, что эти пособия проигрывают в аудитивном сопровождении и полиграфическом качестве издания. Учитывая, что учебные пособия и в будущем будут использоваться в качестве одного из средств обучения, вопросы, связанные с их разработкой, не выйдут из поля зрения научного сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федорова Н. Ю. Технология разработки профессионально ориентированного учебного пособия по иностранному языку для студентов гуманитарных специальностей: дис. ... канд. пед. наук. — Санкт-Петербург, 2014. — 257 с.
2. Сидоренко Т. В., Рыбушкина С. В. Проблемы языкового образования в российском техническом вузе и некоторые способы их решения // Высшее образование в России. — № 6. — 2015. — С. 131–136.
3. Миков В. Ю. Корреляция вариативного и инвариантного компонента содержания профессионально ориентированному обучению иностранному языку // Педагогическое образование в России. — 2016. — № 6. — С. 126–129.
4. Захарова М. В. Инвариантное и вариативное в преподавании иностранного языка в вузе авиационного профиля // Интернет-журнал «Мир науки». — 2018. — № 5. — Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/78PDMN518.pdf>.
5. Коротаева И. Э., Чуксина О. В. Особенности учебных пособий для развития межкультурной профессионально ориентированной коммуникации авиационных специалистов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2018. — № 6 (июнь). — С. 389–399. — Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2018/181034/htm>.
6. Успенская Е. А., Пасько Ю. В. Принципы организации учебника нового поколения по иностранному языку для вузов неязыковых специальностей // Вестник Московской государственной академии делового администрирования. Серия «Философские, социальные и естественные науки». — 2013. — № 2 (21). — С. 246–254.
7. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по специальности 25.05.04 Летная эксплуатация и применение авиационных комплексов (уровень специалитета). [Электронный ресурс]. URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvospec/250504.pdf>.
8. Вербицкий А. А. Контекстно-компетентностный подход к модернизации образования // Инновационные проекты и программы в образовании. — 2011. — № 4. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontekstno-kompetentnostnyy-podhod-k-modernizatsii-obrazovaniya>.
9. ИКАО Док. 9835 Руководство по внедрению требований ИКАО к владению языком. — Режим доступа: <http://libed.ru/knigi-nauka/359431-1-doc-9835-an-453.php>.
10. Hutchinson T., Waters A. English for Specific Purposes: A learner-centred approach. — Cambridge: CUP, 1987. — 183 p.
11. Носонович Е. В., Мильруд Р. П. Параметры аутентичного учебного текста // Иностранные языки в школе. — 1999. — № 1. — С. 6–9.

© Мальковская Татьяна Александровна (tatjynka@bk.ru), Рябова Татьяна Васильевна (tryabova_61@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТА ВУЗА: КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД

FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF A UNIVERSITY STUDENT: A COMPLEX APPROACH

E. Mulyavina

Summary. The article discusses a set of conditions conducive to the formation of professional competence of future specialists: cooperation with employers, building basic educational programs in accordance with professional standards, classroom and extracurricular forms of organizing the educational process.

Keywords: professional standard, basic educational programs, universal, general professional competencies, professional competencies.

Мулявина Элеонора Александровна

К.п.н., доцент, Тюменский государственный институт культуры (г. Тюмень)
emulyavina@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается комплекс условий, способствующих формированию профессиональной компетентности будущих специалистов: сотрудничество с работодателями, построение основных образовательных программ в соответствии с профессиональными стандартами, аудиторные и внеаудиторные формы организации учебного процесса.

Ключевые слова: профессиональный стандарт, основные образовательные программы, универсальные, общепрофессиональные компетенции, профессиональные компетенции.

В последнее десятилетие инновации захватили наше высшее образование. Переход на двухуровневую подготовку специалистов сферы культуры привел к пересмотру методов и форм обучения, потребовал кардинального пересмотра учебных планов. Возникла необходимость создания условий, необходимых для реализации основных образовательных программ и обеспечения требований ФГОС нового поколения.

Новый этап стандартизации профессионального образования, начавшийся с 2019 года, согласно Письму Министерства науки и высшего образования РФ от 21 января 2019 г. № МН-2.1/222, предусматривает в качестве главного условия успешности подготовки будущих специалистов сопряжение с практикой [1]. Это условие выполнимо только в тесном сотрудничестве с работодателями, которое происходит как на уровне ведения академических занятий, так и на уровне курирования практикантов, научного консультирования магистров, работающих над диссертационным исследованием. Немаловажным обстоятельством сейчас является и соответствие основных образовательных программ профессиональным стандартам. Отсутствие профессионального стандарта в библиотечной сфере заставляет нас ориентироваться на сопряженные профессиональные стандарты: «Специалист по информационным ресурсам», «Специалист в области воспитания», «Специалист по организационному и документационному обеспечению управления организацией», «Педагог профессионального обучения, про-

фессионального образования и дополнительного профессионального образования». Ими определяются виды профессиональной деятельности, к которым готовятся студенты. Перечень универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций обусловлен трудовыми функциями, нашедшими отражение в профстандартах. Функции эти, причем, очень разнообразны. Вот некоторые из них: поиск информации по тематике сайта; написание информационных материалов для сайта; редактирование информации на сайте; ведение новостных лент и представительства в социальных сетях; модерирование обсуждений на сайте, в форуме и социальных сетях; информационно-библиотечное сопровождение учебно-воспитательного процесса; проведение мероприятий по воспитанию у обучающихся информационной культуры; обеспечение руководителя информацией; анализ информации и подготовка информационно-аналитических материалов и т.д. Столь широкий спектр трудовых функций укладывается в ряд обобщенных трудовых функций, обозначенных профессиональными стандартами: создание и редактирование информационных ресурсов; библиотечно-педагогическая деятельность в образовательной организации общего образования; организационное, документационное и информационное обеспечение деятельности руководителя организации; информационно-аналитическая и организационно-административная поддержка деятельности руководителя организации. Бесспорно, что выполнить их может только человек, прошедший качественную подготовку в вузе.

Помимо организации учебного процесса посредством аудиторных занятий, преподаватели кафедры библиотечно-информационной деятельности ТГИК разработали уникальную систему формирования профессиональных компетенций студентов через внеаудиторные формы работы: выполнение разножанровых курсовых работ бакалаврами и магистрами. Сложность таких заданий нарастает от семестра к семестру: реферативный обзор — антиреферат — гипертекст — дайджест — библиографический указатель — фирменное досье — проект — маркетинговое исследование — научный реферат. Это позволяет подвести студента к преддипломной практике и защите выпускной квалификационной работы с хорошим теоретическим багажом и практическими навыками. У бакалавров освоение жанрового разнообразия курсовых работ предполагает овладение разными формами анализа и интерпретации информации, выявления разных каналов поиска информации, создание информационных продуктов. У магистров — формирование навыков самостоятельной организации, планирования и осуществления научного исследования; подготовку к написанию магистерской диссертации. Готовя выпускную квалификационную работу, студенты составляют алфавитно-предметный указатель, библиографическое описание, аннотацию на русском и английском языках, предоставляют в государственную экзаменационную комиссию автореферат выпускной квалификационной работы или магистерской диссертации.

Наш опыт работы в системе двухуровневого высшего библиотечно-информационного образования включает подготовку бакалавров по нескольким профилям. Сейчас мы пришли к выводу, что на уровне бакалавриата наиболее перспективным является универсальный профиль подготовки, позволяющий раскрыть все стороны библиотечно-информационной деятельности. При этом формируются различные универсальные навыки по осуществлению технологических, организационных и др. библиотечных процессов.

Реализуемый у нас в настоящее время профиль магистерской подготовки — «Теория и методология управления библиотечно-информационной деятельностью». Освоивший его выпускник-магистр подготовлен к видам деятельности в трех направлениях: управленческая деятельность (дальнейшая работа руководителем высшего звена), педагогическая деятельность (работа педагогом по подготовке специалистов библиотечной сферы разного образовательного уровня), научно-исследовательская деятельность (дальнейшее продолжение научного исследования в аспирантуре).

Если же говорить о соотношении уровней образования, то бакалавриат дает базовое библиотечное об-

разование, магистратура с ее профилем «Теория и методология управления библиотечно-информационной деятельностью», по сути является продолжением обучения бакалавров БИД (часто наших же выпускников) для получения полноценного профильного образования.

Сложившаяся в вузе система подготовки специалистов библиотечно-информационной сферы довольно эффективна, до 90% выпускников работают по специальности, многие успешно продвигаются по карьерной лестнице, становясь начальниками отделов, заместителями руководителей, руководителями малых и больших библиотек.

К сожалению, вчерашние школьники, не всегда могут оценить востребованность специалистов в этой области, нет флера романтизма и притягательности у этой профессии, к сожалению. Поэтому трудности преподавателей состоят еще и в низкой мотивации студентов-первокурсников на процесс обучения именно библиотечному делу. На очную форму подготовки чаще всего приходят абитуриенты с целью получения просто «высшего гуманитарного образования». Преподаватели демонстрируют все направления будущей деятельности, её всесторонность, коммуникативную составляющую, возможность работы с документами в электронной среде. Профорientационная работа ведется на каждом занятии, при организации внеучебной, самостоятельной работы студентов. Так, даже при выборе темы первой курсовой работы (в первом семестре), учитываются интересы самих студентов, им показывают, как можно спроецировать свои личностные качества на деятельность библиотеки. Например, если студент интересуется исключительно социальными сетями, предлагается тема для курсового проектирования «SMM в библиотечно-информационной сфере», если любит читать фантастическую и фэнтезийную литературу, то «Продвижение фантастики и фэнтези библиотечными средствами» и т.д.

Таким образом, в качестве комплекса мер, обеспечивающих формирование профессиональной компетентности будущего специалиста, на наш взгляд, являются: сотрудничество с работодателями, построение основных образовательных программ в соответствии с профессиональными стандартами, аудиторные и внеаудиторные формы организации учебного процесса, грамотная организация самостоятельной работы студента.

И если, поступив на первый курс, многие не рассматривают библиотеку в качестве потенциального места трудоустройства, то, став старшекурсниками и устраиваясь на работу, понимают, что здесь можно реализовать самые разнообразные амбиции, способности и таланты, и, в большинстве своем, очень ценят это.

ЛИТЕРАТУРА

1. Письмо Министерства науки и высшего образования РФ от 21.01. 2019 № МН-2.1\222 «О применении актуализированных федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования».
2. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 51.03.06 «Библиотечно-информационная деятельность», утвержденный приказом Министерства образования и науки РФ от 06. 12~<2017, № 1182.
3. Кряжева, М. Ф., Гракова, Е. В. Курсовые работы направления подготовки «Библиотечно-информационная деятельность»: жанровое многообразие и системное единство / М. Ф. Кряжева, Е. В. Гракова // Педагогический журнал: научный рецензируемый журнал о проблемах и перспективах образования в России и за рубежом. — Том 7, № 6А, 2017. С. 1–248. — Ногинск: Аналитика Родис, 2017. — С. 178–187.

© Мулявина Элеонора Александровна (emulyavina@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тюменский государственный институт культуры

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ АДАПТИРОВАННОСТИ К ПРОФЕССИИ

Никифоров Дмитрий Вячеславович
К.п.н., Оренбургский филиал РАНХиГС
nikifov@inbox.ru

THEORETICAL BASES OF THE USE OF VALUES OF PHYSICAL CULTURE IN THE FORMATION OF ADAPTATION TO PROFESSION

D. Nikiforov

Summary. Theoretical aspects of a problem are presented in article formations of adaptedness to professional activity of student's youth with use of potential of physical culture in the course of professional education. The purpose of this article is to study in greater depth the mechanisms contributing to a more rapid and complete adaptation of graduate students to future professional activities. The objects of study here is the process of adaptation to professional activity. In conclusion, we conclude that professional success also depends on the level of professional, psychophysiological, and professional-personal components of professional adaptability. Successful adaptation to professional activities is facilitated by the creation of a program of physical education and sports activities, which leads to the development of professionally necessary motor, personal and social skills, qualities and functions that characterize the personality of a true professional.

Keywords: adaptation, professional adaptation, components of profession adaptation, the value of physical education, adapting to the professional activities.

Аннотация. в статье представлены теоретические аспекты проблемы формирования адаптированности к профессиональной деятельности среди студенческой молодежи при эффективном использовании потенциала физической культуры в процессе профессионального образования. Целью данной статьи является более глубокое изучение механизмов, способствующих более быстрой и полноценной адаптации студентов-выпускников к будущей профессиональной деятельности. Объектом исследования здесь становится процесс адаптации к профессиональной деятельности. В заключении мы приходим к выводу, что профессиональная успешность в том числе зависит от уровня сформированности профессионального, психофизиологического и профессионально-личностного компонентов профессиональной адаптированности. Успешному протеканию адаптации к профессиональной деятельности способствует создание программы физкультурно-спортивной деятельности, которая приводит к развитию профессионально необходимых двигательных, личностных и социальных навыков, качеств и функций, характеризующих личность настоящего профессионала.

Ключевые слова: адаптация, профессиональная адаптация, компоненты профессиональной адаптации, ценности физической культуры, адаптированность к профессиональной деятельности.

Возможность жизненной самореализации в значительной мере обусловлена успешностью адаптации человека к профессиональной деятельности. В этой связи сформированность необходимых качеств личности и свойств организма, способствующих быстрой и полноценной адаптации выпускников образовательных учреждений к профессиональной деятельности, можно считать одним из важнейших результатов процесса профессионального образования студенческой молодежи.

Системный подход к проблеме формирования адаптации к профессиональной деятельности, предполагает рассмотрение общенаучного явления адаптации как общего, по отношению к профессиональной адаптации. Понятие адаптации в широком смысле можно трактовать в виде процесса, при котором происходит взаимодействие личности и окружающей среды. В результате такого взаимо-

действия происходит преобразование среды в рамках потребностей и ценностей личности или преобладание зависимых отношений личности и окружающей среды.

Философско-методологический аспект адаптации в отечественной науке рассматривался в работах А.Б. Георгиевского, И.Д. Калайкова, Г.И. Царегородцева, Э.С. Маркарян и др. В своих исследованиях А.Б. Георгиевский, проведя анализ множества трактовок понятия адаптации, предлагает свой обобщенный вариант определения к данному термину: «Адаптация является особой формой отражения системами воздействия внешней и внутренней среды, которая заключается в стремлении установления с ним динамического равновесия» [1].

В целом исследователи выделяют несколько уровней адаптации.

Физиологическая адаптация (соматический уровень), проявляющаяся в поддержании динамического постоянства внутренней среды организма.

Психическая адаптация (внутриличностный уровень), включающая в себя индивидуально-личностные (в том числе конституциональные) и интеллектуальные особенности. Под психической адаптацией предполагается существование конкретного уровня развития личностных качеств и структурных компонентов интеллекта, которые являются основой комплексной социально одобряемой поведенческой модели. Следует отметить, что в данной ситуации внутриличностная адаптация становится критерием баланса внутренней личностной структуры.

Социальная адаптация (поведенческий уровень — социальная успешность личности), предполагающая определенную степень социализации личности (нормативность социальных установок), характеризующаяся ценностными ориентациями, направленностью личности, социальным статусом, социально-ролевыми структурами. Данная адаптация проявляется в процессе деятельности и неразрывно связана с профессиональной адаптацией [2].

Из всего разнообразия проявлений феномена адаптации нас интересует проявление адаптации в трудовой и профессиональной деятельности. Ф. Б. Березиним психическая адаптация описывается в виде процесса установления сбалансированного соотношения личности и окружающей среды в процессе реализации какого-либо рода деятельности, что позволяет человеку достигать удовлетворения своих актуальных потребностей и воплощать в реальность поставленные цели, сохраняя при этом психическое и физическое здоровье, что обеспечивает одновременно оптимальную психическую деятельность личности [3].

Современные представления о сущности профессиональной адаптации базируются на целом ряде исследований этой проблемы специалистами физиологии труда, психологии профессиональной деятельности, инженерной психологии, эргономики, акмеологии и ряда других наук непосредственно связанных с изучением трудовой деятельности человека (А. А. Алдашева, Б. Г. Ананьев, Ф. В. Березин, Е. И. Воробьев, В. Ф. Галыгин, И. А. Георгиева, Л. Г. Дикая, М. А. Дмитриева, И. А. Жданов, И. Д. Карцев, Е. А. Климов, Т. Л. Кухарева, Б. Ф. Ломов, А. Л. Мацкевич, Е. А. Милерян, С. В. Овдей, А. Л. Робалде, С. А. Шапкин и др.).

Анализ специальной научной литературы, касающейся вопросов адаптации человека к трудовой (профессиональной) деятельности, позволил определить, что развитие данной многоуровневой и интегральной проблемы привело к выделению значительного количества важнейших аспектов характеризующих ее (профессиональную

адаптацию) с различных сторон: экологического, биологического, физиологического, операционного, коммуникативного, личностного, социально-психологического и целого ряда других.

Процесс адаптации к определенному роду профессиональной деятельности — это многомерный и интегральный процесс, степень эффективности которого оказывает огромное влияние как на деятельность каждого сотрудника в отдельности и в составе рабочего коллектива, так и на состояние здоровья и длительность периода активной профессиональной деятельности человека.

Профессиональная адаптация является многоуровневым, функционально детерминированным процессом адаптации к профессиональному труду с содержанием физиологического, личностно-психологического, поведенческого и социального составляющих [4]. Под профессиональной адаптацией понимается процесс формирования и поддержки комплексного баланса системы «субъект труда — профессиональная среда» [5]. С позиции работодателя профессиональная адаптация становится системой мер, которые стимулируют профессиональный и личностный рост сотрудников, формирует у них необходимые социальные и профессиональные компетенции, навыки и развивает имеющиеся способности в рамках активного творческого труда, достижения высших ступеней профессионального становления [6].

М. А. Дмитриева определяет профессиональную адаптацию как «единство адаптации индивида к физическим условиям профессиональной среды (психофизиологический аспект), адаптацию к профессиональным задачам, выполняемым операциям, профессиональной информации (собственно профессиональный аспект) и адаптацию личности к социальным компонентам профессиональной среды (социально-психологический аспект) [7] (7, с. 46).

В соответствие с вышеозначенными представлениями о феномене профессиональной адаптации становится очевидным факт о необходимости комплексного влияния на ее сущностные характеристики и опосредованное влияние на социальные и биологические личностные компоненты (Б. Г. Ананьев, Б. Ф. Березин, М. А. Дмитриева).

Этот факт детерминирует необходимость направленно использовать ценностный потенциал физической культуры как необходимую детерминанту, которая позволяет рассматривать единство социального и биологического в культурном преобразовании личности по мнению Н. И. Пономарева, М. Я. Виленского, В. М. Выдрина, Ю. М. Николаева, В. И. Столярова, Л. И. Лубышевой и др.

Включение необходимых ценных компонентов физической культуры в обеспечение необходимой подготовки

современного молодого специалиста к реализации им профессиональной деятельности получило достаточно широкое обоснование в работах специалистов теории профессионально-прикладного физического воспитания (С.А. Полиевский, Р.Т. Раевский, Л.П. Матвеев, М.Я. Виленский, В.И. Ильинич), профессионально-прикладной физической культуры (С.С. Коровин) и профессиональной физической культуры (С.С. Коровин, В.А. Кабачков), в соответствии с которыми физическая культура может создать единое поле для осуществления формирования структуры профессионально значимых двигательных умений и важнейших физических характеристик личности.

Необходимым результатом такого направленного использования ценностного потенциала физической культуры в деле становления профессионала должна стать сформированность личностного состояния адаптированности к профессиональной деятельности, которая должна отражать уровень и содержание фактических достижений человека во взаимодействии с окружающей, а в данном случае профессиональной средой.

Проблема формирования адаптации к профессиональной деятельности определяет и обосновывает следующие воздействия в рамках педагогической деятельности, с помощью которых возможно обеспечить становление профессионально важных личностных и двигательных навыков, что лежат в основании профессиональной адаптации. При этом опорой таких воздействий должна быть концепция «переноса навыка» получившая обоснование в работах С.Л. Рубинштейна и «переноса тренированности» развивавшаяся Н.А. Бернштейном, В.М. Зациорским, Л.П. Матвеевым, С.А. Полиевским, М.М. Богеном.

В основе концепции «переноса» существуют данные об эффективном использовании позитивного опыта тренировок, который достигается в определенном направлении деятельности (физкультурной) с целью улучшения результата в другой (профессиональной) сфере. В данном процессе основным методологическим условием для эффективного «переноса» становится подбор определенных движений, которые могут быть эмоциональными, волевыми, мыслительными, психомоторными в рамках физкультурных действий, которые похожи по показателям биомеханической, потребностной, познавательной и саморегулятивной сфер с профессиональной деятельностью [8, 9].

Одним из оснований разработки теоретико-методологического обоснования формирования адаптированности к профессиональной деятельности является теория о становлении личности профессионала (В.А. Бодров, А.Р. Фонарев, Э.Ф. Зеер, Л.М. Митина, Т.М. Кудрявцев), которая предусматривает на базе единой нити профессионального обучения, воспитания и развития построить комплекс

профессионально важных личностных и двигательных навыков, которые станут фундаментом для адаптации как личностного состояния.

Сама деятельность по осуществлению формирования личности осуществляется в процессе работы и обусловлена ею, потому как составляет суть концепции деятельностного подхода (Б.Г. Ананьев, В.Н. Мясищев, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн) используемого для теоретико-методологического обоснования возможности направленного формирования адаптированности. «При этом действенной основой личности становится именно специфическое устройство деятельности, в которую она включена» [10, С. 131], что в свою очередь «открывает широкие возможности, путем моделирования содержания физкультурно-спортивной деятельности добиться действенных социально и личностно-потребностных сдвигов в социальной и биологической природе личности» [11, С. 84].

Кроме того, специально преобразованная профессионально-прикладная физкультурная деятельность довольно точно соответствует основополагающим требованиям к ведущей деятельности, потому как:

- ◆ во внутренней форме данного рода деятельности появляются и различаются другие виды деятельности в виде игры, учения, труда и общения;
- ◆ в процессе данного рода деятельности развиваются и трансформируются собственные психические, биологические и физические процессы личности сотрудника;
- ◆ в сжатые сроки данная деятельность способствует в условиях определенного возраста, социального и личностного статуса и потребностей изменению личности [12].

Существенным подкреплением возможности практической реализации направленного формирования адаптированности к профессиональной деятельности в рамках структурно-функционального моделирования данного процесса должны служить:

- ◆ основополагающие концепции, построенные на положении физкультурного воспитания и образования. Данные разработки были исследованы в трудах В.К. Бальсевича, В.М. Выдрина, Л.И. Лубышевой, А.Я. Найна. В результатах их исследований можно увидеть убедительные доводы в пользу «необходимости целенаправленного процесса становления не только телесного, но и социокультурного компонентов личности через приобщение ко всем ценностям физической культуры» [13];
- ◆ педагогические основания для свободного выбора и гуманизации способов физкультурно-спортивного образования изложены в работах В.К. Бальсевича, М.Я. Виленского, Л.И. Лубышевой, В.И. Ляха, А.Я. Найна, В.И. Стоярова и др. По их

мнению такой подход к адаптации обеспечивает проявление и развитие способностей людей в индивидуальном направлении физкультурно-спортивной деятельности, формирование ценностных отношений к лично значимым средствам физической культуры, что может в дальнейшем стать основой для самостоятельного включения в процесс физкультурной деятельности, самовоспитания в данной области, саморазвития и самореализации [14].

Основой для структурно-функциональной модели формирования адаптированности менеджеров к профессиональной деятельности стала ведущая мысль о роли физической культуры в нашей жизни и о ее значении в других видах деятельности, при включении в которые по ходу профессионального образования появляется двусторонний социально значимый эффект:

- ◆ в результате социализации личности, ее насыщения духовного мира, развития, формирования профессионально значимых характеристик при индивидуальных имеющихся общих и специальных свойств и качеств как личности;
- ◆ в результате взаимодействия с биологической сущностью личности становится возможным зарождение и развитие специальных физических качеств с их компонентами, а также двигательных умений

и навыков и необходимых психофизиологических функций профессионала [14].

Исходя из этого, можно сказать, что реализация всех критериев для успешной адаптированности менеджеров к профессии возможно полноценно смоделировать в ходе специально организованной физкультурно-спортивной деятельности. При этом возможно достичь не только реализации различных компонентов адаптированности к профессии, но и обеспечить позитивную динамику качественных и количественных составляющих ввиду поэтапной их реализации.

Результативность процесса подготовки студентов-менеджеров к профессиональной деятельности в рамках практики, а также успешность самореализации в профессиональной и повседневной жизни в различной деятельности может быть обусловлена сформированностью профессионального, психофизиологического и профессионально-личностного компонентов профессиональной адаптированности, успешность которых в ходе реализации специально смоделированной прикладной физкультурно-спортивной деятельности в результате приводит к развитию профессионально необходимых двигательных, личностных и социальных навыков, качеств и функций, которые характеризуют личность настоящего профессионала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Георгиевский А. Б. Эволюция адаптаций (историко-методологические исследования) / А. Б. Георгиевский. — Л.: Наука, 1989. — 189 с.
2. Посохова С. Т. Личностные феномены адаптации / С. Т. Посохова // *Здоровая личность* / Под ред. Г. С. Никифорова — СПб.: Речь, 2013. С. 276–295
3. Березин Ф. В. Психическая и психофизиологическая адаптация человека / Ф. В. Березин. — М., 1988. — 126 с.
4. Адаптация к профессиональной деятельности / Физиология трудовой деятельности // А. Ж. Юревиц, В. С. Аверьянов, О. В. Виноградов и др., — СПб.: Наука, 1993. — с. 209–277.
5. Никифоров Г. С. Психология здоровья: учеб. пособие / Г. С. Никифоров. — СПб.: Речь, 2002. — 256 с.
6. Бодров В. А. Психология профессиональной пригодности: учеб. пособие для вузов / В. А. Бодров. М.: ПЕР СЭ, 2001–511 с.
7. Дмитриева М. А. Психологические факторы профессиональной адаптации / М. А. Дмитриева // Психологическое обеспечение профессиональной деятельности / под ред. Г. С. Никифорова. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1991. — С. 43–61.
8. Боген М. М. Обучение двигательным действиям / М. М. Боген. — М.: Физкультура и спорт, 1985. — 192 с.
9. Полиевский С. А. Физкультура и профессия / С. А. Полиевский, И. Д. Старцева. — М.: Физкультура и спорт, 1988. — 160 с.
10. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. / А. Н. Леонтьев. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
11. Коровин С. С. Методологические и психолого-педагогические предпосылки ППФК: учеб.-метод. пособие / С. С. Коровин. — Оренбург: Изд-во ОГПУ, 1997. 184 с.
12. Коровин С. С., Кабачков В. А. Профессиональная физическая культура и формирование личности: монография / С. С. Коровин, В. А. Кабачков. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 1998. 259 с.
13. Лубышева Л. И. Социология физической культуры и спорта: учеб. пособие / Л. И. Лубышева. — М.: Академия, 2001. — 240 с.
14. Бальсевич В. К., Лубышева Л. И. Физическая культура: молодежь и современность / В. К. Бальсевич, Л. И. Лубышева // Теория и практика физической культуры. — 1995. № 4. — С. 2–7.

© Никифоров Дмитрий Вячеславович (nikifov@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

УЛУЧШЕНИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ УНИВЕРСИТЕТА С ЦЕЛЮ ПРИВЛЕЧЕНИЯ АБИТУРИЕНТОВ

IMPROVING UNIVERSITY INFRASTRUCTURE TO ATTRACT APPLICANTS

A. Petrenko
A. Melikhov
J. Orlova
Y. Kulikova

Summary. This article describes one of the approaches for attracting applicants and students used in the Volgograd State Technical University. As part of this approach, teachers come up interesting and practically useful tasks for student's graduation work. The result of the work is used for improving the infrastructure of the university and automating some business processes. Showing this approach to applicants, the university attracts their attention, providing a unique opportunity to contribute to the development of the future university.

The approach is demonstrated based on two tasks performed as a master's qualification work by the students of "Automated system software" department. The main task and capabilities of the developed software products are described, their software interface is demonstrated, and the ways of further support are given.

Keywords: applicant, university, orientation, augmented reality, distance education, moodle.

Петренко Александр Андреевич

Волгоградский государственный технический
университет
gafk555@gmail.com

Мелихов Александр Владимирович

Д.т.н., Волгоградский государственный технический
университет
amelihovv@ya.ru

Орлова Юлия Александровна

Д.т.н., Волгоградский государственный технический
университет
yulia.orlova@gmail.com

Куликова Яна Владимировна

Волгоградский государственный технический
университет
cul.jana@yandex.ru

Аннотация. В данной статье описывается один из подходов привлечения абитуриентов и студентов, используемый в Волгоградском Государственном Техническом Университете. В рамках данного подхода преподаватели придумывают и выдают студентам интересные и практически полезные задания для выпускных квалификационных работ. Результат выполнения работы используется для улучшения инфраструктуры университета, автоматизации бизнес-процессов. Рассказывая про такой подход абитуриентам, университет привлекает их внимание, предоставляя уникальную возможность внести свой вклад в развитие будущего университета.

Применение подхода демонстрируется на основе двух задач, выполненных в качестве выпускной квалификационной работы магистра на кафедре "Программное обеспечение автоматизированных систем". Описывается основная задача и возможности разработанных программных продуктов, демонстрируется их программный интерфейс и приводятся пути дальнейшей поддержки.

Ключевые слова: абитуриент, университет, ориентация, дополненная реальность, дистанционное образование, moodle.

Введение

«**К**ак и чем привлекать абитуриентов» — вопрос, который беспокоит преподавателей и сотрудников университетов каждый год. Предложить новые уникальные дисциплины, рассказать об увлекательной социально-культурной жизни студентов, рекламировать проводимые мероприятия. Каждый университет по-своему отвечает на этот вопрос, зачастую комбинируя варианты.

В этой статье мы хотим рассказать об одном из подходов, который взяли на вооружение преподаватели

нашего университета. Суть заключается в том, чтобы привлекать абитуриентов, показывая проекты, которые разрабатывают студенты. Для этого, разрабатываемые студентами проекты должны быть интересны, практически полезны и применимы. Мы не говорим о разработке проектов по заказу. Разрабатываемые проекты должны будут применяться внутри университета, его сотрудниками и другими студентами. На разработку таких проектов требуется много времени и достаточная квалификация. Выпускная работа бакалавра, магистерская диссертация — вполне подходят для таких проектов. Придумывая и давая студентам такие проекты, можно совместить приятное с полезным. Студент, получая практически

применимый проект, понимает, что его разработка будет использоваться в университете. Он чувствует большую ответственность. Обычно, практически применимые проекты вызывают больший интерес и мотивацию, студент упорнее работает над такими задачами. На выходе получается 2 артефакта:

- ◆ студент, успешно защитивший выпускную квалификационную работу;
- ◆ разработанный продукт, который можно применить для улучшения инфраструктуры, автоматизации бизнес-процессов и т.д.

Также, такие разработки можно использовать для привлечения абитуриентов. Рассказывая абитуриентам, чем они будут заниматься в университете, показывая продукты, разработанные нашими студентами и используемые в практических целях, мы привлекаем внимание абитуриента. Его не может не заинтересовать возможность внести свой вклад в развитие будущего университета — места, с которым он будет связан ближайшие 4–6 лет. Практически применимые проекты также дают возможность лучше понять те навыки и умения, которые он получит в результате обучения, что будет способен самостоятельно делать по окончании учебы.

В этой статье мы опишем 2 разработки и покажем варианты их практического применения. Проекты выполнялись в качестве выпускной квалификационной работы магистра на кафедре “Программное обеспечение автоматизированных систем” нашего университета.

Описание AR-Nav

Один из проектов — приложение для ориентации внутри помещений с использованием технологии дополненной реальности. Ориентация в незнакомых помещениях всегда являлась проблемой. Чем больше помещение, чем сложнее и запутаннее его планировка, тем проблема становится острее. Здания университетов как раз являются примерами больших помещений, в которых трудно ориентироваться. А ведь ежегодно тысячи абитуриентов сталкиваются с данной проблемой. Они первый раз заходят в университет, и достаточно непросто понять, куда идти, где найти нужное помещение (например, аудиторию, где необходимо подать заявление). Невозможность найти требуемую аудиторию в условиях ограниченного времени может вызывать у человека нервозность, раздражительность. К тому же, молодым абитуриентам хочется узнать побольше информации о их будущем университете, его истории и нынешней деятельности, достижениях и преимуществах перед конкурентами. На собственном опыте, а также опыте своих сокурсников, могу сказать, что данный интерес действительно возникает у абитуриентов. Но во многом он так и остается не удовлетворён.

Как эта проблема решается до сих пор? Для ориентации абитуриентов обычно используют бумажные таблички с указателями, вывески и плакаты, а также сотрудников университета. Недостаток очевиден — временные и трудозатраты на подготовку табличек и указателей, их ежегодный монтаж, демонтаж. Людские ресурсы и вовсе ограничены, т.к. огромное количество сотрудников университета и так задействованы в процессах оформления документов абитуриентов. Что уж говорить об информационной составляющей — маловероятно, что студент получит ответ на вопрос: «А за что университет получил эту грамоту, висящую на стене?». Данный способ ориентации всегда был основным. Возможно, он и останется таковым в ближайшее время. Однако необходимо дополнить его более современным способом, устранив недостатки и повысив интерес у абитуриентов.

Одним из методов повышения информационной составляющей являются виртуальные туры по университету. Виртуальный тур — способ реалистичного отображения трехмерного многоэлементного пространства на экране [1, с. 182]. Элементами виртуального тура, как правило, являются сферические панорамы, соединенные между собой интерактивными ссылками-переходами.

Виртуальные туры широко используются и, пожалуй, практически каждый крупный университет уже имеет в своем арсенале один или несколько виртуальных туров. Обычно их размещают на сайте университета. Таким образом, абитуриент может ознакомиться с некоторыми помещениями университета даже не посещая его.

Виртуальные туры имеют свои преимущества: относительная простота реализации, наглядность, достаточная информативность, возможность «побывать» в университете, не выходя из дома. Однако есть и недостатки: малая интерактивность, а также сама технология реализации виртуальных туров — она устарела, а ее возможности ограничены.

Мы попытались совместить решение двух вышеупомянутых проблем: ориентация абитуриентов в помещениях университета и недостаточная информативность окружающей обстановки. Для их решения была выбрана современная, быстро развивающаяся и продвинутая технология дополненной реальности. Дополненная реальность (англ., Augmented Reality, AR) — это среда с прямым или косвенным дополнением физического мира цифровыми данными в режиме реального времени при помощи компьютерных устройств и программного обеспечения [2, с. 34].

Для того, чтобы ее использовать, нам необходимо было разработать мобильное приложение, а также опре-

деленным образом подготовить помещение, развесив AR-метки. Однако, в отличие от бумажных указателей, это достаточно будет сделать лишь раз. От абитуриента же, для решения обозначенных проблем, понадобится лишь запустить мобильное приложение на своем смартфоне — устройстве, без которого в наши дни сложно представить свою жизнь.

Чтобы лучше всего понять принцип работы приложения, приведем типичный сценарий ориентации абитуриента с использованием разработанного приложения. Сценарий описан применительно к нашему университету — ВолгГТУ, но его можно применить и для любого другого университета.

1. Пользователь заходит в главный учебный корпус ВолгГТУ.
2. Пройдя через турникет, он обнаруживает красочный плакат, призывающий его сканировать QR-код. Плакат гласит: «Сканируй QR-код, и ты с легкостью найдешь все, что тебе нужно».
3. Пользователь достает свой смартфон, включает камеру и наводит смартфон на QR-код. Камера смартфона распознает QR-код и предлагает пользователю перейти к нашему приложению.

Т.к. разрабатываемое приложение является web-приложением, пользователю даже не потребуется ничего устанавливать. Таким образом, всего за пару кликов, пользователь получит доступ к нашему приложению.

4. Приложение запускается. С этого момента начинается взаимодействие пользователя с нашим приложением.
5. Приложение определяет, что пользователь запускает его впервые и выводит справочную информацию. Ознакомившись с ней, пользователь поймет, что это за приложение, для чего оно предназначено и как им пользоваться.
6. После ознакомления с первоначальной справочной информацией пользователю будет предложено выбрать цель. Допустим, нам необходимо найти аудиторию 312.
7. Пользователь выбирает цель — «Аудитория 312».
8. Приложение рассчитывает маршрут до выбранной цели.
9. Приложение показывает пользователю направление движения к лестнице в виде стрелки, направленной в соответствующем направлении. Также приложение выводит поясняющий текст — «Пройдите к лестнице».
10. Пользователь проходит в указанном направлении до лестницы и обнаруживает вторую AR-метку. Наводит смартфон на нее.
11. Приложение распознает вторую метку, определяет, что пользователь следует по маршруту и показывает направление до следующей метки в рам-

ках текущего маршрута. Направление — «Вверх», поясняющий текст — «поднимитесь по лестнице до 3 этажа».

12. Поднявшись по лестнице до 3 этажа, пользователь снова обнаруживает AR-метку, сканирует ее, получает направление и указания.
13. Процесс повторяется, пока пользователь не достигнет до своей цели — «Аудитория 312».
14. Распознав конечную AR-метку, расположенную рядом с аудиторией 312, приложение сообщит пользователю, что он достиг своей цели и предложит ознакомиться с привязанной к этой метке информацией.

Сценарий описывает практически все основные функции приложения. Однако есть и еще несколько других. Например, приложение может перестраивать маршрут, если пользователь сбился с пути. Присутствует возможность сменить цель на любом участке пути. Также приложение собирает аналитические данные о типах пользователей и удобстве использования приложения. Это поможет нам в дальнейшем сделать приложение лучше.

У нас уже есть идеи, как можно усовершенствовать приложение. Например, добавить группировку для целей или умный поиск целей по текстовому запросу.

Отдельно хотелось бы рассказать про то, как приложение указывает пользователю маршрут. Именно тут и используется дополненная реальность. Для указания действий мы используем комбинацию потоков информации:

- ◆ текст;
- ◆ звук;
- ◆ изображение.

Текст — это AR-объект в виде текста. Это основа для указания действий. Осмысленный текст мы генерируем из информации в базе данных с использованием элементов теории нечеткой логики. Однако описание этого процесса выходит за рамки статьи. Приложение также способно проговаривать отображаемый текст автоматически и по требованию пользователя. Поддерживается только русский язык. Изображение позволяет нам передавать указание действий в логически понятном виде. Мы используем AR-объект в виде 3D стрелки, поворачивающейся на определенное количество градусов. Изображение AR-объектов накладывается на изображение с камеры устройства — это принцип работы технологии дополненной реальности. По указанию действий пользователь должен понять, где находится следующая метка на его пути. Указание действий предполагает, что камера «смотрит» на метку под прямым углом. Оптимальное расстояние для сканирования AR-метки — 30–40 см.

Рис. 1. Указание действий

На рисунках 1–4 приведены скриншоты разработанного приложения. Основа интерфейса — изображение с камеры устройства [3, с. 225]. Изображение AR-объектов — текст и стрелку видно на рисунках 1–3. Для уведомлений пользователя о каких-либо событиях используются всплывающие уведомления вверху экрана. Пример можно увидеть на рисунках 2 и 3. Для общения с пользователем используются всплывающие диалоговые окна. Пример — окно выбора цели на рисунке 4. Элементы интерфейса в виде скругленных кнопок позволяют пользователю взаимодействовать с приложением. С помощью кнопки с изображением громкоговорителя пользователь может озвучить текст указания действий. В крайнем левом углу находится кнопка отображения

Рис. 2. Указание действий при перестроении маршрута

информации об объекте навигации, а вытянутая кнопка справа показывает текущую цель навигации и позволяет изменить ее в любой момент.

Описание Auto Rights Management

Второй проект предназначен больше для преподавателей, чем для обучающихся. Его основная цель — дать преподавателям инструмент для предотвращения списывания обучающимися во время прохождения контрольного тестирования.

На кафедре ПОАС ВолгГТУ применяется система дистанционного образования Moodle для управления про-

Рис. 3. Цель достигнута

цессом обучения. Системы дистанционного образования широко применяются в большинстве современных образовательных учреждениях. Эти системы позволяют преподавателям организовать выдачу заданий и их проверку, выкладку материалов по курсу, обеспечивают общение между преподавателем и обучающимися.

Также они, конечно же, позволяют проводить контрольное тестирование обучающихся. Тест формируется из банка вопросов, который составляет преподаватель. Вопросы бывают различных типов:

- ♦ короткий ответ (нужно вписать слово или короткую фразу, при этом допускается несколько правильных ответов с различными оценками);

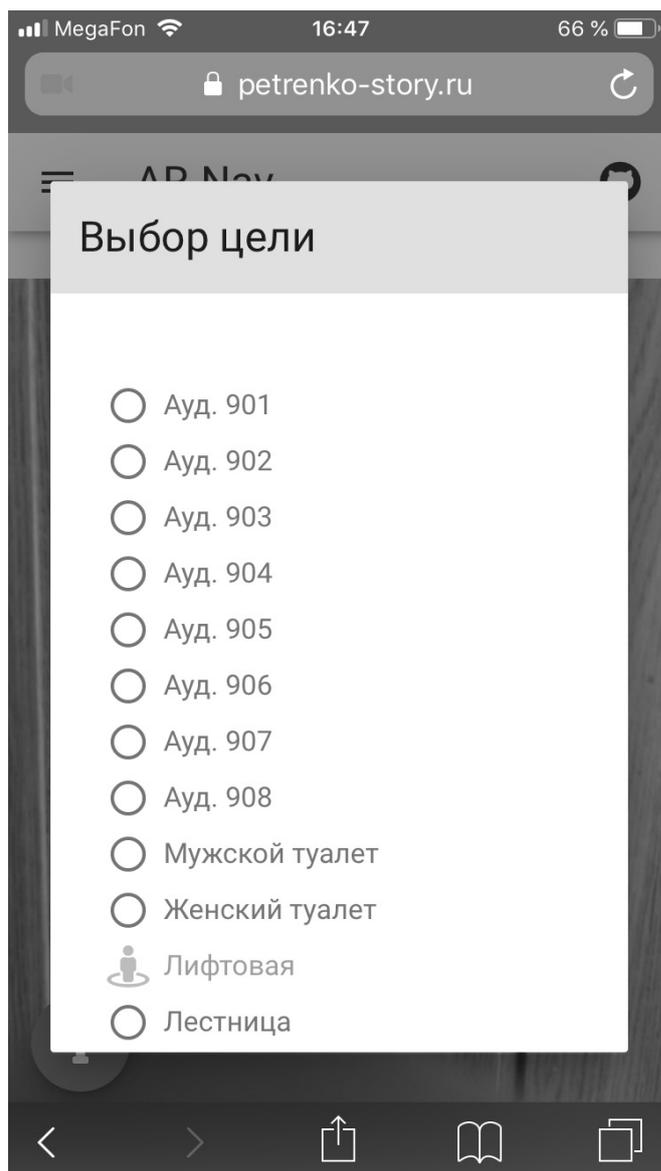

Рис. 4. Выбор цели

- ♦ числовой ответ (то же, что и короткий ответ, только нужно вписать число, допускается некая заданная погрешность в ответе);
- ♦ множественный выбор (нужно выбрать один или несколько правильных вариантов);
- ♦ верно/неверно (обучаемый должен выбрать либо верно, либо неверно);
- ♦ на соответствие (нужно сопоставить каждый элемент первой группы ответов второй группе).

Moodle применяется в рамках нескольких предметов. Один из них — «Основы программирования». Этот предмет строится следующим образом: обучаемые слушают лекцию по какой-то теме, затем дома готовятся к предсто-

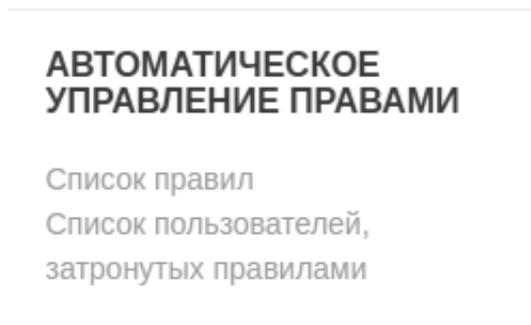

Рис. 5. Информационная панель для преподавателя

Auto rights management course 2

В начало / Мои курсы / atmс2

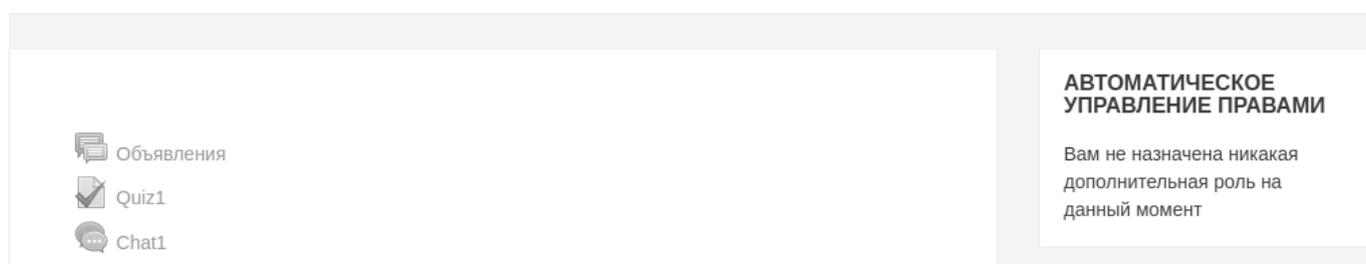

Рис. 6. Страница курса для обучаемого перед началом тестирования (чат доступен)

ящей лабораторной работе, на которой им нужно будет сдать контрольный тест, программу, выполненную дома, и модификацию программы, выполненную в аудитории. В конце семестра нужно сдать семестровую работу и итоговый контрольный тест. Во время прохождения тестирования обучаемым можно пользоваться только справкой MSDN, калькулятором и самой системой дистанционного образования Moodle. Если у обучаемого открыта любая другая программа, преподаватель это легко увидит. А вот использование функций самого Moodle для списывания может быть не так заметно для глаза преподавателя, потому что обучаемый находится в той же системе, в которой проводится тестирование, но на другой странице, визуально похожей на страницу тестирования.

К таким функциям можно отнести общение в чате, на форумах, загрузку шпаргалок через модуль личных файлов, даже редактирование информации "О себе" в собственном профиле. Например, пользователь А может часто обновлять страницу пользователя Б и редактировать информацию на своей странице, и, таким образом, они могут пересылать подсказки друг другу. Сами по себе эти функции полезны и необходимы, но на время проведения тестирования их необходимо отключать.

Стандартного способа для решения данной проблемы в системе дистанционного образования Moodle нет, но есть сторонние решения: MoodleGate [4], MoodleWatcher [5, 6], развертывание отдельной инсталляции системы дистанционного образования, safe exam browser [7, с. 440], прокторинг [8, с. 60]. Первые два решения уже не актуальны, так как они больше не поддерживаются разработчиками. Третий способ требует очень много трудозатрат на поддержание в синхронизации двух инсталляций Moodle. Использование safe exam browser ограничено только встроенными модулями Moodle, а на кафедре ПОАС используется много модулей, разработанных на этой кафедре, с которыми необходима интеграция. Прокторинг, конечно, самый надежный способ для проведения контрольного тестирования, но, к сожалению, он достаточно дорогостоящий. Поэтому был разработан плагин для Moodle, который решает проблему путем отключения заданных преподавателем прав обучающихся во время прохождения ими контрольного тестирования.

Основа разработанного плагина — правила, описывающие:

Auto rights management course 2

В начало / Мои курсы / атмс2

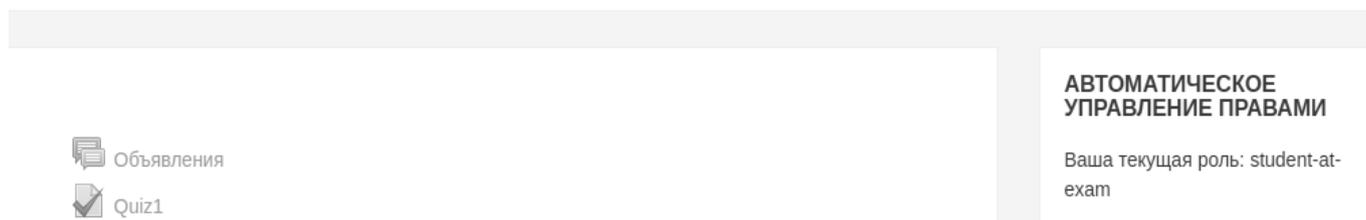

Рис. 7. Страница курса для обучаемого во время тестирования (чат недоступен)

- ◆ какие права пользователей должны быть запрещены (пользоваться чатом, загружать файлы);
- ◆ в какой части Moodle они должны быть запрещены (во всей системе, на отдельном курсе);
- ◆ какую роль должны иметь пользователи, чтобы правило к ним применялось (например, студент).

Разработанный плагин начинает свою работу, когда происходит одно из следующих событий: обучаемый начинает проходить тест, обучаемый получает задание для выполнения или преподаватель начинает урок. Затем в соответствии с разработанным алгоритмом он модифицирует права пользователей, основываясь на заданные преподавателем правила. В это время преподавателю становится виден список пользователей, чьи права были затронуты хотя бы одним правилом. Он может восстановить права конкретных пользователей, если это будет необходимо. Когда происходит противоположное событие: обучаемый завершает прохождение теста, отправляет ответ на задание или преподаватель завершает урок, права пользователей возвращаются к прежнему состоянию.

На рисунках 5–7 показаны экранные формы разработанного плагина.

В дальнейшем разработанную систему планируется усовершенствовать путем добавления в нее возможностей, предотвращающих другие возможные сценарии

списывания. Например, прохождение теста одним обучающимся вместо другого.

Заключение

В данной статье на примере двух технических проектов мы рассказали об одном из подходов привлечения абитуриентов, взятых на вооружение преподавателями нашего университета. Основная идея подхода заключается в том, чтобы выдавать студентам интересные, практические задачи в рамках выпускных квалификационных работ. У студента достаточно времени для выполнения задачи. Студент заинтересован и мотивирован выполнением практически полезной работы, ответственнее подходит к работе. За счет таких практически полезных задач можно улучшать инфраструктуру университета, автоматизировать бизнес-процессы. Показывая такие работы абитуриентам, мы повышаем их интерес за счет возможности внести свой вклад в развитие университета.

Мы рассказали о подходе, описав разработанные программные продукты в качестве примера. Однако, данный подход может быть применен и в других специальностях.

Работа выполнена при частичной поддержке РФФИ и администрации Волгоградской области (гранты 19–47–343001, 18–07–00220, 18–47–342002).

ЛИТЕРАТУРА

1. Волобуева М. В. Виртуальный тур как эффективный инструмент маркетинга // Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки. 2017. Вып. 8.
2. Шелевер Л. В. Дополненная реальность в образовании — это миф или реальность? // European research: innovation in science, education and technology. 2018.
3. Лагутин А. А. Программное обеспечение с использованием дополненной реальности в качестве интерфейса пользователя / А. А. Лагутин, В. Г. Скорик // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке. 2014. Вып. 1.

4. Matos R., Barber J. Moodlegate: securing computer driven exam environments // INTED2013. 2013.
5. Matos R., Torrão S., Vieira T. C. S. Moodlewatcher: detection and prevention of fraud when using Moodle quizzes // Proceedings of INTED2012 Conference. 2012.
6. Matos R., Carvalho F. Moodlewatcher: One year experience of detecting and preventing fraud when using Moodle quizzes // EDULEARN12. 2012.
7. Schneider D. R. The Safe Exam Browser. Innovative software for the implementation of online exams at ETH Zurich. 2012.
8. Hylton K., Levy Y., Dringus L. P. Utilizing webcam-based proctoring to deter misconduct in online exams // Computers & Education. 2016. T. 92.

© Петренко Александр Андреевич (gafk555@gmail.com), Мелихов Александр Владимирович (amelihovv@ya.ru),
 Орлова Юлия Александровна (yulia.orlova@gmail.com), Куликова Яна Владимировна (cul.jana@yandex.ru).
 Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Мамеев курган, г. Волгоград

ИЗУЧЕНИЕ ТЕМЫ «МНОГООБРАЗИЕ КУЛЬТУР» НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

STUDYING "CULTURAL DIVERSITY" THEME AT FOREIGN LANGUAGE LESSONS

**E. Sentebova
L. Kozubovskaja**

Summary. Teaching supplementary education language course requires careful selection of lexical material. The authors focus on the themes connected with the person that is a creator and carrier of language and culture. From describing people's appearance and character through the topic "National character" it is possible to turn to cultural diversity. Learning and discussing this theme expand students' knowledge, form tolerance to other cultures, stimulate ethnical self-identification and promote national self-awareness.

Keywords: Supplementary education, selecting lexical material, appearance and character, national character, cultural diversity, ethnical self-identification, national self-awareness.

Обязательный курс иностранного языка в техническом вузе составляет всего один год, в течение которого студенты должны научиться читать, понимать и переводить общетехнические тексты, знать основы грамматики изучаемого языка и уметь высказываться по определенным устным темам. Но некоторым студентам хотелось бы углублять и совершенствовать знания по иностранному языку. В связи с этим многие вузы предоставляют всем желающим возможность получить дополнительную квалификацию — переводчик в сфере профессиональной коммуникации. Это повышает конкурентоспособность выпускников вузов на рынке труда, способствует их профессиональному росту и продвижению по службе. В программу включены как практические виды занятий по различным аспектам языка, так и теоретические курсы. Хотя упор делается на профессиональный перевод и профессиональную тематику, очень важным аспектом является практический курс языка, который по сути является продолжением базового курса иностранного языка. Он включает в себя совершенствование навыков употребления грамматики, расширение запаса общеупотребительной лексики и умение общаться на иностранном языке. Поскольку в грамматике английского языка, принадлежащего к аналитическим языкам, самым важным является сказуемое, то авторами была разработана его упрощенная, яркая, четкая и емкая классификация. [2, с. 98–102]. Эта классификация позволяет студентам бы-

Сентебова Елена Леоновна
Доцент, Пермский национальный
исследовательский политехнический университет
Lena-sentebova@yandex.ru
Козубовская Людмила Александровна
Доцент, Пермский национальный
исследовательский политехнический университет

Аннотация. При работе со студентами, получающими дополнительную квалификацию «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации», большое значение имеет выбор тематики для устной речи. Авторы делают упор на темы, связанные с человеком, создателем и носителем языка и культуры. От описания внешности и характера людей через тему «Национальный характер» можно перейти к обсуждению многообразия культур, что расширяет горизонты обучаемых, воспитывает терпимость к другим культурам, способствует этническому самоопределению и формирует национальное самосознание.

Ключевые слова: дополнительная квалификация, отбор лексического материала, внешность и характер человека, национальный характер, многообразие культур, этническое самоопределение, национальное самосознание.

стро и успешно понять и усвоить самые важные и сложные аспекты грамматики.

Не менее значимым является отбор лексического материала для обучения устной речи. При его выборе авторы делают упор на темы, связанные с человеком, создателем и носителем языка и культуры. «Язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться.» [1, с. 15] Поэтому в процессе обучения языку мы рассматриваем внешние и внутренние качества человека, его характер и поведение, отношение к другим людям, а поскольку человек является объектом скрупулезного анализа в литературе, то мы подключаем чтение художественных текстов. Каждая тема включает в себя короткий рассказ английских и американских авторов, который студенты читают в качестве домашнего чтения. Во время занятия отрабатывается тематическая лексика. Различные лексические задания готовят студентов к обсуждению вопросов, поднятых в произведении.

Темы, связанные с внешностью и характером человека, являются первыми, но совсем не являются примитивными. Описание внешности и характера близких людей, друзей и знакомых дают возможность в дальнейшем перейти к более сложной теме, связанной с различием культур. Так, понятие о внешней красоте человека не совпадает у разных народов. Также отличаются и на-

циональные характеры. Конкретные черты характера народа складываются в зависимости от его традиций, культуры, социальных структур и природной среды обитания. В истоках национального характера лежат устойчивые психофизиологические и биологические особенности человека. Общий, единый национальный характер является следствием, психическим отражением той общности физической территории, на которой проживает данная группа. Например, жаркий экваториальный климат порождает совершенно иные психофизиологические и биологические особенности, а следовательно, и национальные характеры, чем холодный северный климат. Эта тема является очень важной и интересной для студентов, так как дает знания о представителях других культур и помогает формированию национального самосознания.

Тема «Национальный характер» дает возможность перейти к важнейшей теме для всех, кто изучает иностранный язык — «Многообразие культур». «Язык и культура — это движение в одну сторону, хотя находятся они в сложных взаимоотношениях. Поскольку язык отображает мир, а культура неотъемлемый компонент этого мира, то язык есть зеркало культуры. Но, с другой стороны, он в значительной степени детерминирует культуру...» [3, с. 166].

Многие преподаватели иностранного языка понимают, что должны обучать не только грамматике и лексике языка, но и изучать разные культуры. Преподаватель должен выступать в роли своего рода посредника между студентом, иностранным языком и культурой страны изучаемого языка. «Когда мы преподаем иностранный язык, мы также обучаем традициям, ценностям, образу мыслей и особенностям поведения его носителей в разных ситуациях» [5, с. 64]. Изучая иностранный язык, студенты должны понимать, что разнообразие культур — это данность, с которой следует считаться, и эта данность предполагает, что нужно понимать, признавать и ценить образ жизни, манеру поведения людей, принадлежащих к разным культурам. Постигание другой культуры призвано воспитать терпимость к ней, пробудить интерес и уважение, преодолеть раздражение, вызванное непохожестью других.

Яркой манифестацией культуры в языке являются сказки, пословицы и поговорки. Пословицы и поговорки, отражая своей семантикой длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы. Пословицы являются душой всякого национального языка, в них проявляются дух и своеобразие нации. В.Н. Телия пишет, что фразеологический состав языка — это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [4, с. 9].

На занятиях по практике языка мы предлагаем студентам прочитать английские пословицы, попытаться найти их русский эквивалент, если это возможно, прокомментировать их и, в некоторых случаях, использовать их в качестве заголовка для сочинения. Национальный характер также проявляется в сказках. Поэтому мы предлагаем студентам прочитать сказки разных народов, подобранных по каждой теме на английском языке, и сформулировать их мораль.

Изучение чужих культур должно воспитывать не только принятие и терпимость к ним, но и уважение к собственной культуре, к родному языку и должно способствовать становлению национального самосознания. Национальное самосознание — это ядро национального сознания. Это осознание людьми своей принадлежности к определенной социально-этнической общности. Оно проявляется в идеях, взглядах, мнениях, чувствах, эмоциях и настроениях. Национальное самосознание подразумевает знание истории своей нации, ее ценности и интересы. Человек должен понимать, к какой культуре он относится и чем он отличается от представителей других обществ. Национальное самосознание отражается в языке, в произведениях народного творчества и профессионального искусства, в литературе, нормах морали, поведения и права.

На занятиях по английскому языку авторы предлагают студентам прочитать и обсудить большое количество текстов, связанных с национальным характером, обычаями, традициями, религиозными обрядами, особенностями и нормами поведения, менталитета, видами невербальной коммуникации людей, принадлежащих к разным культурам. Это расширяет и обогащает знания студентов о мире, странах и людях, способствует развитию уважения и толерантности к другим культурам и помогает понять свою собственную культуру, свое место в мире и формирует национальное самосознание. Это особенно важно для России в целом и для Уральского региона, который является многонациональным, в частности. В Пермском техническом университете обучается большое количество студентов из Татарстана, Башкортостана и Удмуртии. Некоторые из них гордятся своей этнической принадлежностью, а другие стыдятся и скрывают ее, так как считают, что их этническая группа имеет менее высокий статус. При вопросе о своей национальности они говорят, что они русские. Есть студенты с маргинальной идентичностью, у которых существуют серьезные проблемы с этническим самоопределением, что демонстрирует полную этнокультурную размытость и неопределенность человека в окружающем его мире. Типичным примером можно назвать определение самого себя как «человек мира», то есть человек не чувствует себя привязанным ни к одному народу или этносу. У таких людей отсутствуют корни, ощущение Родины. Ско-

рее всего, это является следствием неправильного воспитания — ребенку с детства следует читать народные сказки и произведения, написанные на родном языке, слушать народную музыку.

Иногда глубокое изучение темы «Многообразие культур» помогает студентам осознать свою этническую принадлежность, поднять в их глазах ее статус, определиться с религиозной принадлежностью (особенно если родители относятся к разным конфессиям). Позитивная и четко определенная этническая идентичность является самой конструктивной основой межкультурного, межнационального и межконфессионального взаимодействия.

Таким образом, занятия по иностранному языку со взрослой аудиторией — это не только обучение системе языка, его грамматике и лексике, но и возможность расширить горизонты обучаемых, познакомить их с разными культурами. Кроме того, эти занятия дают возможность оказывать воспитательное воздействие на обучаемых посредством чтения, размышления и обсуждения вопросов, которые важны для них и помогают им понять себя, других и свое место в мире. «Язык — не просто средство коммуникации, передачи и выражения мысли, он еще и орудие культуры, и ее часть, а культура и язык существуют в диалоге между собой». [З, с. 305]

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974:15
2. Козубовская Л. А. Сентебова Е. Л. Системная подача грамматического материала при изучении сказуемого и неличных форм глагола в английском языке // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». — 2016, -№ 2, -с.98–102.
3. Маслова В. А. Homo lingualis в культуре: Монография.-М.: Гносис, 2007.-320с.
4. Телия В. Н. Русская фразеология. М., 1996
5. Brown D. H. Teaching by Principles: an Interactive Approach to Language Pedagogy, Longman, 2000 (eng)

АНГЛИЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ НА –ING КАК ОДИН ИЗ ПУТЕЙ ПОПОЛНЕНИЯ СЛОВАРНОГО СОСТАВА РУССКОГО ЯЗЫКА

Быкова Дарья Владимировна

Старший преподаватель, ГБОУ ВО «Нижегородский
государственный инженерно-экономический
университет», Княгинино, Россия
bykova_dasha_1986@mail.ru

ENGLISH BORROWINGS WITH –ING AS ONE OF THE WAYS OF ENRICHING THE VOCABULARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

D. Bykova

Summary. this article discusses the issue of replenishment of the Russian language. Lexicology distinguishes two main ways of enriching the composition of the language; it is the completion of the words of the original vocabulary and borrowing from other languages. English is one of the world's most popular languages and its vocabulary is used worldwide as a group of international words. The article shows the results of the study of dictionary materials from the middle of the 19th century to the beginning of the 21st century as well as the linguistic and non-linguistic causes of active borrowing directly anglicisms with –ing.

Keywords: borrowing, Russian, English, native vocabulary, semantic group, dictionary, language, international.

Аннотация. в данной статье рассматривается вопрос пополнения состава русского языка. Лексикология выделяет два основных пути обогащения состава языка, это пополнение слов исконной лексики и заимствования из других языков. Английский язык является одним из самых популярных мировых языков и его лексика используется по всему миру в качестве группы интернациональных слов. В статье показаны результаты исследования материалов словарей период с середины 19 века и до начала 21 века. А также выявлены языковые и неязыковые причины активного заимствования непосредственно англицизмов на –ing.

Ключевые слова: заимствование, русский язык, английский язык, исконная лексика, семантическая группа, словарь, языковой, международный.

Заимствования являются одним из способов пополнения словарного состава языка. Они неизбежны, как неизбежно общение народов и стран (одной из причин заимствований является усиление международных государственных, культурных и научных взаимоотношений).

В разные эпохи жизни народов выделяются языки, дающие относительно большее число слов, заимствуемых другими языками. В античном мире и средневековые такими языками были греческий и латинский, в 17–18 вв — французский, в 19–20 вв — немецкий и английский. Исходя из вышесказанного, целью данного научного исследования является рассмотрение английских заимствований на –ing в русском языке за последние десятилетия. Тем самым мы можем проследить формирование лексики русского языка конца 20 — начала 21 века.

Лексическая система в современном виде сформировалась не сразу. Процесс ее формирования весьма длительный и сложный. «История слов — это не только история этимологий, но и история всего последующего их движения в языке и в обществе» [1, С. 164]. Кроме слов, которые появились в русском языке сравнительно недавно и появляются в настоящее время, в нем есть немало таких, история которых восходит к далекому прошлому славянских племен. Эти древние слова, чаще их основы, входят составной частью в современный словарь как группы исконной лексики русского языка.

Наряду с исконной лексикой в русском языке выделяют группы слов, в разное время заимствованных из других языков.

Лексикология называет **два основных пути** развития словарного состава: 1) существование и постоян-

ное пополнение слов исконных; 2) заимствование слов из других языков.

Обратимся подробнее к иноязычным заимствованиям. Межъязыковые лексические контакты, т.е. контакты лексических систем, объединяемых между собой культурными связями, — явление совершенно естественное, наблюдаемое не только в наше время, но имевшее место в глубокой древности.

Естественным результатом таких контактов являются лексические заимствования, характерные, наверное, для всех языков мира.

Заимствование слов — один из ярких примеров взаимодействия языков и культур, создания общих ценностей. Нет такого языка, который бы не имел заимствованных слов. Есть, однако, такие языки, которые играли и играют большую роль в распространении слов, создании международного фонда слов, главным образом научно-технической и общественно-политической терминологии.

На основе специфики языков-источников, из которых вошли в состав русской лексики те или иные заимствованные слова, можно говорить о лексических из древних языков (древнегреческого, латинского, старославянского) и лексических заимствованиях из новых языков (особенно из английского, французского, немецкого и испанского языков).

Русский язык выполняет роль посредника и распространителя слов, способствует обогащению словарного состава языков народов нашей страны.

Заимствуются слова из русского языка и в языки зарубежных народов — английский и немецкий, французский и испанский, а также в другие языки Европы, Азии, Африки, Америки. Еще в давние времена были заимствованы слова: *верста, квас, мамонт, мед, пуд, рубль, самовар*. Были заимствованы слова, отражающие нашу историю: *царь, воевода, стрелец, интеллигенция*.

Особенно много русских слов вошло в языки мира, отражающие революцию и освоение космоса: *советы, комсомол, большевик, колхоз, совхоз*.

Среди заимствованных слов надо различать **необходимые слова** и **модные словечки**. Необходимые слова обогащают словарный состав языка; они несут новые знания, а потому непереводаемы. Необходимые слова охватывают научную терминологию и слова, вошедшие в общее употребление. Это, например, коммунизм, революция, трактор, книга, тетрадь. От необходимых иноязычных слов надо отличать модные словечки — выраже-

ния, заимствованные и употребляемые без надобности. Сюда относятся излишества в терминологии (например, употребление таких слов, как «социостаз», «копирайт», в словах типа «бройлер» — *цыпленок*, «плантация» — *поле*).

Еще более удалены от языка-источника слова, возникшие путем калькирования — поморфемного перевода чужого слова-модели: французское слово *influence* послужило основой для появления кальки влияние (*in-flu-ence* — влияние), фразеологического сочетания иметь влияние (ср. фр. *avoir de l'influence*) и старого медицинского термина инфлюэнца (острый катар дыхательных путей, через итальянскую форму *influenza*). Калька (от фр. *calque* — копия, калькирование) — слово или выражение, построенное по образцу слова или выражения другого языка, например: *насекомое* (ср. лат. *in-sect-um*), *небоскреб* (ср. англ. *sky* — *scraper*).

В ходе исторического развития языка заимствованные слова, как и слова, созданные на базе исконных корней и аффиксов, утрачивают словообразовательную мотивированность и выступают как чистые корни. В современном русском языке не осознается заимствованная природа таких, например, слов как *оладья, лошадь, риск* (ср. *писк* — *пищать*, но *рисковать*).

В 18–19 вв. английский язык стал значительно менее популярен в России, чем немецкий и французский. Однако со 2-й половины 20 вв. популярность его в России непрерывно растет. Лексические заимствования есть объективный факт, характерный для развития лексической системы современного русского языка и особенно интенсивно проявляющейся во 2-й половине 20 и в начале 21 вв. В «Словаре иностранных слов», изданном в 1999 г. и фиксирующем лексические заимствования середины и конца 20 в. В русском языке, более 80% этих заимствований восходит к английскому языку или американскому варианту этого языка.

Если английские заимствования 2-й половины 19 в. и начала 20 в. характеризовались в большинстве случаев общим семантическим признаком-принадлежностью к тематической группе «Спорт» (*футбол, баскетбол, волейбол, голкипер, раунд, аут, тренер, тренинг*), то в настоящее время семантическая сфера расширилась [2].

Очень четко выделяется целый ряд совершенно новых семантических групп, характерных для английских заимствований последнего временного периода (середина и конец 20 в.). Материалом для данного исследования служил словарь [3].

1. Торговая деятельность, торговые операции: *демпинг, шопинг*;

2. Деятельность, связанная с управлением производством: *менеджмент, менеджер*;
3. Техника, технические новшества последних лет: *интернет, компьютер*;
4. Пресса, культура (в том числе и массовая), *обращение: дайджест, хит, фильм*;
5. Преступная деятельность: *киллер, киднеппинг*;
6. Некоторые продукты питания: *крекер*.

В дальнейшем, по истечении времени и общественного развития общества, количество семантических групп значительно увеличилось. Исследуя словарь иноязычной лексики и выделяя из них англицизмы на -ing, мы можем выделить уже несколько больше примеров [4]. Среди них такие, как:

1. Спорт (*айсинг, армрестлинг, бодибилдинг, боулинг, дайвинг, джоггинг, картинг, кастинг, кёрлинг, кикбоксинг, парасейлинг, пауэрлифтинг, рафтинг, сёрфинг, сноубординг, спиннинг, дриблинг*);
2. Публичные встречи, митинги, совещания, игры (*брейн-ринг, митинг, брифинг, дебрифинг, листинг, ноутинг*);
3. Сфера технических наук (*блюминг, слявинг, шейпинг*);
4. Экономическая сфера (*демтинг, евроклиринг, клиринг, контроллинг, лизинг, маркетинг, мерчендайзинг, мониторинг, прокторинг*);
5. Действия, ведущие к нарушению закона (*киднеппинг, кроссинг*);
6. Животные (*леминг*);
7. Косметология (*лифтинг, миолифтинг, пилинг, пирсинг*);
8. Еда (*лудинг*);
9. Услуги (*роуминг, фединг, шопинг*);
10. Строительные материалы (*сайдинг*);
11. Одежда (*смокинг*);
12. Таможенные сервис (*толлинг*).

Сравнивая и интерпретируя данные словарей, можно прийти к следующему выводу, что одной из ярчайших причин заимствования слов, а в дальнейшем их активного внедрения и использования в русском языке является активное международное взаимодействие, что повлекло расширение спектра товаров и услуг, усилило бизнес отношения, способствовало развитию экономики и технических наук.

Данные выводы помогут нам понять результаты исследования данных словаря более позднего издания [5]. Мы можем увидеть, что увеличилось не только количество слов в данных семантических группах, но и число самих групп иноязычной лексики. Сравните:

1. Спорт (*айсинг, армрестлинг, бодибилдинг, боулинг, дайвинг, джоггинг, картинг, кастинг,*

кёрлинг, кикбоксинг, парасейлинг, пауэрлифтинг, рафтинг, сёрфинг, сноубординг, спиннинг, дриблинг, шейпинг, тренинг);

2. Публичные встречи, митинги, совещания, игры (*брейн-ринг, митинг, брифинг, дебрифинг, листинг, ноутинг, канцеллинг, букинг*);
3. Сфера технических наук (*блюминг, слявинг, шейпинг, белтинг, инжиниринг*);
4. Экономическая сфера (*демтинг, евроклиринг, клиринг, контроллинг, лизинг, маркетинг, мерчендайзинг, мониторинг, прокторинг, аутсорсинг, форфейтинг, банкинг, дилинг, трейдинг, фиксинг, холдинг*);
5. Действия, ведущие к нарушению закона (*киднеппинг, кроссинг, хайджекинг*);
6. Животные (*леминг*);
7. Косметология (*лифтинг, миолифтинг, пилинг, пирсин, аутотренинг, бодипирсинг*);
8. Еда (*лудинг*);
9. Услуги (*роуминг, фединг, шопинг, вендинг, имиджмейкинг*);
10. Строительные материалы (*сайдинг*);
11. Одежда (*смокинг*);
12. Таможенный сервис (*толлинг*).
13. Род занятия и хобби (*дансинг, бодипейнтинг, хендлинг, хеппенинг*);
14. Медицина (*хилинг*).

Несколько иными были процесс освоения и стилистическая роль неславянских заимствований. Они значительно чаще служат базой для создания так называемой интернациональной лексики, разновидностью которой являются разного рода международные термины. Это одна из функций иноязычных слов. Бурное развитие науки, техники, изменения социально-экономические, общественные требуют новых наименований. И в этом случае единая или очень сходная и достаточно понятная носителям разных языков система номинации способствует экономии речевых средств. Поэтому процесс развития международной терминологии — явление прогрессивное и перспективное.

Таким образом, следует выделить, что иноязычные заимствования с их таким сложным путем освоения, а также даже в виду напряженных внешних государственных отношений являются неотъемлемой частью жизни как отдельного человека, так и общества в целом. Что же касается непосредственно языка, англицизмы на -ing — это огромный пласт лексики, который будет лишь увеличиваться. Более того, хочется добавить, что большая часть иноязычной лексики переходит в русский язык с тем же лексическим значением, с которым она употребляется в языке исходном. Тем самым, слово не теряет своей стилистической предназначенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будагов Р.А., Введение в науку о языке: Учебное пособие. — М.: Добросвет. — 1971, С. 164
2. Словарь иностранных слов. Издание 12-е, стереотипное. Москва Русский язык. 1985 г. 608 с. Твердый переплет, энциклопедический формат.
3. Словарь новых слов русского языка (середина 50-х-середина 80-х годов) / Рос. АН, Ин-т лингв. исслед.; [Е. А. Левашов и др.]; Под ред. Н. З. Котеловой. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. — 876 с.
4. Словарь иностранных слов: свыше 21.000 слов / Отв. ред. В. В. Бурцева, Н. М. Семенова. — 2-е изд., стереотип. — М.: Русский язык-Медиа, 2004. — 820 с.
5. Словарь иностранных слов современного русского языка. — М.: «Аделант», 2014. — 800 с.

© Быкова Дарья Владимировна (bykova_dasha_1986@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Нижний Новгород

РЕДКИЕ СЛОВА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ А.П. ЧЕХОВА

RARE WORDS IN ARTISTIC TEXTS BY CHEKHOV A.P.

I. Dobrodomov

Summary. The article states the meaning of several rare words: fendrik, chemerica, mantifoliya. During the analysis, it turns out that neither the explanatory dictionaries nor the textual commentaries of literary critics provide accurate information about the semantics and etymology of these words, since these sources do not sufficiently take into account the usage of that day and the history of the word in the Russian language.

Keywords: Chekhov, text, semantics, etymology, word, interpretation.

Добродомов Игорь Георгиевич

Д.филол.н., профессор, Московский педагогический
государственный университет
lg4@mail.ru

Аннотация. В статье уточняется значение нескольких редких по употреблению слов: *фендрик*, *чемерица*, *мантифолия*. В процессе анализа выясняется, что ни толковые словари, ни текстовые комментарии литературоведов не дают точной информации о семантике и этимологии данных слов, так как недостаточно учитывают современному произведению узус и историю слова в русском языке.

Ключевые слова: Чехов, текст, семантика, этимология, слово, толкование.

Совершенно очевидно, что даже у писателей, творивших на рубеже XIX–XX веков, т.е. чуть более ста лет назад, читатель сталкивается с непонятными словами, которые далеко не всегда можно найти в современных словарях, ибо последние часто избегают давать толкования редких слов, именно потому, что они редкие. А читателю как раз справки о таких словах и нужны, поскольку часто встречающиеся слова он, как правило, уже знает. В трудных случаях иногда помогают комментаторы художественных текстов, поясняющие в примечаниях отдельные слова, хотя качество толкований, сделанных литературоведами без участия лингвистов, не всегда имеет достаточный и адекватный характер. В данной статье речь пойдет о некоторых таких словах из произведений А.П. Чехова: *фендрик*, *чемерица*, *мантифолия*.

Фендрик. В академическом полном собрании сочинений и писем в тридцати томах (1974–1982) в рассказе «Тина» (1886), где один из героев так называет своего двоюродного брата, молодого поручика, слово употреблено в следующем контексте: «Должно быть, канальский *фендрик* у арендатора застрял» [8. Т. 5. С. 372]; пояснения к слову в комментариях к тексту отсутствуют.

В более ранней юмореске «Роман репортера» это слово встречается дважды: «В первом полугодии я застал у нее [жены] *фендрика*, который лобызал ее (*фендрики* любят *gratis*’-ные удовольствия)». И далее: «На втором году у моей жены был уже не один *фендрик*, а несколько» [8. Т. 2. С. 268]. В указанном выше собрании сочинений и писем слово не комментируется, как это было сделано в предыдущем Полном собрании сочинений Чехова (1944–1951 гг. в 20-ти томах), где дано не только толкование, но и этимология: «Фендрик (от франц.

fender — раскалывать; *fender le coeur* — пронзить сердце) — сердцед; здесь в смысле ‘любовник’» [7. Т. 2. С. 516]. Впрочем, и этимология, и толкование не верны: толкование относится целиком к контексту, а не к слову как таковому. Чисто зрительная этимология без учета источника конечной части слова и приведения аналогий также не может быть принята.

В «Словаре русского языка» (1957–1961) *фендрик* сопровождается двойной пометой *устар.*, *шутл.* и толкуется как ‘молодой человек с претензиями’ с этимологической справкой: «[Польск. *fendrych* из нем.] [1. Т.IV. С. 550]. Но краткость и несоотнесенность с толкованием этимологии не позволили вскрыть достаточно полно семантику слова, которая аккумулировала в себе всю его историю: лексема употреблялась в русском языке уже в Петровскую эпоху в значении ‘прапорщик’ (также в форме *фендрик*[5], хотя была известна и раньше). После упразднения чина фендрика и замены его чином прапорщик слово сохранялось в военном жаргоне как обозначение молодых офицеров. Наиболее точно семантика слова отражена в новом издании четырехтомного «Словаря русского языка», где историческое и переносное экспрессивное значения объединены и сопровождаются (впрочем, излишней) двойной пометой: «**ФЕНДРИК**, -а, м. *Разг. устар.* В армии: шутливое или пренебрежительное название молодого человека, недавно произведенного в офицеры. [*Полковник*] *видел с удовольствием, что он ушел гораздо дальше, чем это представлялось безумному фендрику*. Короленько, Федор Бесприютный.— *Спроси у него, — командующий обращался к подполковнику, но смотрел на пленного, — откуда ему, фендрику, все так хорошо известно? Или немецкое командование информирует о своих планах младший комсостав?* Березко,

Дом учителя. [Польск. *fendrych* из нем.]» [2. Т. IV. С. 558]. История толкования слова *фендрик* ярко показывает, сколь важно при составлении словаря современного русского языка учитывать историческую перспективу и этимологию.

Чемерица. Примеры комментирования малоупотребительных слов в текстах художественных произведений часто оказываются невразумительными. В частности, к следующему месту из рассказа «Психопаты» (1885): «Эти, брат, французы себе на уме! Того только и ждут, чтоб Бисмарку *фернапиксу* задать да в табакерку его *чемерицы* насыпать!» [8. Т. 4. С. 159., прим. С. 489] нет никаких пояснений к загадочному слову *фернапикс*, зато о слове *чемерица*, зафиксированном всеми современными словарями, дается невразумительная справка: «ядовитое болотное растение». Впрочем, и словарные объяснения мало что проясняют. Необходимую для адекватного понимания слова справку можно обнаружить лишь в Словаре современного русского литературного языка (в 17 томах), но и там найти ее не так просто, поскольку она оказалась присоединенной лишь к одному из словообразовательных вариантов слова из трех: *чемерика*, *чемерица*, *чемерка*. К краткому толкованию формы *чемерица* 'травянистое ядовитое луговое растение' для *чемерка* даны дополнительные сведения: «То же, что чемерица; порошок из корня этого растения, вызывающий чихание» [4. Т. XVII. Стб. 841–842].

Дополнительные сведения о чихательных свойствах чемерицы чрезвычайно важны для восприятия контекста употребления (французы не выглядят настолько кровожадными, как в случае, если вычленяется только сема 'ядовитый' из краткого комментария).

Мантифолия. Полнота и точность сведений о слове позволяет подчас намного определенной выявить возможное происхождение слова даже применительно к новым словам, зафиксированным в художественных произведениях не столь далекого прошлого. В этом отношении показательна трактовка в современных словарях слова *мантифолия*, которое в Словаре Фасмера описано следующим образом: «Мантифолия "патетическая речь" (Чехов и др.). Вероятно, семинаризм. Из греч. **μαντιφωλία* от *μαντις* "ясновидец, пророк", *φωλή* 'речь'» (6. Т. II. С. 570). Данное объяснение выглядит довольно правдоподобным, поддерживаясь также наличием в русских словарях слова *мантика* (греч. *μάντικη*) 'искусство прорицания'.

Привлечение цитатного материала, как он представлен, например, в неоконченном «Словаре русского языка, составленном Словарной комиссией Академии наук СССР», заставляет иначе взглянуть на семантику слова и возможности его этимологизации: **Мантифолия**. Каз-

ус, случай; мудреное, запутанное дело (шутливо). *Один раз ночью с ним, с покойником, такая мантифолия вышла. Седой. Заколд. гроши. Большой охотник употребляет в разговоре такие слова, как «канитель», «мантифолия с уксусом»...* Чех. Палата № 6. О витиеватой речи. *Разведи там, на могиле, какую-нибудь мантифолию пощеронистей!* Чех. Оратор» [т. II. С. 290]. Приведенные цитаты из текстов, тем не менее, заставляют задуматься над правильностью и точностью толкований, которые оказываются привязанными к конкретным контекстам и отличаются нечеткостью и расплывчатостью¹. Сомнения усиливаются, если привлечь дополнительный материал употребления слова в художественных текстах, хотя фактически все известные случаи употребления слова *мантифолия* связаны с Чеховым и его ближайшим окружением, поскольку под псевдонимом Седой печатался его старший брат — писатель и журналист Александр Павлович Чехов.

В текстах А. П. Чехова слово *мантифолия*, кроме уже приведенных случаев употребления, встречается еще трижды: «Да что с тобой, дураком, толковать! Как об стену горох... *Мантифолию* на уксусе разводить с тобой только» (8. Т. 1. С. 258). «Флейта спала с огнем, контрабас без огня. Первая каждое утро чистила себе зубы и мылась глицериновым мылом, второй же не только отрицал то и другое, но даже морщился, когда слышал шуршанье зубной щетки или видел намыленную физиономию. — Да бросьте вы эту *мантифолию!* — говорил он. — Противно глядеть! Возится, как баба!» [8. Т. 4. С. 191]. И, наконец, в юмореске «Моя беседа с Эдисоном» (1885) встречается вопрос относительно мнимого изобретения: «А что это за *мантифолия?*» [8. Т. 4. С. 247].

Дополнительные примеры употребления слова *мантифолия* никак не укладываются в слишком конкретные и зависящие от контекста толкования неоконченного академического словаря и требуют следующих уточнений. Всем приведенным примерам вполне соответствует более абстрактное и экспрессивное толкование 'чепуха, ерунда', полностью покрывающее все контекстуальные употребления.

В раннем варианте рассказа «Маска» (под названием «*Noli me tangere*»), опубликованном в журнале «Развлечение» 27 октября 1884 года, встречается глагол *мантифолить* в речи куражащегося миллионера Пятирылова, который говорит полицейскому: «А ты, Евстрат, не *мантифоль*... Поди-ка лучше выбери себе мамзель

¹ Б. С. Шварцкопф посвятил этому слову специальную статью, но при этом не учел, что в рассказе «Оратор» та же просьба выступить с похоронной речью также выражена и другими словами: «сказать на прощание какую-нибудь чепуховину».

да валяй сюда... Чем ругаться-то, побезобразим лучше для праздника...». В измененный автором для собрания сочинений текст 15 лет спустя эти слова не вошли. Очевидно, что в данном случае глагол *мантифольть* соответствует другому просторечному синониму *ерундить* и подтверждает вывод об уточненной семантике производящего существительного.

Уточненная абстрактная семантика с ярко выраженной экспрессией слова освобождает от подбора абсолютно точного семантического соответствия в предполагаемом источнике заимствования. Скорее всего, первоисточником могло быть какое-то бессмысленное сочетание двух слов, возможно греческого происхождения, лексикализовавшееся на русской почве. Кроме того, стоит заметить, что начальный элемент слова

мантифолия имеет явное созвучие с конечной частью целого ряда названий для актов гадания: *хиромантия*, *критомантия*, *некромантия*, *аэромантия* и др.

До некоторой степени напоминает чеховскую *мантифолию* слово *мандрагория* у А. И. Куприна, вероятно, связанное с названием мистического растения *мандрагора* и употребленное в повести «Поединок»: «Все, что выходило за пределы строя, устава и роты и что он презрительно называл чепухой и *мандрагорией*, безусловно для него не существовало».

Таким образом, только комплексный анализ слова, учитывающий его этимологию, историю употребления в русском языке, аналогическое воздействие, позволяет точно его семантизировать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957–1961.
2. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
3. Словарь русского языка, составленный Словарной комиссией Академии наук СССР. Т. 6. Вып. 2 / Под ред. А. А. Шахматова. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1929. 161–320 стб.
4. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Под ред. В. И. Чернышёва. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.
5. Смирнов И. А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб.: тип. Акад. наук, 1910. 399 с.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева: в 4 т. М., Издательство «Прогресс», 1967. Т. II. 671 с.
7. Чехов А. П. Полное собрание сочинений: в 20 томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1941–1951.
8. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; гл. ред. Н. Ф. Бельчиков. М.: Наука, 1974–1982.
9. Шварцкопф Б. С. Мантифолия с уксусом // Русская речь. 1983. № 1. С. 149–152.

© Добродомов Игорь Георгиевич (lg4@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБРАТНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

BACK-WORDFORMATION IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

*I. Dobrodomov
A. Kamchatnov*

Summary. the article critically examines the model of non-affixing word formation and the hypothesis that such nouns with the meaning of abstract action as *vygul, otžim, nagar, posyl* are formed by the so-called zero-affixation, and also substantiated the hypothesis of the origin of these words by back-wordformation in the history of the Russian language.

Keywords: history of the Russian language, back-wordformation, word-formation relation, zero suffix, semantics of abstract action, synchrony, diachrony.

Добродомов Игорь Георгиевич

*Д.филол.н., профессор, Московский педагогический
государственный университет
lg4@mail.ru*

Камчатнов Александр Михайлович

*Д.филол.н., профессор, Московский педагогический
государственный университет
asya28@list.ru*

Аннотация. В статье критически рассмотрены модель безаффиксного словообразования и гипотеза о том, что такие имена существительные со значением отвлеченного действия, как *выгул, отжим, нагар, посыл*, образованы при помощи так называемой «нулевой» аффиксации, а также обоснована гипотеза происхождения этих слов путем «обратного» словообразования в истории русского языка.

Ключевые слова: история русского языка, словообразование, словообразовательное отношение, нулевой суффикс, семантика отвлеченного действия, синхрония, диахрония.

В статье [3] мы утверждали, что имена и глаголы вроде *воз* и *везти* не связаны отношениями словопроизводства, что они лишь соотнесены по смыслу, потому что у них общий корень — носитель этого смысла; если мы хотим общаться по поводу этого смысла, сделать его предметом сообщения, то должны оформить его как имя, чтобы оно смогло быть субъектом или объектом высказывания, что и совершалось при помощи суфф. **ō*: **voz-ō-s*; если же мы хотим понять этот смысл как действие, совершаемое неким субъектом, то должны этот смысл оформить как личный глагол, например, так: **vez-o-m*, **vez-e-tb*; иначе говоря, изначально смысл оформляет себя в соответствии со своим коммуникативным заданием, а сами имя и глагол не производны один от другого, а лишь соотносительны по смыслу. Продолжим эту тему.

Понятие соотносительности используется в лингвистической, особенно этимологической литературе, однако непоследовательно, что наглядно видно при чтении выпусков «Этимологического словаря славянских языков», например: праслав. имя **běgъ* является «отглагольным именем, **производным** от **běgt'i*, **běgati*» [9. Вып. 2. С. 62]; праслав. имя **blōdъ* — «отглагольное имя с *o*-вокализмом, **производное** от основы гл. **blēdъ*, **blēsti*» [9. Вып. 2. С. 127]; праслав. **bodъ* 'укол' — «имя со старым *-o*-вокализмом корня, **соотносительное** с гл. **bodъ*, **bosti*» [9. Вып. 2. С. 154]; праслав. **borъ* — «имя с вокализмом *-o-*, непосредственно **соотносительное** с гл. **bъrati*» [9. Вып. 2. С. 218]; праслав. **gonъ* — это «название действия, **соотносительное** с **gъnati*, **ženъ* и **goniti*» [10. Вып. 7. С. 27].

Как видим, в одних случаях имя интерпретировано как **производное** от глагола, в других случаях — как **соотносительное** с глаголом. Причина этой непоследовательности, по-видимому, заключается в теоретической необоснованности понятия соотносительности. Такое обоснование, как нам представляется, можно найти уже в трудах А. А. Потебни.

Общение людей осуществляется при помощи высказываний, всякое высказывание есть сказывание чего-то о чем-то, то есть осуществляется по формуле S есть P. Чтобы коммуникация была успешной, слушающий должен сразу понимать, какое слово обозначает субъект, какое — предикат, а также объект и разные привходящие обстоятельства. Разные типы языков работали разные способы выражения субъекта и объекта, в индоевропейских языках флективного типа такими способами стали морфологические средства: это могли быть как видоизменения звуковой формы корня (внутренняя флексия), так и присоединение к корню, выражающему некий отвлеченный смысл, неких маркеров, одни из которых имеют значение имени, которое выступает то как субъект, то как предикат, то как объект, то как обстоятельства, а другие имеют значение глагола, который выступает в роли предиката. Однако ни в коем случае не следует абсолютизировать формально-морфологический аспект слова при определении его принадлежности к части речи, что было свойственно фортунатовской лингвистической школе, и, напротив, следует помнить о замечательных мыслях А. А. Потебни о том, что грамматические категории могут выражаться не только формальными элементами слова, но и его

синтаксическими связями, его семантическими функциями в высказывании. Звук, являющийся грамматическим средством, может теряться, но это не значит, что тем самым перестает распознаваться грамматическая категория: «... если, при сохранении грамматической категории, звук, бывший ее поддержкою, теряется, то это значить не то, что въ языкѣ ослабѣло творчество, а то, что мысль не нуждается болѣе въ этой внѣшней опорѣ, что она довольно сильна и без нея, что она пользуется для распознаванія формы другимъ, болѣе тонкимъ средствомъ, именно знаніемъ мѣста, которое занимаетъ слово въ цѣломъ, будетъ ли это цѣлою рѣчью или схемою формъ» [6. С. 58]. «Схемою формъ» А. А. Потеня называл то, что сейчас принято называть парадигмой склонения или спряжения.

Эту глубокую мысль А. А. Потеня мы поясним таким примером. Какова грамматическая форма слова *зинерит*? Что такое *-ит* в составе этого слова? Неизвестно — до тех пор, пока мы не увидели его употребленным в составе высказывания, например, такого: «Если болит голова, прими *зинерит*»; здесь *зинерит* — это имя существительное в форме В. п., ед. ч., м.р., а финаль *-ит* является не морфемой а частью основы или даже корня. Но если мы увидим его в составе такого предложения «Погода сегодня ужасная / прекрасная — весь день *зинерит*», — то здесь *зинерит* будет уже безличным глаголом, в котором *-ит* будет уже окончанием со значением 3-го лица, ед. ч. настоящего времени; (ср. *моросит*)¹. Таким образом, следует признать, что синтаксис или, шире, коммуникативная деятельность порождает морфологию, или, чтобы выразиться более поэтично, из духа синтаксиса рождается морфология.

Из этого, на наш взгляд, следует, что изначально ни имя не образовывалось от глагола, ни глагол от имени; и то, и другое образовались независимо друг от друга, так сказать, параллельно, в составе единого высказывания, которое первично по отношению к морфологическим формам и является их рождающим лоном. В этом и заключается смысл выражения «имя, соотносительное с глаголом»: имя и глагол (например, **bĕgъ* и **bĕgti*), одновременно тождественны, так как имеют один и тот же корень, и различны, так как являются разными способами понимания выражаемого корнем смысла: в имени смысл понимается как субстанция, в глаголе — как действие. Понятие соотносительности как раз и выражает это одновременное тождество и различие имени и глагола, а термин *соотносительность* ввиду своей краткости и смысловой прозрачности удобен для употребления. На ранних стадиях существования языка

¹ На самом деле *зинерит* — это не очень удачная транслитерация названия антибиотика *Zineryt* — сложносокращенного слова, составленного из частей таких слов, как *Zinc (acetate) + Erythromycin*.

средством различения глагольной и именной основ служила апофония **vezti* — **vozъ*, **blęditi* — **blędъ* и т.д.

Если для бесприставочных праславянских имен и глаголов этот вопрос можно считать решенным, то для приставочных образований этот вопрос не так прост, причем чем ближе к нашему времени, тем этот вопрос становится запутанней. Как интерпретировать отношения между словами *нагорать* и *нагар*, *отжимать* и *отжим*, *припевать* и *припев*, *отзывать* и *отзыв*, *посылать* и *посыл* и т.п.? Что такое *упад* (*танцевать до упаду*), *пропад* (*пропади все пропадом*) *умолк* (*говорить без умолку*)? Эти имена соотносительны с глаголами *упасть*, *пропасть*, *умолкнуть* или образованы от них? Или имя или образовано от него?

Некоторые ученые полагают, что в во всех подобных случаях имеет место особый способ словообразования имен от глаголов, который они называют безаффиксным. Так, Н. М. Шанский дает такое определение этого способа: «Безаффиксный способ словообразования можно определить как такой способ производства слов, при котором образующая основа без добавления каких-либо аффиксов становится основой имени существительного» [8. С. 284]. С частью этого определения можно согласиться, а именно с тем, что именно глагол мотивирует образование имени, а не наоборот; однако в этом определении нет ответа на вопрос, как именно основа глагола становится основой существительного: отсутствие аффикса — это следствие, само по себе отсутствие аффикса не может быть действующей причиной образования имени, да и сам термин «безаффиксный способ» является оксюмороном.

Другое решение предложили специалисты по синхронному словообразованию: с их точки зрения, имена-девербативы типа *прогул* образованы при помощи так называемого нулевого суффикса: «Нулевая суффиксация является разновидностью суффиксального способа словообразования. Она распространена в сфере образования имен существительных — девербативов (отглагольных отвлеченных имен), деадъективов (отвлеченных существительных, мотивированных прилагательными) и оценочных существительных со значением лица: *пробегѡѡ*, *заменѡѡ*, *прогулѡѡ*, *зеленьѡѡ*, *новѡѡ*, *подлизѡѡ*, *задирѡѡ*. Наиболее продуктивны девербативы, состав которых активно пополняется в современной речи, см., например, зафиксированные словарями новообразования: *напрыг*, *просверк*, *защѣлк*, *взбрык*, *загад*. Кроме того, нулевая суффиксация характерна для ряда прилагательных: *золото* → *золотѡѡй*, *плевать* → *плевѡѡй*. Однако такие примеры немногочисленны» [5. С. 98]. Авторы этого учебного пособия следуют традиции, заложенной Е. А. Земской [см. 4] и реализованной в академической «Русской грамматике» 1980 г. Однако

такое решение нимало не может удовлетворить историков языка, которых интересует не то, как это можно описать, а то, как оно было на самом деле. В этом отношении существен критический корректив, высказанный Н. М. Шанским. В случае «нулевой суффиксации» в одном ряду оказываются исторически разные образования: «Поскольку безаффиксный способ образования сформировался на базе суффиксального производства существительных посредством тематических суффиксов *ī, *ō, *ī, *a (> ъ, ъ), а в общеславянском языке лишь после процессов отпадения конечных согласных и монофонгизации дифтонгов (что вызывало переразложение основы и превращение прежних суффиксов в окончания), от подлинных безаффиксных существительных необходимо отличать древние суффиксальные имена, ставшие осознаваться как безаффиксные (ср. *воз, высь, сушь, ложь, новь, бой, мор, дом, ток* 'течение' и др.). Особенно важную роль здесь играет учет хронологических факторов и данных других индоевропейских языков» [8. С. 286].

Наша критика простирается далее. В указанной выше нашей статье, как нам кажется, мы обосновали мысль о том, что «нулевой суффикс» — это мнимая единица словообразования, фантом, возникший на почве некорректного перенесения понятий и терминов, возникших при исследовании и описании парадигм склонения, на словообразование. Существенное различие между нулевым окончанием и «нулевым суффиксом» заключается в том, что нулевое окончание — это исторически закономерная трансформация реально звучавшего суффикса, превратившегося в окончание¹, некогда столь же реально звучавшее, но утратившее звуковое выражение в силу известного фонетического процесса падения редуцированных; образно говоря, нулевое окончание — это немое эхо исторически реального звука. В этой связи еще раз напомним слова А. А. Потебни о том, что «мысль», то есть то или иное грамматическое значение, может не нуждаться во внешней звуковой опоре, но может пользоваться для своего выражения местом, которое занимает слово в целом, будет ли этим целым высказывание или парадигма склонения или спряжения.

¹ Точнее, в суффикс. Этот термин придуман одним из авторов данной статьи для обозначения таких морфем, которые объединяют в себе одновременно и грамматические, и словообразовательные значения; понятие о таких морфемах было сформулировано еще Ф. И. Буслаевым, который заметил, что «иногда суффикс совпадает с флексией; напр., в словах лом-ъ, вод-а звуки ъ и а — суффиксы имен существительных, один муж. р., другой жен. р., — и вместе — флексии имен. пад. ед. ч.» [2. С. 92]; развивая эту мысль, Н. М. Шанский также писал: «Однако в некоторых словообразовательных типах имен окончание выступает не как формообразующий элемент, а как синкретическая, словоформобразующая морфема, являясь, собственно, не только окончанием, но и суффиксом, участвующим в образовании слова» [8. С. 109]; термин суффикс образован путем сокращения составного слова суффикс-флексия и удобен тем, что он, помимо краткости, сохраняет родство с суффиксом и показывает его способность в современном русском языке оформлять еще и внешнюю флексию.

В отличие от нулевого окончания, возникшего по фонетическим причинам на месте некогда произносившегося редуцированного, «нулевой суффикс» — это умозрительный конструкт, якобы тождественный по значению суффиксам отвлеченного действия или состояния (-иј-, -ниј-, -ениј-, -к-): «Если некоторое значение (грамматическое или словообразовательное) обычно выражается в системе языка аффиксом (флексией, суффиксом) или входит в ряд противопоставленных друг другу грамматических значений, выражаемых аффиксами, то при отсутствии такого аффикса и каких-либо иных формальных средств отмечается значимое отсутствие аффикса, т.е. данное значение выражено нулевым аффиксальным морфем» [1. § 187]. Если парадигма склонения действительно представляет собой систему, в которой каждый элемент определяется отношениями с другими, то никаких словообразовательных парадигм в русском языке нет (см.: 3. С. 17–18), следовательно, нет и «нулевых суффиксов».

Критическое рассмотрение гипотез предшественников лишь расчищает путь, но само по себе еще не решает вопроса об образовании имен со значением отвлеченного действия, соотносимых с приставочными глаголами. На наш взгляд, такое решение можно найти, привлекая понятие «обратного словообразования».

Традиционно обратное словообразование считается нерегулярным способом образования слов, так как лишь немногие слова исторически возникли таким путем. Классическим примером обратного словообразования (редеривации) является возникновение слова *зонт*. В XIX в. из голландского языка в русский язык вошло слово *zondek* — буквально 'навес от солнца'; в русской орфографии — *зонтик*, которое по аналогии со словами *ключик, мячик, домик* было переосмыслено как уменьшительное с суффиксом *-ик*, якобы образованное от несуществующего сущ. **зонт*, которое вот таким образом и вошло в русский язык. «Специфика обратного словообразования — в сравнении, например, с аффиксацией — заключается в том, что с помощью этого способа словопроизводства заполняется не четвертая (ср. *стратосфера: стратонавт = космос: космонавт*), а третья клетка словообразовательного квадрата (ср. *дом: домик — зонт: зонтик*), то есть происходит не деривация последнего члена квадрата на базе заданного предпоследнего по модели со вторым и первым, а выделение неизвестного предпоследнего члена из последнего по аналогии с первым и вторым, причем структура последнего члена «народноэтимологически» приравнивается к структуре второго. Чаще всего при обратном словообразовании происходит идентификация конечного звукового отрезка производящего слова с суффиксом понимаемого как аналогичное по структуре слова, выступающего в качестве второго члена словообразо-

вательного квадрата» [8. С. 291]. Таким же образом возникли слова *заведомый* от *заведомо*, *дояр* от *доярка*, *трудоустроить* от *трудоустройство* и некоторые другие.

Наше решение словообразования указанных имен существительных заключается в следующем. В языке издавна существует модель отношений «имя — глагол». При «прямом» словопорождении эта модель действует в направлении «имя → глагол», например, *ходь* → *ходить*, *возь* → *возить*. При таком же «прямом» словопорождении, но уже в направлении «глагол → имя» действует более поздняя модель, например, *входит* → *вхождение*. Однако в первом случае направление «глагол → имя» может стать и обратным. «Обратное» словообразование — это воспроизведение какого-либо уже сложившегося в языке отношения при условии, что мотивирующим выступает производное слово, а формально более простое по своей структуре слово производится так, как будто бы оно существовало в языке раньше мотивирующего.

Побудительным мотивом образования имен типа *выгул*, *отжим*, *нагар* и проч. является коммуникативная потребность. Язык — это средство общения, а в общении бывает необходимым сделать предметом, темой беседы, то есть речи, разного рода отвлеченности, которые в составе целостного высказывания должны занять позиции подлежащего или дополнения. Эта причина и вызывает к жизни такие образования («синтаксические дериваты»), как *крас-от-а*, *бел-изн-а*, *писа-ни-е*. Таким образом, действующая причина порождения имен типа *выгул*, *отжим*, *нагар* — это необходимость того, чтобы смысл, выражаемый глаголами *выгулять*, *отжимать*, *нагорать*, мог занять синтаксическую позицию подлежащего или дополнения.

В подтверждение мыслей об «обратном» словообразовании можно привести следующее рассуждение А.А. Потебни. На вопрос о том, откуда нам известно, что санскритские слова *гир* 'речь', *двиги* 'враг' являются грамматически сложными, то есть являются именами в определенной грамматической форме, Потебня отвечает, что их грамматическая определенность является «отражением болѣе наглядной сложности других словъ. Потому *двиги* понималось как имя, что рядомъ съ нимъ было сложное *двѣш-ми* (или другая болѣе древняя форма этого рода), имѣвшее функцию глагола» [6. С. 10]. То есть *припев* потому имя, что есть глагол *припевать*. В этом «закон и пророки» «обратного» словообразования.

Важной особенностью «обратного» образования имен от глаголов является то, что производящий глагол сам является производным; иначе говоря, производя-

щим глаголом обязательно является производный производящий. Этот факт был уже отмечен Н.М. Шанским, который, правда, считал, что имена от них произведены безаффиксным способом: «Большинство слов, образованных безаффиксным способом словообразования, имеют в своем составе префиксы. Однако эти приставки имелись уже в образующей основе глагола или прилагательного. Слова *проход*, *подвоз*, *вывих*, *возврат*, *нечисть* и т.п. образовались не при помощи приставок *про-*, *под-*, *воз-*, *не-* от слов *ход*, *воз*, *вих*, *врат*, *чисть*, а являются безаффиксными образованиями от слов *проходить*, *подвозить*, *вывихнуть*, *возвратить*, *нечистый*, содержащих в своей основе приставки. Те затруднения, которые могут возникать при определении способа образования подобного рода слов (*осмотр*, *разбег* и т.п.) — безаффиксные или это образования от слов с приставками (от *осмотреть*, *разбежаться* и т.п.), или это префиксальные образования (от слов *смотреть*, *бег* и др.), то есть слова, образованные при помощи приставки, почти всегда вполне разрешимы при учете соотношенности производной и производящей основ и сферы действия и продуктивности префиксально-го и безаффиксного способов словообразования. <...>

В известной степени действенным безаффиксным способом словообразования в современном русском языке выступает лишь в производстве существительных мужского рода от префиксальных глаголов, не являющихся явно отыменными (ср. *разбег* от *разбежаться*, *присед* от *приседать*, *обжиг* от *обжигать*, *взрыв* от *взрывать*, *прогул* от *прогулять*, *обогрев* от *обогревать*, *настриг* от *настригать*, *отлов* от *отловить*, *заплыв* от *заплывать*, *накал* от *накаливать*, *отстрел* от *отстреливать*, *прицеп* от *прицепить* и т.д.).

От бесприставочных глаголов существительные этим способом сейчас не образуются. А от глаголов явно отыменного происхождения они не образовывались и раньше» [8. С. 285–286].

К этим верным наблюдениям нужно сделать два уточнения. а) Все указанные имена образованы не безаффиксным способом, а путем «обратного» словообразования. Однако в каждом отдельном случае, предупреждает Шанский, важно сообразоваться с историей, то есть прежде всего различать прямое и обратное словообразование, *ход* → *ходить*, с одной стороны, и *припев* ← *припевать*, с другой. б) В связи с отыменным характером глаголов 2-го спряжения пример с глаголом *прицепить* как раз характерен для отыменных глаголов: *прицеп* > *прицепить*, как *пылесос* > *пылесосить*. Следовательно, его надо исключить из «безаффиксного», по Шанскому, либо «обратному», по излагаемой здесь концепции, словообразованию. Это обычное прямое образование по модели «имя → глагол».

Более поздние модели прямого словообразования по модели «глагол → имя» вроде *входить* → *вхождение* сформировали ложное представление о единственно возможном направлении словообразования, несмотря даже на некоторую продолжающуюся продуктивность модели «имя → глагол» (*пылесос* → *пылесосить*, *пиар* → *пиарить*, *бездельник* → *бездельничать*). Она, как видим, представлена более широко старыми связями, которые не исчезли бесследно, а послужили образцом для «обратного» словообразования многочисленных образований типа *наплыв*, *срыв*, *заскок*.

Следует также сказать, что модель «обратного» словообразования действует не только в отношении «имя ← глагол», но и в отношении «имя ← прилагательное», например, *нечисть* < *нечистый*.

Разновидностью «обратного» словообразования является способ, который можно назвать «обратным» словообразованием с суффиксацией; имеются в виду такие слова, как *подстилка* < *подстилать*, *стирка* < *стирать*, *заминка* < *заминать*, *ужимка* < *ужиматься*, *придирка* < *придираться* и проч.

Возникновение отвлеченных девербативов при помощи «обратного» словообразования — это один из частных случаев более сложной исторической картины образования отвлеченных имен существительных, соотносимых с глаголами. Жанр статьи позволяет сделать лишь предварительный обзор возможных типичных случаев.

1. Во-первых, следует назвать группу бесприставочных безсуффиксальных имен существительных, соотносительных с глаголами с корневым вокализмом на другой ступени аблаута: *возь* — *везти*, *гробь* — *гребу*, *громь* — *греметь*, *звонь* — *звенеть*, *морь* — *мерети*, *плоть* — *плету*, *рокь* — *реци*, *сокь* — *секж*, *сждь* — *сидьти*, *садь* — *седло*, *сльь* — *посылати*, *токь* — *тещи*, *тржсь* — *тржсти*, *ходь* — *шьдь*, *чась* — *чести*. Эти имена не могут быть производными от глаголов, они лишь соотносительны с ними по смыслу, но образованы непосредственно от корня с помощью древних именных суффиксов **ǫ* или **й*. Многие из этих слов утратили первичное значение отвлеченного действия, сохранив вторичное значение, возникшее на основе метонимического переноса, а именно значение результата этого действия или предмета, возникшего в результате этого действия. От многих из этих имен образованы вторичные глаголы 4-го класса: *возити*, *гробити*, *громити*, *звонити*, *морити*, *садити*, *точити*, *ходити*.
2. Во-вторых, это группа бесприставочных имен, образованных суффиксальным способом: *бра-*

к-ъ, *зра-к-ъ*, *мра-к-ъ*, *гла-с-ъ*, *голо-с-ъ*, *пот-ъ* < **рок-т-ǫ-с*, ср. **pekti*, блж-*д-ъ* < **blon-d-*, *гнь-в-ъ*, *кро-в-ъ*. Обращает на себя внимание тот факт, что эти имена образованы от корней на именной ступени аблаута, то есть не являются девербативами. Что касается значения, то они обозначают не столько действие, сколько результат действия, обозначенного именной основой. От некоторых из этих имен также образованы вторичные глаголы 4-го класса: *блудить*, *морочить*, *гласить*, *гневить* и т.д.

3. В-третьих, это группа приставочных девербативов, возникших путем «обратного» словообразования: *припев*, *посыл*, *ответ* и др. Об отглагольном происхождении некоторых из них говорит то, что некоторые из них так и не сформировали полноценную парадигму склонения и употребляются только в строго определенных устойчивых словосочетаниях: *танцевать до упаду*, *болтать без умолку* и пр.
4. В-четвертых, это группа отглагольных (зачастую — «отпричастных») имен существительных, возникших суффиксальным способом, то есть путем «прямого» словообразования: *скакать* → *скака-ниѣ*, *развлекать* → *развлеч-ен* → *развлечен-иѣ* и др.

Наиболее проблематичной в историческом отношении является группа приставочных имен, соотносительных с глаголами 4-го класса. Каким было исторически реальное направление словообразования: *ходить* → *входить* → *входити* или *ходить* → *ходити* → *входити* → *входить*?

В отношении подобных имен возможны на предварительном этапе лишь вероятностные суждения. Так, вероятнее всего существительные *зарок*, *порок* являются отыменными; если предполагать их «обратное» словообразование, то придется предполагать существование незафиксированных глаголов **рочити* и **зарочити*: *рокь* → **рочити* → **зарочити* → *зарокь*; *рокь* → **рочити* → *порочити* → *порокь*.

В отношении имен *вход*, *выход*, *доход*, *обход* таких предположений делать не нужно, поэтому аргументом в ту или иную сторону может быть относительная хронология их появления в литературном употреблении. Если, по данным СлРЯ XI–XVII вв., гл. *входити* известен с 945 г. (хотя и по списку Лаврентьевской летописи 1373 г.), а сущ. *входить* — с XII в. (правда, по списку XV в.); если гл. *выходити* известен с 1113 г. (по списку 1496 г.), сущ. *выходь* — с 1130 г.; если гл. *доходити* известен с XIII в., а сущ. *доходь* ‘расстояние, которое нужно пройти, проехать до какого-л. места’ — с 1596 г.; если гл. *обходити* известен с 1073 г., а сущ.

обходь — с 1561 г., то с большей вероятностью можно утверждать, что имена *вход*, *выход*, *доход*, *обход* являются девербативами, образованными путем «обратного» словообразования. Следует, однако, заметить, что этот критерий не очень надежен в силу крайней неполноты наших письменных источников, особенно древнейшей поры. Общий вывод на данном этапе таков: каждый случай имени со значением отвлеченного

действия или состояния должен быть исследован отдельно.

Что касается темы статьи, то хочется надеяться, что предложенная гипотеза более широкого понимания того, что представляет собой феномен «обратного» словообразования, вызовет некоторый интерес со стороны специалистов по словообразованию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980. 783 с.
2. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. Этимология. Изд. 7-е. М.: URSS, 2006. 287 с.
3. Добродомов И. Г., Камчатнов А. М. Дериватологические призраки // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 3 (57). С. 13–20.
4. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Просвещение, 1973. 304 с.
5. Николина Н. А., Фролова Е. А., Литвинова М. М. Словообразование современного русского языка. М.: Academia, 2005. 160 с.
6. Потеня А. А. Из записок по русской грамматике. I. Введение. Воронеж: Тип. Н. Д. Гольдштейн, 1874. 161 с.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М.: Наука, 1975–2015.
8. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. Изд. 3-е. М.: URSS, 2010. 334 с.
9. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 2 // Под. ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1975. 238 с.
10. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 7 // Под. ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1980. 224 с.

© Добродомов Игорь Георгиевич (lg4@mail.ru), Камчатнов Александр Михайлович (asya28@list.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский педагогический государственный университет

АНТРОПОМОРФНАЯ МЕТАФОРА В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ОБРАЗА РОССИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЕ ПАРТИИ «ЕДИНАЯ РОССИЯ»

ANTHROPOMORPHIC METAPHOR
IN THE CONCEPTUALIZATION
OF RUSSIA IN THE ECONOMIC
PLATFORM OF THE POLITICAL
PARTY "UNITED RUSSIA"

*A. Litovchenko
E. Koptyakova*

Summary. The article considers the reflection of the conceptual metaphor in the economic platform, the economic justification in the political area of such political party of the Russian Federation as "United Russia".

Keywords: conceptual metaphor, metaphor, political discourse, political texts, economics, economic platform.

Литовченко Анастасия Сергеевна
Аспирант, преподаватель, Сургутский
государственный университет
anastassiya.litovchenko@gmail.com

Коптякова Елена Евгеньевна
К.филол.н., доцент, Сургутский государственный
университет
koptyakova71@mail.ru

Аннотация. Статья рассматривает отражение концептуальной метафоры в видении экономической платформы, экономического обоснования на политической арене такой партией Российской Федерации, как «Единая Россия».

Ключевые слова: концептуальная метафора, метафора, политический дискурс, политические тексты, экономика, экономическая платформа.

Введение

Актуальность данного исследования обуславливается тем, что данная работа выполнена в рамках когнитивной теории современной метафоры, которая является одним из самых популярных научно-лингвистических направлений. В рамках нашего анализа экономической платформы партии «Единая Россия» концептуальный образ России представляется при помощи антропоморфной метафоры.

Для того, чтобы отметить силу влияния концептуальной метафоры в политическом тексте на особенность формирования экономической платформы партии в целом, для начала рассмотрим определение слова «платформа». Обращаясь ко многим источникам, в частности различным словарям, мы не можем найти однозначного определения. Существуют несколько определений словоупотребления «платформа». К примеру, словарь по политологии под редакцией В.Н. Коновалова определяет, что «платформа политическая — это стиль общей политической позиция, опирающийся на какую-либо концептуальную основу общего характера» [1]. Словарь «Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus» даёт несколько значений на английском языке, одно из которых было ближе всего к нашей теме, а именно «платформа — публичная трибуна для произнесения речей, и в переносном смысле политическая платформа — программа кандидата в депутаты перед выборами» [2].

Теория концептуальной метафоры является одним из самых широко распространённых научных направлений. Интерес к нему проявляли ряд известных мировых учёных, таких как Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Г.С. Баранов, А. Вежбицкая, В.В. Виноградов, В.Н. Вовк, В.Г. Гак, К.Д. Жоль, Э. Кассирер, В.И. Корольков, О.Н. Лагута, Дж. Лакофф, Ю.И. Левин, М.В. Никитин, В.В. Петров, Г.Н. Склярёвская, В.Н. Телия, В.К. Харченко, Е.Т. Черкасова, А.П. Чудинов, Д.Н. Шмелёв и др. Рассмотрим определения концептуальной метафоры в разных источниках. Мировой научный бестселлер «Метафоры, которыми мы живём» под редакцией и с предисловием А.Н. Баранова опирается на описание метафоры лингвиста-теоретика из университета Беркли Джорджа Лакоффа и философа Марка Джонсона, говоря, что «концептуальная метафора — это не «сокращённое сравнение», не один из способов украшения речи и даже не свойство слов и языка в целом, а понимание и переживание сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида» [3]. Профессор Чудинов А.П. в монографии «Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры» (1991–2000) определяет концептуальную метафору как одну из основных ментальных операций, способ познания, структурирования и объяснения окружающего нас мира, пересечение знаний об одной концептуальной области в другой концептуальной области, т.е. метафора формирует фрагменты опыта данной культурной общности [4].

Данная теория успешно применялась для изучения особенностей метафорической концептуализации различных сфер жизнедеятельности: страны, политики, политических процессов (выборов), экономики и др. Цель нашего исследования — это изучение влияния и роли концептуальной метафоры в вербальной репрезентации экономической платформы партиями России. Материалом для данного исследования послужил документ — программа партии «Единой России» «Экономика роста и благосостояния» от 2018 г [5], в котором сформулированы основные положения экономического развития страны.

В ходе анализа данного документа, мы можем выделить несколько ключевых объектов, сфер метафоризации, а именно, «политика», «экономика», «страна» и «Россия». Эти сферы-мишени концептуализируются с помощью различных метафорических моделей, однако, доминирующей моделью является антропоморфная метафора «Россия — это человек».

Концепт «государство — человек», представленный в исследуемом тексте, можно разделить на несколько фреймов: внешность, черты характера, отношения и действия. Рассмотрим каждый фрейм более детально.

Фрейм «внешность» репрезентируется с помощью немногочисленных лексических единиц и самыми частотными среди них является *привлекательная* и *мощная*. Основной денотативной сферой применения словоупотреблений «экономика — человек» является предвыборная компания кандидата или партии в целом, основываясь на великих планах создания, превращения «экономики» в «мощного, крепкого и сильного лидера», ср.: «... создавать мощную современную экономику»

Партия показывает нам «нашу страну» привлекательной, притягательной. Данная метафора актуализирует позитивный образ в сознании реципиента, ср.: «... с целью повышения инвестиционной привлекательности Дальневосточного региона...» или «... наша страна заняла как можно более привлекательное положение в международном разделении труда»

В рамках антропоморфной метафоры сфера-мишень «Россия» наделяется определёнными чертами характера, свойственными человеку. Данный фрейм представлен следующими словоупотреблениями: *лидерство*, *конкурентоспособная*, *богатая*, *благополучная*, *динамичная* и *процветающая*. Метафора данного слота «Россия — это человек» обладает сильным позитивным смыслом, внося оттенок серьёзного отношения к нашей стране и её богатствам и достатку, ср.: «Наша страна богата нефтью, газом и лесом»

«Единая Россия» наделяет политику России признаками некоего политического деятеля, который строит планы и ставит цели на будущее на благо своего народа. Это один из излюбленных способов любого политического движения — привлечь особое внимание и завладеть эмоциями патриотизма и надеждой среднестатистического избирателя и гражданина, ср.: «*Главная цель экономической политики страны — это повышение качества жизни людей и конкурентоспособности государства*»

Этот концепт активизирует метафорические смыслы, представляющие страну как *динамичную, живую, процветающую и развивающуюся*, то есть — *благополучную*, ср.: «*Сегодня нас объединяет общее стремление построить динамичную, процветающую, благополучную страну*»

В других контекстах словоупотребление *лидерство* актуализирует смыслы *лидера*, ведущего *представителя*, *главного*, *управляющего* (в данном случае страны как политической фигуры), несомненно с положительным окрасом, ср.: «...*обеспечить лидерство нашей страны...*», а также «... *обеспечить лидирующие международные позиции нашей страны*»

При анализе данного фрейма просматриваются также словоупотребления, репрезентирующие отношения России с другими странами, например: *пользуется уважением*, *открыта для диалога*. Указанные метафоры обладают позитивным прагматическим потенциалом, подразумевая, что «страну» как «человека» уважают в мире равноправного и конструктивного диалога, в некоем общении, ср.: «...*страну, которую уважают в мире и которая открыта для равноправного и конструктивного диалога*».

Однако, не всегда прагматический потенциал данного фрейма является позитивным. Так. Например, в утверждении «... *страна ещё раз получила тяжелейший удар дефолта...*» Россия предстаёт перед нами в образе «бойца» или «защитника» на ринге, отстаивающего наши общие права и пропустившего удар, что, несомненно, способствует негативному восприятию государства, хотя выражения с подобным значением достаточно редко используются в проанализированных нами материалах.

В следующих примерах антропоморфной метафоры в анализируемом политическом тексте сфера-мишень «страна», «государство» наделена рядом «действий», таких как: *поддерживает*, *выполняет обстоятельства*, *живёт*, *осваивает*, *доказывает*, *раскрывает возможности*, *болеет*, *развивается*, *чувствует* и *принимает активное участие*.

Наша страна, концептуализируемая в терминах антропоморфной метафоры, как правило, предстаёт для неё в образе деятельного, активного участника международных и внутринациональных событий. Данные смыслы придают таким образом позитивную коннотацию высказываниям, ср.: «...*Наша страна неоднократно доказывала, что способна осуществлять масштабные проекты...*». Стоит также отметить. Что в рамках данного фрейма часто и используются и достаточно нейтральные по оценочной характеристике словоупотребления. Ср.: «*Единая Россия*» *считает необходимым активное участие государства в экономическом развитии*».

Описанный фрейм также лидирует по частотности в концептуальной метафоре «страна — человек». При помощи таких метафор может переосмысливаться деятельность какой-либо политики в виде выполнения социальных обязательств и т.д., ср.: «...*сбалансированность бюджета — не цель экономической политики, а средство решения её задач, важнейшими и непреложными из которых являются безусловное выполнение государством своих социальных обязательств и обеспечение экономического роста*».

В ряде следующих примеров, при использовании вербальной репрезентации «преодолевают», «борются», «воюет», «устраняет», «ликвидирует», «восстанавливает», сочетаются положительные и отрицательные оценочные характеристики. С одной стороны, просматривается активно-социальная позиция, а с другой стороны, данные передают двойственное лексическое отношение к сфере-мишени и это означает, что есть какие-либо трудности и препятствия, которые необходимо преодолеть, с чем опять же наша страна успешно справляется. Ср.: «... *после преодоления кризисных явлений...*».

В пределах данного фрейма часто употребляются наречия образа действия, такие как настойчиво, целеустремлённо, уверенно, что свидетельствует о том, что Россия, развивающая экономику, осваивая сегменты рынка выступает в роли некоего политическим деятеля, лидера, ср.: «*Россия настойчиво осваивает отдельные сегменты рынков высокотехнологичной продукции*».

Политический язык России развивается каждый день, но пока ещё далеко не всё в нём соответствует реальным потребностям общества. Несомненно, будут создаваться необходимые средства для взвешенного описания социальной реальности, а политические гиперболы, в свою очередь, окончательно выйдут из моды. Общественное сознание более открыто для такой метафоры, где меньше образов, проникнутых концептуальными векторами тревожности, опасности, агрессивности, неискренности и двоемыслия.

Метафора способна быть мощным средством пере-концептуализации общественного сознания, то есть системой изменения базисных представлений народа о себе, о своей стране и своей роли в её развитии.

В итоге данного анализа выявлена доминирующей антропоморфная модель, которая репрезентирует Россию в терминах данной литературы, наделяя её всеми присущими человеку характеристиками, где сферой — источником является «человек», а сферами — магнитами послужили «партия», «страна», «Россия», «государство» и «экономика», которые несли в основном положительный оттенок влияния на формирование верной, правильной для общества задумки посредством такого официального документа как программа партии «Единая Россия» [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь по политологии // под ред. проф. В. Н. Коновалова. — Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2001. — 285 с. — с. 45
2. Кембриджский словарь и справочник продвинутого уровня изучения (англ. яз.) // Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus // Cambridge University Press, 2018 — p. 114–116
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём // Язык и моделирование социального взаимодействия — Москва, 1987 — с. 9.
4. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале // Русская речь, 2001 — № 1 — с. 35–37
5. Предвыборная программа Партии «Единая Россия» на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ VII созыва // 2018 — с. 12–15
6. Чудинов А. П. Структурный и когнитивный аспекты исследования метафорического моделирования // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2000 — Т. 5 — с. 97

© Литовченко Анастасия Сергеевна (anastassiya.litovchenko@gmail.com), Коптякова Елена Евгеньевна (koptyakova71@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭТИКЕТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ «ВКОНТАКТЕ» И «INSTAGRAM»)

ETIQUETTE FEATURES
OF RUSSIAN-LANGUAGE INTERNET
COMMUNICATION (ON MATERIALS
OF SOCIAL NETWORKS "VKONTAKTE"
AND "INSTAGRAM")

**D. Minets
Y. Popova**

Summary. In the article, we analyze the features of speech etiquette on the Internet. The research material consists of entries in social networks «Vkontakte» and «Instagram». Traditional formulas of greeting, farewell, requests, wishes, thanks, apologies in the Internet space are transformed. In this paper we describe the word-building, semantic, and stylistic potential of etiquette language formations.

Keywords: Internet communication, label formula, speech etiquette, Internet meme, sticker, social network, Internet community.

Минец Диана Владимировна

*К.филол.н., доцент, Череповецкий государственный университет
dv.minets@gmail.com*

Попова Юлия Юрьевна

*Череповецкий государственный университет
yuliya.popo@yandex.ru*

Аннотация. В рамках настоящей статьи предпринимается попытка анализа и систематизации особенностей речевого этикета в интернет-коммуникации. Материалом исследования стали записи в формате постов в социальных сетях «ВКонтакте» и «Instagram». Традиционные формулы приветствия, прощания, просьбы, пожелания, благодарности, извинения в сетевом коммуникативном пространстве трансформируются. В работе рассматривается словообразовательный, семантический и стилистический потенциал этикетных новообразований.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, этикетная формула, речевой этикет, интернет-мем, стикер, социальная сеть, интернет-сообщество.

Информационные технологии определили интенсивное развитие новых способов и средств коммуникации, оказавших серьезное влияние на формат русского языка в интернет-пространстве [7, 8], представляющий собой смешение письменной и разговорной речи. Правила речевого этикета в Интернете еще только формируются, однако традиционные формулы речевого этикета здесь уже претерпели изменения, ставшие следствием подобного рода демократизации общения.

В рамках настоящей статьи предпринимается попытка анализа и систематизации особенностей речевого этикета в интернет-коммуникации. Материалом исследования стали записи в формате постов в социальных сетях «ВКонтакте» и «Instagram», а также личная переписка авторов настоящей работы с различными адресатами.

Формулы приветствия

В социальных сетях приветственные слова могут видоизменяться и приобретать сокращенный вид по сравнению с традиционной формой. Так, сокращение «*прив*» образовано с помощью усечения основы слова «привет» (рис. 1).

Кроме того, как показывает приводимый выше пример, не менее распространено также удвоение или утроение гласных в слове «привет», что подчеркивает усиленную эмоциональную реакцию собеседника. В сокращенной форме (рис. 1) растягивается гласный «и», в полной форме растягивается гласный «е» (рис. 2) или «и» (рис. 3), причем речь в данном случае не идет о сильной (ударной) позиции гласного.

Интернет-коммуникации свойственно не только сокращение количества слогов в слове, но и их увеличение (рис. 4). Слово «*приветос*» образовано с помощью присоединения к основе слова «привет» разговорного суффиксального форманта «-ос-», а «приветики» — посредством присоединения диминутивного суффикса «-ик-» к основе слова «привет». По сравнению с реальной коммуникацией, в интернет-пространстве приветствия встречаются реже, так как сообщение чаще всего начинается сразу с обозначения цели или мотива сообщения (просьба, вопрос, поздравление и пр.): рис. 5.

Помимо традиционных форм приветствия, в русскоязычной интернет-коммуникации часто употребляются и иноязычные образования: слово «салам», используемое при приветствии, в переводе с арабского языка обозначает «мир вам» (рис. 6); «хаюшки» образовано

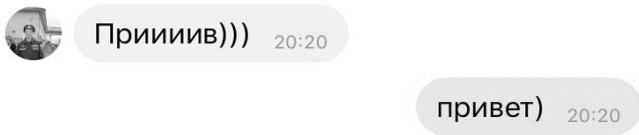

Рис. 1. Формулы приветствия [3].

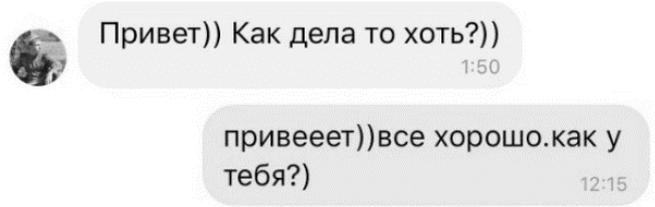

Рис. 2. Формулы приветствия [3].

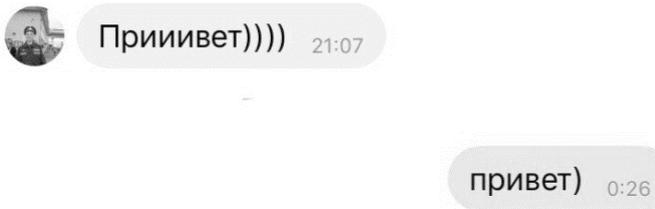

Рис. 3. Формулы приветствия [3].

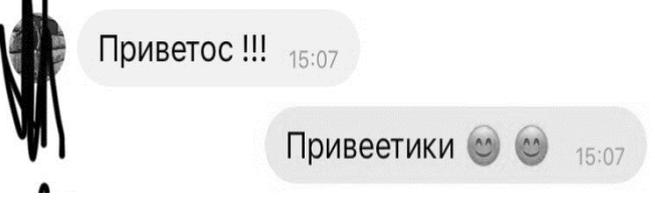

Рис. 4. Формулы приветствия [3].

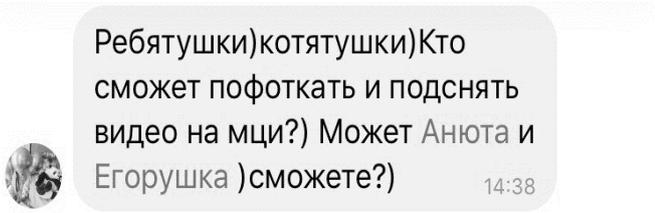

Рис. 5. Формулы приветствия [3].

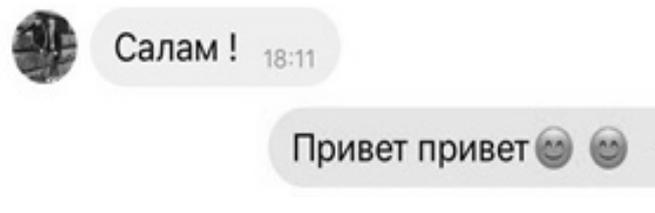

Рис.6. Формулы приветствия [3].

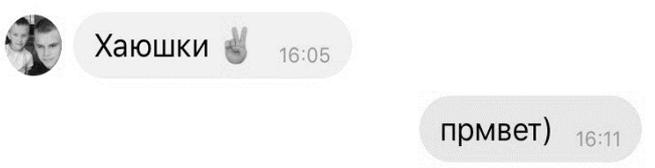

Рис. 7. Формулы приветствия [3].

Рис. 8. Формулы приветствия [3].

Рис.9. Формулы приветствия [3]

Рис. 10(1)

Рис. 10(2)

Рис. 10(3)

Рис. 10. Формулы приветствия [3].

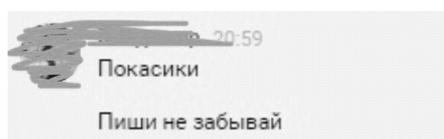

Рис. 11(1)

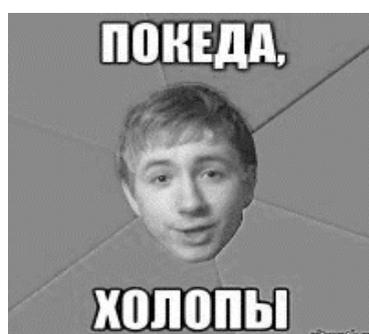

Рис. 11(2)

Рис. 11(3)

Рис. 11 Формулы прощания [3].

от английского приветствия «hi» («привет») с помощью диминутивного суффикса «-юшк-» (рис. 7).

Природа целого ряда специфических приветственных формул связана с мемами: «дратути» — это искаженное «здравствуйте» (рис. 8). Впервые данное слово произнес персонаж по имени Модест в исполнении Юрия Стоянова в программе «Городок» за 2005 год, однако мемом оно стало летом 2016 года благодаря вирусной фотографии, где изображена фанерная доска с сучками, напоминающими морду собаки [1]. «Дороу» (собака с бокалом вина) — мем, ставший популярным в 2017 году и пришедший на смену знаменитому «дратути» (рис. 9). На оригинале фото изображены две женщины, которые делают селфи в зеркале, при этом в кадр попадает собака, оказавшаяся за бокалом вина. Автор пиктографического мема в три раза укрупнил изображение собаки. Российские паблики распространили фотографию, а интернет-пользователи стали придумывать к ней различные надписи. Самым удачным стал вариант «дороу» [1]. Довольно часто приветственные слова сопровождаются эмоджонами различного характера, графическими изо-

бражениями, пунктуационными знаками, в частности — скобками или восклицательными знаками (рис. 2, рис. 5). В последнее время в мессенджерах и социальных сетях популярны стикеры (Рис. 10).

Формулы прощания

Традиционные формулы прощания обыденной коммуникации используются также и в Интернете («пока», «до скорого», «удачи», «бай», «до свидания», «покасики», «всего доброго»), однако для нас интерес представляют разного рода новообразования: «покасики» (суффиксальное образование от сленгизма «покас», образованного по типу «досвидос», «приветос» и пр.), «покеда» также образовано с помощью суффикса (рис. 11).

Когда общение в Сети продолжается до поздней ночи, употребляют такие формулы, как «спокойной ночи», «сладких снов» (рис. 12) Предложно-падежная форма «до связи» (рис. 11(3)) структурно связано с формулой «до свидания», это выражение стало популярным еще в 1990-е годы, и изначально использовалось исклю-

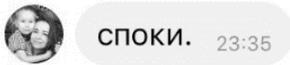

Рис. 12 (1)

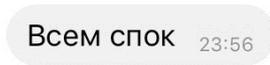

Рис. 12(2)

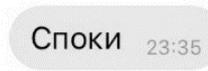

Рис. 12. Формулы прощания [3].

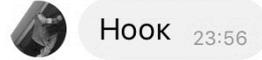

Рис. 13(1)

Рис. 13(2)

Рис. 13(3)

Рис. 13(4)

Рис. 13. Формулы прощания [3]

чительно в качестве сетевого или телефонного прощания в довольно узкой профессиональной среде (в частности — связистов). Нынешнее распространение этого выражения в обыденном контактном общении означает, что неконтактные способы общения стали такими же обыденными.

В интернет-коммуникации среди молодежи получили распространение и сокращенные формулы прощания. Например, «спокойной ночи» в сети трансформировалась в «споки ноки», образованное путем усечения основы, фонетического искажения и рифмовки (рис. 12). Благодаря аббревиационному сокращению родилась форма «спкнч», которая используется только в интернет-коммуникации (рис. 12(3)).

Отметим, что формулы прощания используются в социальных сетях реже, чем формулы приветствия. Диалог завершается, когда тема обсуждения исчерпана или вопрос решен, чаще всего собеседники уходят из Сети, не попрощавшись. Стикеры с формулами прощания также встречаются реже, чем с формулами приветствия (рис. 13). Слово «чао» привязано в большей степени к 1960–1980-м гг. К этому же периоду относится устойчивая формула «чао-какао», появившаяся из-за рифмы (возможно, и за счет сходства слов «чао» и «чай») и являющаяся грубо фамильярной. В настоящее время «чао» как формула прощания и ее варианты по-прежнему на слуху. мода на эту формулу прощания связана с расцветом итальянского кино и его приходом на экраны в СССР [6].

Мем-прощание «дотвидания» стал продолжением мема «дратути». Картинку отобрали зеркально и подписали «дотвидания» (рис. 14(1)). Формула прощания «давай» (рис. 14(2)) наиболее фамильярна. В сетевых дискуссиях относительно ее природы приводятся разные версии. Некоторые утверждают, что это — пожелание типа «давай у тебя все будет хорошо», или предложение пожать руку («давай на прощание пожмем руку»), или даже побуждение к уходу («давай прощаться»). В XIX веке форма «давай» использовалась в качестве пожелания, однако со временем функция прощания стала основной [2]. Стоит отметить, что существует зависимость формулы прощания от тематики публичной страницы. В различных группах и пабликах социальной сети «ВКонтакте» можно встретить тематические вариации традиционной формулы «добрых снов». Так, например, в группе социальной сети «ВКонтакте» «Шашлык. Мужская кухня» частотное выражение «сытных снов», что соответствует профилю группы (рис. 14(3)).

Аналогичная ситуация наблюдается в целом ряде других сообществ и тематических групп: в сообществе, посвященном чтению и книгам, можно встретить формулы «приятного чтения», «добрых книг»; в группах, посвященных маникюру, используются формулы типа «всем добра и хороших клиентов», «всем классных идей» и пр. Формулы приветствия и прощания традиционно являются этикетной рамкой, которая фиксирует начало и конец беседы. В интернет-коммуникации такая рамка чаще всего отсутствует по причине асинхронности ком-

Рис. 14 (1)

Владимир 22:29
ладно тогла
спокойной ночки

Юля 22:29
Давай пока

Рис. 14(2)

Рис. 14(3)

Рис. 14. Формулы прощания [3]

Стихи давно забытого поэта
14 апр. 2019 г., 0:30
Поэтыя, почему не спите? Чем занимаетесь?

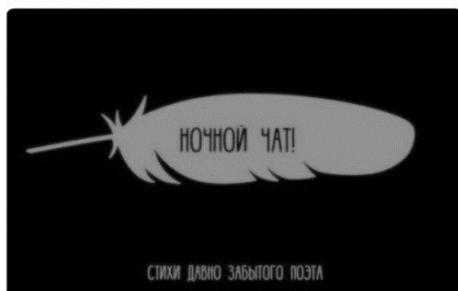

Рис. 15 (1)

Студенческий Актив НИУ МГСУ
27 мар в 23:26
Привет, кинолюбь! 🍿
Продолжаем выбирать лучшее кино!
И что у нас на этот раз? 😊

Жанр : МУЛЬТФИЛЬМ

Босс-молокосос 📺
Показать полностью...

Рис. 15(2)

Коты)Завтра с 11 до 14 будет занят пресс-центр)мур

2 апреля

Котята,привет)есть кто на советском?)))

Рис. 15(3)

Рис. 15. Формулы обращения [3]

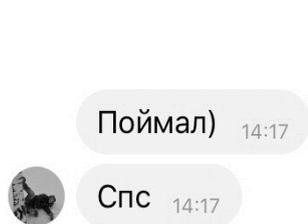

Рис. 16(1)

Рис. 16(2)

Рис. 16. Формулы благодарности [3]

муникации (общение в Сети, в частности — обсуждение какого-либо вопроса, может растянуться на несколько дней, и пользователи не считают нужным здороваться каждый раз) и экономии времени, так как одно из требований «нетикета» — необходимость коротко излагать свои мысли. В силу названных причин отсутствие этикетной рамки допускается в интернет-коммуникации, так как способствует быстрому восприятию важной информации и создает впечатление непрерывности разговора [4, с. 71–74].

Формулы обращения

Посредством обращения можно привлечь чье-то внимание, определить социальный статус участников, выразить эмоциональное отношение, а порой даже манипулировать собеседником. При выборе формы обращения говорящий использует ту форму, которая наиболее соответствует коммуникативной ситуации. В интернет-сообществах, функционирующих в социальной сети «ВКонтакте», используются различные типы обращений к участникам группы. На отбор лексем в составе обращения влияют тематика сообщества и, соответственно, целевая аудитория. Так, в сообществах, посвященных книгам, встречаются такие обращения, как «книголюбы», «поэтыта» (рис. 15(1)). Суффиксальное образование «поэтыта» образовано от основы «поэт» с аффиксальным формантом «-ят-» со значением собирательности. Слово «книголюбы» (рис. 15(2)) образованы с помощью сложения (интерфиксации) основ «книг-» и «люб-» (усечение основы глагола «любить»). В «открытых» интернет-сообществах, где подписчики общаются друг с другом на «стене», структура и семантика обращений к адресату гораздо богаче, чем в сообществах с исключительно авторским содержанием. Например, в открытой группе, связанной с ногтевым сервисом, можно встретить различные гендерно маркированные обраще-

ния, например: «девочки-феечки», «девчата», «девочки», «девушки» и пр. При обращении к лицам мужского пола в интернет-пространстве используются суффиксальные образования «братан», «братуха». В Сети сегодня крайне популярно дружеские обращения к аудитории — «коты» и «котятта» (рис. 15(3)). В целом же, обращения в социальных сетях с точки зрения лексического состава характеризуются большим тематическим разнообразием и оригинальностью по сравнению с обращениями, которые используются в кодифицированном литературном языке.

Формулы благодарности

Благодарность является речевым актом, который играет важную роль в поддержании этикетных отношений между собеседниками. В русском языке в традиционных формах речевого взаимодействия благодарность реализуется с помощью этикетных формул «спасибо», «благодарю» и пр. В интернет-пространстве желание сэкономить время при написании сообщений приводит к возникновению акронимов и слоговых сокращений, а также смешению букв и цифр, ср.: «спс», «нз4». Эти изменения носят исторический характер: еще несколько лет назад такие конструкции воспринимались как отклонение от нормы, сейчас они стали привычными.

Слово «спасибо» в интернет-коммуникации может иметь несколько вариаций. Самый распространенный и короткий вариант написания — «спс» (рис. 16(1)). Пропуск гласных и еще одной согласной буквы «б» не есть типичный способ сокращения слов в русском языке. Этот вариант возник по аналогии с английским «plz» от «please». Из русских слов по той же модели устроено слово «крч» (от «короча») [6]. Еще один вариант написания благодарности — «сибо». Слово образовалось путем сокращения слогов: из традиционной формы «спасибо»

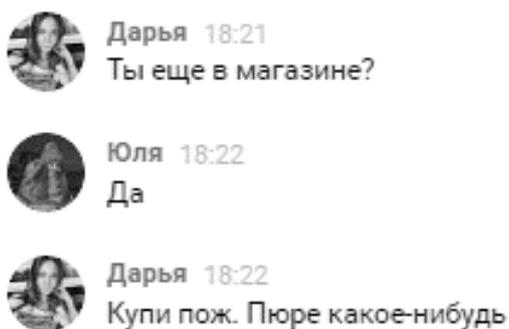

Рис. 17(1)

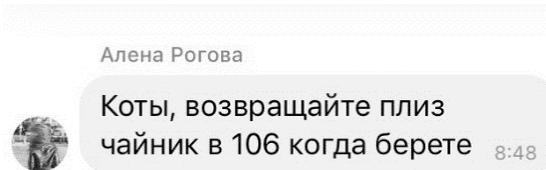

Рис. 17(2)

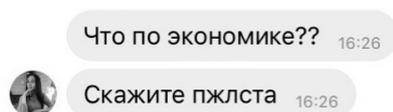

Рис. 17(3)

Рис. 17(4)

Рис. 17. Формулы просьбы [3]

Рис. 18(1)

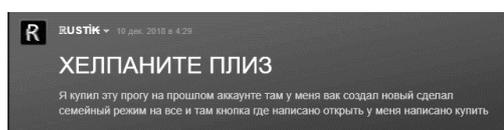

Рис. 18(2)

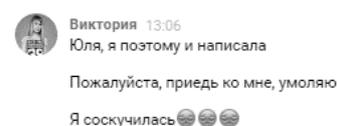

Рис. 17(4)

Рис. 18. Формулы просьбы [3]

убрали первый слог (рис. 16(2)). Распространена также уменьшительно-ласкательная форма этого слова — «сибки», образованная посредством суффиксации, а также «пасиба» и «пасяб».

Формулы просьбы

Ситуации обращения к кому-либо с просьбой сопровождаются специальными речевыми формулами, подчеркивающими вежливость. Просьба предполагает выполнение какой-либо работы, поручения, поэтому выражается часто в побудительном речевом действии с объяснением сути проблемы или вопроса. Традиционная форма «пожалуйста» также претерпела изменения в интернет-пространстве. Ее семантические вариации — «пож» (образовано посредством сокращения

слова до одного слога, рис. 17(1)), «плиз» (от английского «please», рис. 17(2)), «пжлста» (посредством редукции слова «пожалуйста», рис. 17(3)). Среди стикеров есть уникальная для интернет-сети форма просьбы — «пж» (рис. 17(4)). Это самый короткий вариант написания слова «пожалуйста».

Среди интернет-мемов распространено выражение «ну позяззя» и изображение плачущего человека (рис. 18(1)). Форма «позяззя» появилась путем фонетического искажения и сокращения традиционной формы «пожалуйста». Существует форма «хелпаните», образованная от английского «help», транслитерированного в кириллицу с добавлением русского суффикса повелительного наклонения -и- и постфикса множественного числа -те. (рис. 18(2)). Для интернет-коммуникации ха-

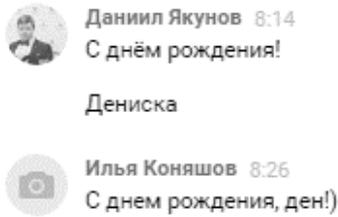

Рис. 19(1)

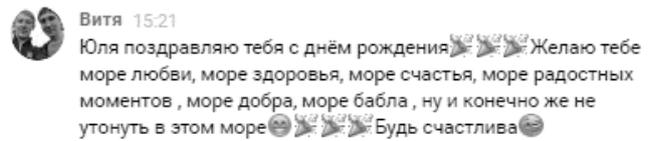

Рис. 19(2)

Рис. 19. Формулы поздравления и пожелания [3]

Рис. 20

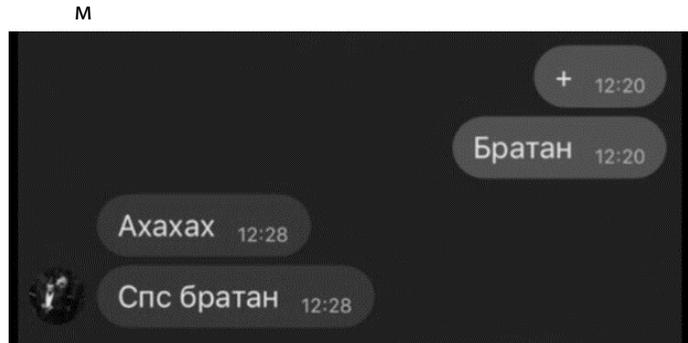

Рис. 21

Рис. 20–21. Формулы поздравления [3].

рактенно преувеличение важности своей просьбы с целью привлечения внимания: «Умоляю!!» (рис. 18(3)).

Формулы поздравления и пожелания

Имеют бесконечное множество вариаций. Пользователи стремятся оформлять поздравления, используя нестандартные речевые средства, при этом нередко встречаются и обобщенные пожелания типа «желаю новому дому мира и взаимопонимания». Поздравление в интернет-сети может быть реализовано, во-первых, только посредством одного речевого акта (собственно поздравление, рис. 19(1)), а во-вторых, одновременно двух речевых актов — поздравления и пожелания (рис. 19(2)).

В поздравлениях, связанных с событиями личного характера (день рождения, годовщина свадьбы, завершение службы), на первый план выходят компоненты, в которых содержится положительная оценка личных качеств адресата, а также компоненты, характеризующие роль события-повода в жизни адресата. Однако в интернет-коммуникации есть своя специфика: иногда адресат и адресант незнакомы лично или, возможно, виделись всего несколько раз, поэтому образ адресата в сознании адресанта складывается главным обра-

зом на основе текстов, которые тот размещает в Сети, а также частоты виртуального общения. Детализация характеристик адресата отражает круг его виртуальных контактов, степень «погружения» автора поздравления в обстоятельства жизни адресата. Поздравления, обусловленные общезначимыми событиями, слабо индивидуализированы и адресованы широкому кругу лиц (8 Марта, 23 Февраля и пр.).

При тесной коммуникации, когда собеседники хорошо знают друг друга, поздравления могут состоять из короткого «с др, крч» («с днем рождения, короче»), «с др» и прочие варианты (рис. 20). Иногда поздравления могут понять только собеседники: знак «+» обозначает «я про тебя не забыл и тоже поздравляю» (рис. 21).

Формулы извинения

Наряду с традиционными для русского языка формулами «извини» и «прости», в интернет-пространстве используется «сорри», появившееся посредством транслитерации из английского языка — «sorry» (рис. 22(1)). «Сорян» — более грубая форма извинения в Интернете, образованная с помощью суффиксации «-ян-» от усечённой основы заимствования «сорри» (Рис. 22(2,3)).

Рис. 22(1)

Рис. 22(2)

Рис. 22(3)

Рис. 22. Формулы извинения [3].

Слова извинения в Сети во многих случаях сопровождаются эмоджонами, причем чем больше чувствует вину тот, кто просит прощения, тем больше повторяющихся букв, имитирующих интонацию, эмоджонов и восклицательных знаков в извинении, например: «Из-вииниииниии!!!!!».

Итак, в XXI веке в интернет-коммуникации речевой этикет претерпевает серьезные изменения, что обусловлено демократизацией общения развитием интернет-пространства. Предпринятый анализ сетевых этикетных формул показал, что общение в онлайн-режиме

по своим характеристикам приближается к спонтанной устной речи, в связи с чем начинает действовать закон экономии речевых усилий, который предполагает стремление к лаконичности языкового выражения. Данная специфика обусловлена, с одной стороны, изменением графической формы письменной речи (использованием разнообразных шрифтов, эмоджонов и иных дополнительных средств передачи информации, с другой — лингвистическими особенностями виртуального общения, где осуществляется преобладание традиций устного и письменного речевого этикета и его либерализация.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Memepedia» [Оф.сайт]. Режим доступа: <https://memepedia.ru> (дата обращения 14.06.2019).
2. «Арзамас» [Оф.сайт]. Режим доступа: <https://arzamas.academy/micro/etiket> (дата обращения 14.06.2019).
3. «ВКонтакте» [Оф.сайт]. Режим доступа: <http://vk.com> (дата обращения: 14.06.2019).
4. Богданова, И. В. Вежливость в интернет-коммуникации // Восточно-европейский научный вестник, 2017. № 4. С. 71–74.
5. Кронгауз, М. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Астрель, 2012.
6. Кронгауз, М. А. Этикет дня // «Арзамас» [Оф.сайт]. Режим доступа: <https://arzamas.academy/micro/etiket> (дата обращения 14.06.2019).
7. Минец Д. В., Горющенко Д. О. Фразеосхемы в интернет-коммуникации (по материалам платформы «Твиттер») // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 8. С. 137–142.
8. Минец, Д. В. Лингвокреативный потенциал тематического интернет-мема «Филологическая дева» // Учимся говорить по-русски. Проблемы современного языка в электронных СМИ: сб. науч. статей 2-й науч.-практ. конф. М.: Фак. журн. МГУ имени М. В. Ломоносова; Некоммерческ. партн-во фак. журн., 2017. С. 85–86.

© Минец Диана Владимировна (dv.minets@gmail.com), Попова Юлия Юрьевна (yuliya.popo@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ НА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

LANGUAGE REALIZATION OF TOLERANCE AT THE INSTITUTIONAL LEVEL OF VERBAL COMMUNICATION IN THE MODERN GERMAN POLITICAL DISCOURSE

I. Nikitina

The article is devoted to linguistic means of tolerance at the institutional level in the political communication. This level includes the programs of the parties represented today in the German Parliament. The principle of tolerance is reflected in all analyzed programs. The texts of the programs represent different types of tolerance.

Keywords: tolerance, intolerance, political communication, institutional level, types of tolerance.

Никитина Ирина Сергеевна

Аспирант, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург)
nikitina_irina_92@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена языковым средствам выражения толерантности на институциональном уровне политического речевого общения. К данному уровню относятся тексты программ партий, представленных на сегодняшний день в немецком парламенте. Принцип толерантности отражён во всех проанализированных программах. В текстах программ представлены разные виды толерантности.

Ключевые слова: толерантность, интолерантность, политическая коммуникация, институциональный уровень, виды толерантности.

Актуальный для современной немецкой социально-политической жизни принцип толерантности реализуется на трёх уровнях политической коммуникации: законодательно-правовом, институциональном и межличностном. На законодательно-правовом уровне положения о толерантном поведении граждан страны зафиксированы в основных правовых документах ФРГ: (1) в тексте конституции [8] и (2) законе о равном обращении [2]. Кроме того, толерантность провозглашается добродетелью и необходимой составляющей мирного сосуществования стран и наций в (3) Декларации принципов терпимости, принятой резолюцией ЮНЕСКО [6].

Данная статья посвящена второму, институциональному, уровню речевого общения в политике, на котором проявляется толерантность. К этому уровню коммуникации относится речевое взаимодействие внутри и между действующими в политическом дискурсе институциональными объединениями/образованиями: партиями, политическими организациями и движениями, в процессе которого участники общения представляют, прежде всего, определённую коллективно-групповую, а не индивидуальную мировоззренческую позицию.

Современная немецкая политическая система, в основе которой лежат принципы демократии, сама по себе служит примером толерантности немецкого общества:

в данный момент в Бундестаге наблюдается политический плюрализм, то есть мирное сосуществование различных политических объединений и организаций. Так, на парламентских выборах осенью 2017-го года были избраны 709 членов Бундестага: из них CDU/CSU (ХДС/ХСС) — Христианско-демократический союз/ Христианско-социалистический союз (246 мест), SPD (СДПГ) — Социал-демократическая партия Германии (153), AfD (АдГ) — Альтернатива для Германии (94), FDP (СДП) — Свободная демократическая партия (80) Die Linke — Левые (69), Die Grüne/Bündnis 90 — Зелёные/Союз 90 (67) [3]. В политических программах всех названных партий можно найти то или иное число примеров декларирования главных принципов толерантности. Так, само слово *Toleranz* встречается во всех программах: ХДС/ХСС (CDU/CSU) (1 пример употребления), СДПГ (SPD) (6), Левые (Die Linke) (1), Зелёные/Союз 90 (Die Grüne/Bündnis 90), (3), СДП (FDP) (5), АдГ (AFD) (1). Идеи толерантности, а наряду с ними также смежные ценности как справедливость (*Gerechtigkeit / Fairness*), мир (*Frieden*), равенство (*Gleichheit*) и уважение (*Respekt*) находят своё отражение во всех перечисленных партийных программах.

В тексте программы ХДС/ХСС лексема *Toleranz* употреблена один раз в контексте описания основной стратегии управления, находясь в одном ряду с такими социальными ценностями как демократия, закон-

ность и права человека: Geleitet werden wir von unserer Bindung an *Werte der Menschenwürde*, den Schutz und der Förderung der *Menschenrechte*, von *Rechtsstaatlichkeit*, *Demokratie* und *Toleranz* [4].

Пункт "Gemeinschaft und Zusammenhalt" в программе этих партий полностью посвящён вопросам гармоничного взаимодействия разных культур в ФРГ: Deutschland zeichnet sich durch *eine wunderbare Einheit in Vielfalt* aus [там же]. В данном предложении использован оксюморон «единство в многообразии» (*Einheit in Vielfalt*), благодаря которому имплицитно выражается принцип толерантности. В первую очередь в данном пункте затрагиваются вопросы национальной толерантности, касающейся мигрантов, беженцев, иностранных рабочих.

В партийной программе ХДС/ХСС встречается и употребление лексемы *Toleranz* в оппозиционной паре толерантности — *Intoleranz* (нетерпимость): In Deutschland darf kein Platz für *Antisemitismus*, *Fremdenfeindlichkeit*, *Ausländerhass*, *Intoleranz* oder *Diskriminierung* sein [там же]. Интолерантность совместно с другими словами с семой «негативное, уничижительное отношение к другому» — дискриминация (*Diskriminierung*), антисемитизм (*Antisemitismus*), ксенофобия (*Fremdenfeindlichkeit*), ненависть к иностранцам (*Ausländerhass*) — употреблено при этом в отрицательной синтаксической конструкции с модальным глагол *dürfen*, использованным в данном контексте в значении запрета, что придаёт всему предложению оттенок категоричного суждения о необходимости соблюдения в общества принципа толерантности.

В программе СДПГ можно найти пример словоупотребления так называемой «нулевой толерантности»: Wir wollen eine *Null-Toleranz*-Politik gegenüber Hasspredigern und Islamistinnen und Islamisten durchsetzen [11]. Модальный глагол со значением волюнтаривности (*wollen*) выступает в данном контексте для обозначения намерения: партия СДПГ собирается добиваться нулевой толерантности относительно проповедников ненависти и исламистов. Термин *Null-Toleranz* служит для обозначения отсутствия толерантности и подразумевает нетерпимость по отношению к тем, кто пропагандирует нетерпимость. В другом примере — в односоставном императивном предложении, обозначающем границы гендерного толерантного отношения: *Keine Toleranz gegenüber Sozialdumping*, — речь идёт о создании равных рабочих условий для женщин и мужчин.

В программе этой партии толерантность противопоставляется расизму, экстремизму, дискриминации и мизантропии: Sozialdemokratinnen und Sozialdemokraten kämpfen seit über 150 Jahren für *Toleranz* und gegen

Rassismus, *Rechtsextremismus*, *Diskriminierung* und *Menschenfeindlichkeit* [там же]. Как видим, уже в самой лексико-грамматической форме приведенного предложения проиллюстрирована гендерная толерантность: употреблены маскулинная и фемининная формы обозначения социал-демократов.

В программе партии Левые найден один пример употребления лексемы *Toleranz*, в пункте Sportfrei: Doping, Korruption und andere Manipulationen müssen bekämpft werden. Die Kommerzialisierung des Sports zum Zwecke der Profitmaximierung muss zurückgedrängt und die Vermittlung von Werten wie *Toleranz*, *Respekt* und *Fairness* gestärkt werden [10].

Из контекста понятно, что в данном случае семантика слова толерантность приравнивается к значению справедливости в спортивных соревнованиях и, предположительно, означает, кроме того, толерантность по отношению к людям с ограниченными возможностями.

Партия Зелёные помещает лексическую номинацию концепта *Toleranz* в ряд однородных субстантивных подлежащих, перечисляющих уставные положения (*Grundlagen*) европейского союза (свобода, равенство, демократия, законность): *Freiheit*, *Gleichheit*, *Demokratie*, *Rechtsstaatlichkeit*, *Geschlechtergerechtigkeit*, *Religionsfreiheit*, *Achtung der Menschenwürde*, *Menschenrechte*, *Toleranz*, *soziale Marktwirtschaft* — das sind die *Grundlagen* der Europäischen Union [9].

К ряду однородных членов предложения, смежных по своей семантике с лексемой *Toleranz*, добавляется словосочетание *soziale Marktwirtschaft*, выражающее социальную рыночную экономику. Очевидно, тем самым, имеется в виду экономика свободных частных производителей и индивидуальных потребителей, то есть тип экономики, в основе которого лежат принципы справедливости и равных шансов. В плане выражения анализируемого программного суждения интересно и то, что само перечисление представляет собой риторическую фигуру проlepsиса, которая соотносится синтаксически с коррелятом — указательным местоимением *das*.

Дважды в программе Зелёные повторяется идея противостояния толерантности и интолерантности: *Keine Toleranz der Intoleranz*; dagegen (*gegen Hass und Hetze*) setzen wir GRÜNE: *keine Toleranz gegenüber der Intoleranz!* [9] Восклицательный знак в последнем предложении можно считать примером экспликации повышенной озабоченности данной партии проблемой дискриминации, поскольку восклицательные предложения нетипичны для текстов политической коммуникации.

Схожее утверждение, состоящее из двух предложений, можно найти и в партийной программе СДП: *Toleranz gegenüber der Intoleranz darf es nicht geben. Wo das Grundgesetz als objektive Werteordnung unserer Gesellschaft missachtet und Gesetze verletzt werden, enden Toleranz und Respekt* [7].

Благодаря использованию глаголов *missachten, verletzen* в пассивной конструкции с подлежащим, выраженным субстантивной группой *Grundgesetz als objektive Werteordnung* unserer Gesellschaft, а также контекстуальному предикативному сочетанию существительных с положительной коннотацией *Respekt* и *Toleranz* с глаголом *enden* повышается персуазивная сила всего утверждения в целом.

Пример из партийной программы АдГ можно интерпретировать как специфическое толкование принципа толерантности: *Die AfD wird nicht zulassen, dass Deutschland aus falsch verstandener Toleranz sein kulturelles Gesicht verliert* [1].

Атрибутивное словосочетание, в которое входит лексема *Toleranz* показывает, что точка зрения политической партии по поводу смысла понятия *Toleranz*, не совпадает с господствующими в демократической части немецкого общества идеями толерантности. При этом партия АдГ хочет убедить читателя в том, что толерантность ущемляет права немецкого гражданина и способствует утрате культурной идентичности.

Таким образом, примеры показывают, что лексема *Toleranz* во всех партийных программах употребляется в разном контекстуальном окружении. В зависимости от этого толерантность может толковаться как добродетель и ценность (в программах ХДС/ХСС, Левые, СДП, Зелёные), как отсутствие дискриминации (СДПГ), как ущемление национально-культурной идентичности (АдГ).

Представленные в программах цели и приоритеты партий варьируются в зависимости от их политической направленности, однако общим для всех текстов политическим программ является их законное основание: конституция Германии. Поэтому на институциональном уровне текстовой реализации толерантности прослеживаются прямые и косвенные отсылки к положениям о толерантности, представленным в правовых документах страны на законодательно-правовом уровне реализации идеи толерантности.

Например, один из программных пунктов партии Левых напрямую интертекстуально соотносится с положением конституции ФРГ о правах человека: *Wir wollen die Grundrechte und Ansprüche verwirklichen, die das Grundgesetz formuliert...* [10]

В программе партии Зелёные употреблено большое число лексем, указывающих на значение индивидуальной свободы, многогранности (*individuelle Freiheit, Verschiedenheit, Vielfalt*). Тем самым подчеркивается, что общество должно быть открытым, непредвзятым (*offene Gesellschaft*). Зелёные ссылаются при этом на конституцию и основные сформулированные в ней права человека: *Unser Leitbild ist das Grundgesetz* [9].

Степень выраженности толерантного отношения также варьируется в разных программах. Так, например, само название программы партии СДПГ *Zeit für mehr Gerechtigkeit* содержит семантическую и прагматическую проекцию на идею толерантности, поскольку синонимом к слову *Gerechtigkeit* (справедливость) в немецком языке могут служить *Unvoreingenommenheit* (непредвзятость), *Vorurteilslosigkeit* (отсутствие предвзятости) (см. Duden). В основе программы СДПГ лежит принцип справедливости — социального равенства. В добавление к перечисленным выше средствам выражения концепта «равенство» (граждан ФРГ) в тексте программы можно обнаружить случаи использования конструкций с наречием *unabhängig von* и перечислением критериев толерантности (независимо от пола, возраста и т.д.): *Unabhängig von Geschlecht, Herkunft, sexueller Identität, Religion. Unabhängig davon, ob jemand eine Behinderung hat, krank oder pflegebedürftig ist. Unabhängig von Beschäftigung und Lebensgrundlage* [11]. Кроме того, в программе эксплицитно выражены темы борьбы за толерантность и против дискриминации, ущемлений прав человека, экстремизма и расизма. Так, все члены партии заявляют о намерении бороться за общество, где люди уважают друг друга: *(wir kämpfen...) für eine Gesellschaft, die jedem Menschen respektvoll und mit Würde begegnet* [там же].

Концепт свободы, имплицитно выражающий идею терпимого отношения, является первоочередным для политики партии СДП, о чём свидетельствует само её название (*Freie demokratische Partei* — свободная демократическая партия), а также названия подразделов программы (*Ein Denken frei von Vorurteilen* — Мышление без предвзятости) и лозунги, встречающиеся в заголовках (*Denn nur Freiheit bringt Fortschritt* — Только свобода приносит прогресс) [7].

Следует, далее, отметить, что в текстах партийных программ встречаются примеры различных видов толерантности, которые интертекстуально связаны с текстами законодательно-правового уровня: гендерная, национальная, расовая, языковая, этническая, религиозная, политическая и толерантность к людям с физической неполноценностью, возрастная и сексуально-ориентационная.

Особое значение в современной политической ситуации, когда число жителей Германии, имеющих иностранное гражданство, превышает восемь миллионов, приобретает национальная толерантность. Так, партия Левые относит концепт *Internationalismus*, включающий в свой семный состав понятие толерантности, к своим основополагающим ценностям: *Demokratie, Freiheit, Gleichheit, Gerechtigkeit, Internationalismus und Solidarität gehören zu unseren grundlegenden Werten* [10].

Вид толерантного отношения к другим культурам (межнациональная толерантность) просматривается в следующем предложении из программы партии Свободных Демократов: *Italienische Pizza, französische Mode und irisches Bier sind seine besten Argumente* [7]. Это предложение подтверждает, что программа СДП написана в стиле, близком к разговорной речи. Лексические значения национальных стереотипов использованы здесь в положительном контексте как «лучшие аргументы» в пользу свободной торговли.

Сосуществование множества наций и культур на территории ФРГ предполагает также соприкосновение различных религиозных убеждений [12]. Религиозный вопрос получает освещение во всех представленных партийных программах. К средствам реализации идеи религиозной толерантности в партийных программах можно отнести следующие лексемы и словосочетания: *der interreligiöse Dialog* (СДПГ, ХДС/ХСС), *die Anerkennung der Religionsfreiheit, der weltanschaulichen Neutralität des Staates und der Gleichwertigkeit der Religionen* (АдГ) и т.д.

С многообразием культур связано также употребление на территории ФРГ разных языков. Партии СДПГ, Зелёные, СПД, Левые выступают в поддержку сохранения и развития других языков в немецкоязычной культуре, что также можно отнести к реализации различных смысловых оттенков многослойного концепта *Toleranz*. Идея языковой толерантности реализуется посредством лексем *Schutz, schützen, Wahrung, Weiterentwicklung*.

Однако, в некоторых партийных программах встречаются и положения, в которых немецкому языку отдаётся предпочтение. Так, блок ХДС/ХСС считает, что в киноиндустрии немецкий язык должен иметь приоритетное значение: *Hierbei ist uns die Pflege unserer Sprache sehr wichtig. Sie ist elementar für die gesellschaftliche Integration* [4]. В программе партии также сказано, что немецкий язык является важной частью немецкой национально-культурной идентичности (*Identität u Leitkultur*). Слово *Leitkultur* (ведущая культура), которое неоднократно встречается в программе ХДС/ХСС, имеет сему превосходства и управления, которая под-

чёркивает главенство немецкой культуры над другими на территории ФРГ. Лексема *Leitkultur* отражает важную для партий ХДС/ХСС идею сохранения культурной идентичности Германии.

Как уже было сказано выше, тема гендерной толерантности затронута во многих пунктах проанализированных партийных программ. Особую роль гендерная толерантность занимает в программе партии Зелёных, одной из основных ценностей которой является равенство между полами: *Gleichberechtigung und die Hälfte der Macht den Frauen* [9]. Значение лексем словосочетания *Hälfte der Macht* имплицитно сему «социальное равенство» женщин и мужчин.

К средствам выражения гендерной толерантности в партийных программах можно отнести, далее, лексемы *Gleichberechtigung, Gleichstellung, Lohnungleichheit, Lohnungerechtigkeit*. В программе СДПГ присутствует тезис о защите прав мужского населения ФРГ: *Wir nehmen auch Gewalt gegen Männer sehr ernst* [11].

Помимо этого, партия Зелёных выступает за толерантность в отношении к различным сексуальным ориентациям и защиту прав трансгендеров: *Öffnung der Ehe und der Freigabe des Adoptionsrechts für gleichgeschlechtliche Paare, ein neues Trans*Personenrecht* [9]. Примеры сексуально-ориентационной толерантности представлены также и в других политических программах, например, в программе СДПГ: *Menschen sollen unabhängig von ihrer sexuellen Identität frei und sicher leben können — mit gleichen Rechten und Pflichten* [11].

Проблеме физиологической толерантности — толерантного отношения к людям с ограниченными возможностями — посвящены отдельные подразделы. Например, в программе СДПГ есть пункт *Inklusive Gesellschaft*, то есть общество, в котором на равных условиях с другими живут физически неполноценные люди. Прилагательное *inklusiv* употреблено в контексте не только в сочетании с существительным *Gesellschaft*, но и с обозначениями важных социальных сфер: *inklusive Bildung, inklusiver Arbeitsmarkt, inklusive Sozialräume*.

Несмотря на то, что партийные программы содержат многочисленные примеры различных видов толерантности, были также обнаружены примеры критики в адрес других партий, а также примеры разных видов интолерантности. К наиболее явно-выраженным относятся нетолерантное отношение к другим нациям, культурам и религиям и гендерная интолерантность.

Так, в партийной программе СДП можно найти примеры критики по отношению к партиям-оппонентам: *Die Große Koalition verschläft die Chancen des gigantischen*

Umbruchs durch die Digitalisierung [7]. При помощи использования олицетворения и иронии СДП выставляет большую коалицию (ХДС/ХСС совместно с СДПГ) в невыгодном свете.

В программе партии АдГ также можно найти примеры критики в адрес правящей коалиции: *Die stetigen Verletzungen der Prinzipien der deutschen Staatlichkeit gipfeln in der Flüchtlingspolitik der Bundesregierung von CDU/CSU und SPD* [1]. Партия открыто заявляет о несогласии со стратегией правящей коалиции в отношении миграционной политики.

Так, в пункте программы АдГ *Zuwanderung muss nach unseren Regeln stattfinden* [там же] (Иммиграция должна проходить по нашим правилам) партия призывает к закрытию границ Германии. Это предложение само по себе не является примером нетерпимости. Но в следующих пунктах есть определенные критические заявления о беженцах, содержащие этническую нетерпимость. Таким образом, лица, ищущие убежища, обычно описываются как «неквалифицированные» и изображаются как преступники, совершающие большинство преступлений.

Широко известна цитата из партийной программы АдГ: *Islam gehört nicht zu Deutschland* [1], которую можно считать иллюстрацией религиозной нетерпимости. Глагол *gehören*, использованный с отрицанием, выступает здесь в значении исключения ислама из немецкой культуры. Интересно, что партия Зелёные использует в своей программе данное высказывание как аллюзию с отрицанием, чтобы подчеркнуть несогласие с дискриминацией мусульман: *Für uns Grüne gehört auch der Islam zu Deutschland* [9].

В тексте программы партии АдГ можно найти и примеры гендерной интолеранности. АдГ предлагает отказаться от развивающейся в Германии идеологии гендера. Данной теме посвящены отдельные пункты программы: *Für ein klares Familienbild — Gender-Ideologie ist verfassungsfeindlich, Gender-Ideologie raus aus den Schulen — Frühsexualisierung stoppen* [1]. Следует особо подчеркнуть семантику и синтаксис категоричных высказываний-лозунгов, которые являются проявлением интолерантности.

В программе неоднократно использовано словосочетание *das traditionelle Familienbild*, в котором определение *traditionell* исключает права сексуальных меньшинств, а также предполагает стереотипизированное разделение ролей внутри семьи. Другое определение — *klares Familienbild* — косвенно противопоставлено развивающемуся альтернативному типу семьи.

Итак, анализ политических текстов показал, что принцип толерантного социального поведения закреплён и в избирательных программах всех представленных на сегодняшний день в ФРГ партий.

Лексема *Toleranz* употребляется во всех текстах партийных программ, однако в текстовом смысловом целом концепт *Toleranz* может приобретать различные оттенки значения: добродетель, ценность, государственный принцип, противоположность нетерпимости. Концепт *Toleranz* обладает при этом позитивной коннотацией, и его лексические обозначения употребляются, как правило, в ряду перечислений с важными общечеловеческими ценностями, однако, в тексте партии АдГ толерантность получает негативную интерпретацию.

К средствам контекстуальной семантизации концепта *Toleranz* в партийных программах можно отнести (1) языковые средства включения: конструкции с наречием «независимо от» (*unabhängig von*), местоимения *jeder; alle*, прилагательные с семой включения: *inklusiv, offen, frei, gleich, gleichberechtigt, gemeinsam*; (2) однородные ряды смежных по значению понятий: *Respekt, Demokratie, Freiheit, Gleichheit, Gleichberechtigung, Recht, Menschenwürde, Solidarität*; (3) контекстные синонимы, предполагающие непредвзятое отношение: *Unvoreingenommenheit, Vorurteilslosigkeit*; (4) конструкции с отрицанием противоположных толерантности понятий — *Diskriminierung, Antisemitismus, Hass* и так далее.

Таким образом, анализ программ показывает, что все представленные на сегодняшний день в Бундестаге партии, опираясь на основные правовые документы Германии, уделяют в своих программах внимание проблеме толерантного отношения. Принцип толерантности декларируется на всех уровнях социальной жизни (национальная, расовая, гендерная и другие).

ЛИТЕРАТУРА

1. AfD Regierungsprogramm URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/06/2017-06-01_AfD-Bundestagswahlprogramm_Onlinefassung.pdf (дата обращения: 10.05.2019)
2. Allgemeines Gleichbehandlungsgesetz URL: <https://www.antidiskriminierungsstelle.de> (дата обращения: 20.04.2019)
3. Bundestagswahl 2017 URL: https://www.bundeswahlleiter.de/info/presse/mitteilungen/bundestagswahl-2017/34_17_endgueltiges_ergebnis.html (дата обращения: 20.04.2019)

4. CDU/CSU Regierungsprogramm 2017 URL: 170703regierungsprogramm2017.pdf (дата обращения 10.05.2019)
5. Duden Online-Wörterbuch URL: <https://www.duden.de/woerterbuch> (дата обращения: 07.06.2019)
6. Erklärung von Prinzipien der Toleranz. URL: <https://www.unesco.de> (дата обращения: 01.06.2019)
7. FDP Regierungsprogramm 2017 URL: <https://www.fdp.de/sites/default/files/uploads/2017/08/07/20170807-wahlprogramm-wp-2017-v16.pdf> (дата обращения: 07.06.2019)
8. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland URL: <https://www.bundestag.de/gg> (дата обращения: 07.06.2019)
9. Die Grüne/Bündnis 90 Regierungsprogramm 2017 URL: https://cms.gruene.de/uploads/documents/BUENDNIS_90_DIE_GRUENEN_Bundestagswahlprogramm_2017_barrierefrei.pdf (дата обращения: 05.06.2019)
10. Die Linke Regierungsprogramm 2017 URL: https://www.die-linke.de/fileadmin/download/grundsatzdokumente/programm_formate/programm_der_partei_die_linke_erfurt2011.pdf (дата обращения: 10.05.2019)
11. SPD Regierungsprogramm URL: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Bundesparteitag_2017/Es_ist_Zeit_fuer_mehr_Gerechtigkeit-Unser_Regierungsprogramm.pdf (дата обращения: 01.05.2019)
12. Zahl der Ausländer in Deutschland URL: <http://www.bpb.de/nachschlagen/zahlen-und-fakten/soziale-situation-in-deutschland/61622/auslaendische-bevoelkerung> (дата обращения: 20.04.2019)

© Никитина Ирина Сергеевна (nikitina_irina_92@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена

«КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АСПЕКТ» ОБЪЕКТА ОБРАЗНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ В СИСТЕМЕ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ

«QUANTITATIVE ASPECT» OF THE OBJECT SHAPE CHARACTERISTICS IN THE SYSTEM OF SUSTAINABLE COMPARISONS

E. Ogoltseva

Summary. The article deals with some topical aspects of the analysis of the object of application of figurative characteristics in the system of stable comparisons of the Russian language. The author focuses on the number of objects that can act as a subject (component A) of a stable comparative structure. The connection of this problem with possible criteria of ideographic classification of stable comparative units, as well as with grammatical variation of the word expressing the object of figurative characteristics is revealed.

Keywords: stable comparison; components of figurative comparison; image of comparison; basis of comparison; object of figurative characteristic; comparative unit of language; ideographic classification; grammatical variants of stable comparison.

Огольцева Екатерина Васильевна

*Д.филол.н., профессор, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»
tertiumcomp@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые актуальные аспекты анализа объекта приложения образной характеристики в системе устойчивых сравнений русского языка. В центре внимания автора вопрос о количестве предметов, которые могут выступать в качестве субъекта (компонента А) устойчивой компаративной структуры. Раскрывается связь данной проблемы с возможными критериями идеографической классификации устойчивых компаративных единиц, а также с грамматическим варьированием слова, выражающего объект образной характеристики.

Ключевые слова: устойчивое сравнение; компоненты образного сравнения; образ сравнения; основание сравнения; объект образной характеристики; компаративная единица языка; идеографическая классификация; грамматические варианты устойчивого сравнения.

Из трёх компонентов сравнения как логической (мыслительной) операции (А – предмет, или субъект сравнения; В — образ, или предикат сравнения; С — общий признак, или «основание сравнения») в структуру устойчивого сравнения (далее УС) как факта языковой системы в качестве обязательного входит только образ (В). Вместе с модулем (m), или показателем компаративных отношений (как, словно, точно, будто, как будто) образ сравнения, который может быть выражен и словом в той или иной грамматической форме (*как мел, как из ведра*), и словосочетанием (*как по щучьему велению, как огнём жечь*), и предикативной структурой (*как Мамай прошёл, как ветром сдуло*), составляет так называемую «сравнительную часть», которая характеризуется воспроизводимостью, структурно-семантическим постоянством — признаками, определяющими «устойчивость» компаративной структуры.

Основание сравнения, за редким исключением, в воспроизводимую часть УС не входит; при употреблении компаративной единицы оно проявляет себя в виде слов-сопроводителей — обязательного словесного окружения, которое обычно характеризуется более или менее широким варьированием. В качестве слов-сопроводителей выступают либо имена прилагательные, либо глаголы с зависящими от них наречиями и другими обстоятельством образа (способа) действия, либо слова

категории состояния: *тонкий, гибкий как тростинка [тростиночка]; нарядиться, вырядиться как на свадьбу; красный, покраснеть, побагроветь как свёкла; темно как в погребке.*

Что касается «предмета сравнения» «А» (в дальнейшем мы будем для удобства именовать его также «объектом образной характеристики»), он получает обязательное формальное выражение в единственной и малопродуктивной модели «сущ. в им. падеже + сущ. в твор. падеже»: *волосы ёжиком, нос картошкой, борода лопатой, ноги колесом, губы бантиком, пыль столбом* и т.п. В одноэлементных же конструкциях с союзами *как, словно, точно, будто* предмет сравнения никак не отражается.

Вместе с тем этот компонент имеет чрезвычайно важное значение в коммуникативно-прагматическом плане. В самом деле, говорящему (пишущему) важно знать, как правильно и уместно применить в речи то или иное устойчивое сравнение, по отношению к чему (или к кому) оно может быть употреблено. Поэтому в нормативных словарях при определении значений УС даётся не только описание признака, лежащего в основании сравнения, но и определение круга предметов, подвергаемых сравнению, то есть возможных объектов образной характеристики. Например, в Словаре устой-

чивых сравнений русского языка [Огольцев 2001] такие указания даются регулярно, непосредственно после толкования устойчивого сравнения, с помощью предложно-падежной конструкции «о чём-л.» («о ком-л.»): «О человеке»: «О человеке, животном, средствах передвижения», «О веществе», «О предмете» и т.д.

Многие устойчивые компаративные структуры имеют объектом своего приложения конкретные предметы: как алмаз (сверкать, блестеть), как <пудовая> гиря (тяжелый); помещения: как в кабаке (грязно, шумно), как в могиле (темно, сыро). Однако подавляющая часть УС русского языка характеризует человека (**во всех его свойствах и «аспектах»**) то есть допускает предельно широкий и достаточно произвольный круг предметов А: как клоун (вести себя), как пчела (трудолюбивый), как свинья (жирный), как аист (длинноногий) и т.п. Некоторые сравнения могут выступать образными характеристиками и человека, и животного: как вкопанный (остановиться; стоять), как оголтелый (бегать; метаться). Значительное место в системе УС русского языка занимают сравнения, характеризующие не человека в целом, а отдельные его проявления: как агат 'Чёрный. Чёрный с блеском. Преим. о глазах человека' [Огольцев 2001: 28]; как на вешалке 'Висеть, сидеть, болтаться. Быть чрезмерно свободным, обвисать. Об одежде на человеке' [Там же: 92]; как вишня 'Красный, покраснеть. О человеке (-лице человека)' [Там же: 94]; как грива 'Густые, длинные. О волосах человека' [Там же: 137]. (Подчёркнуто нами. — Е.О.)

В словарях получают отражение и такие важные аспекты объекта образной характеристики (человека), как **возраст**: как амур (амурчик) 'Красивый, милостивый. О ребёнке, подростке' [Там же: 31] и **пол**: как Аполлон Бельведерский 'Красивый, хорошо сложенный. О юноше, мужчине' [Там же: 33]; как галка 'Чёрная, чернявая, смуглая. О женщине' [Там же: 117].

Таким образом, объект образной характеристики для каждого устойчивого сравнений вовсе не является произвольным: на него всегда накладываются более или менее строгие ограничения, которые связаны с устоявшейся традицией употребления. Как отмечает В.М. Огольцев, «в качестве элемента А устойчивого сравнения может выступать не любой предмет, обнаруживающий признак, общий с элементом В, а лишь тот, компаративная связь которого со сравнительной частью УС (mBC) закреплена общественным сознанием» [Огольцев 2010: 124].

Иными словами, связь признака-основания и образа сравнения с элементом А является устойчивой и воспроизводимой, она определяет так называемую «внешнюю валентность устойчивого сравнения».

Обратимся к особому, пожалуй, наименее исследованному аспекту анализа объектов образной характеристики в системе УС — **их возможному количеству**. Естественно, что речь пойдёт лишь о тех компаративных структурах, которые способны выступать объектом характеристики предмета(-ов) или человека (людей). Вопрос, которому посвящена данная статья, касается двух проявлений системности УС — их идеографической типологии и грамматического (а именно «числового») варьирования.

Возможности идеографической типологии УС определяются их логической структурой. Классифицировать устойчивые сравнения можно по всем трём основным компонентам компаративной структуры: по образу сравнения, по объекту приложения сравнения, по признаку-основанию. В результате применения **первого принципа** мы выделяем семантические группы слов, выражающих образы сравнений, и на этой основе строим классификацию самих компаративных единиц. Такая классификация оказывается, по сути, структурно-семантической. Используя **второй принцип**, мы ставим вопрос о тех предметах действительности, которые подвергаются образной характеристике в системе УС. Такая классификация УС «работает» на прагматический аспект анализа; она ярче всего обнажает антропоцентрическую природу системы УС. **Третий подход** порождает собственно «семантическую», или «тематическую» классификацию устойчивых компаративных единиц, поскольку значение УС — это, в сущности, и есть тот признак, который положен в основание акта сравнения. В этом аспекте понятие «семантический» оказывается тесно связанным с понятием «идеографический» (от гр. *idea* — «понятие» и *graphō* — пишу).

Наиболее распространённым подходом к этой проблеме является типология УС по признаку-основанию (С). Именно этот принцип положен в основу некоторых тематических словарей (в частности, словаря Л.А. Лебедевой, в котором выделены такие группы «постоянных сравнений», как «Внешность человека», «Физические качества человека», «Физические действия», «Черты характера» и проч.) [Лебедева 1998]. Типология УС по элементу С, хотя и представляет собой очень заманчивую задачу, наталкивается на ряд препятствий, из которых наиболее серьёзными являются три: а) полисемичность значительного числа УС при неразрывной связи значений, а следовательно, и признаков-оснований; б) отношения взаимообусловленности признака-основания, предмета образной характеристики и образа в компаративной структуре; в) высокая значимость прагматических факторов — условий употребления той или иной единицы, особенностей речевой ситуации. Опыт анализа подобных идеографических групп показывает целесообразность их дальнейшего членения на под-

группы. Так, в обширной группе «Внешность человека» выделяются УС, характеризующие а) части тела человека по форме, по размеру, по цвету; б) телосложение человека; в) его причёску; г) одежду; д) общее эстетическое впечатление, производимое внешним видом человека и т.п. [Ван Ливэнь: 146–149].

Другая возможная типология — по элементу В. В этом случае мы отталкиваемся от образа сравнения, группируя существительные, которые употребляются в качестве образной основы в наиболее продуктивных моделях устойчивых компаративных единиц: «наименования лиц (как сапожник, как актёр, как трубочист: как цыган, как араб), «наименования веществ» (как снег, как уголь, как известь, как вакса), «наименования растений» (как дуб, как берёзка, как лён, как мак); «наименования животных» (как слон, как медведь, как коза (козочка), как заяц, как осёл) и т.д. Ограниченность этой типологии состоит в том, что она охватывает лишь продуктивные модели, в которых в качестве образа В выступает существительное.

Наконец, третья типология — по элементу А. Как уже отмечалось, в специальных словарях указание на объект образной характеристики содержится во второй части дефиниции, которая представляет собой изъяснительную конструкцию в предложном падеже: «*О человеке*»; «*О ребёнке*», «*О женщине*» и т.п. Например: «*как (словно, точно) голубки [голубь с голубкой, два голубка]* 1. *Жить* — дружно, во взаимной любви и полном согласии, ладить. О супружеской паре. 2. *Ворковать*. Разговаривать, беседовать между собою — дружелюбно, с взаимной ласковостью, нежностью. О мужчине и женщине». (Подчёркнуто нами. — Е. О.) [Огольцев 2001: 129].

Сразу отметим, что предлагаемый в данной статье подход к типологии устойчивых сравнений не сводится ни к одному из выше упомянутых критериев (и вместе с тем он базируется на всех трёх). В центре нашего внимания будут способы языкового выражения одного небольшого участка русской языковой картины мира — представления о количестве, связанные с компонентом А — объектом образной характеристики. Основной теоретический вопрос, с которым непосредственно соотносится наша проблема — грамматическое варьирование форм числа компонента В — образа сравнения.

Отметим, что подобное варьирование проявляется регулярно почти у всех УС, построенных по основной модели — *mB*, где *m* — показатель компаративных отношений, а *B* — образ сравнения, существительное в именительном падеже. Так, УС *черный/как трубочист, пьяный / как сапожник, красивый / как ангел* и т.п. употребляются и по отношению к одному челове-

ку, и по отношению к двум (нескольким) лицам. Например: *Мы оба были в юбилейном подпитии, но если бы я был пьян как сапожник или сошёл с ума, то и тогда бы не унился до «этого духа» и «грязи» (поднялась же у Вас рука начертать это словечко!* (А.П. Чехов. Письма Л.А. Авиловой); И все обитатели этого места пили как сапожники, и я пил не хуже других. (А.Т. Аверченко. Автобиография); Пришел бы ко мне, у меня баня сегодня, хоть вымылся бы...» А я, правда, правда, ребята, как трубочист. (Ф.Абрамов. Дом); Когда идет пароход, они постоянно бросают в печь дрова и в это время ходят черные, как трубочисты, и только изредка любят люди. (Ф.М. Решетников. Подлипovsky); Случилось нам остановиться в большом селе, и мне отвели квартиру в доме одного купца, а у него была дочь, молодая девица, прекрасная, как ангел. (Архимандрит Спиридон (Кисляков). Исповедь священника перед церковью); Вышли две сестры Медянские, прекрасные как ангелы, и ангельскими голосами запели арию, которая, как тогда «Фантазия» Бетховена, унесла меня в светлый, идеальный мир. (А.В. Никитенко. Дневник)¹.

Совершенно особое место занимают случаи, когда устойчивое сравнение может быть употреблено только по отношению к двум лицам (предметам). Соответственно, слово, выражающее образ сравнения, употребляется только во множественном числе. Таковы, в частности, УС как близнецы [два близнеца], как две капли воды, как <родные> братья [два родных брата], как голубки [голубь с голубкой, два голубка], как петухи [два петуха]. Обратим внимание, что в подобных случаях варианты с количественно-именным сочетанием (два голубка, два петуха и проч.) прямо и точно указывают на количество: такие сравнения чаще всего употребляются по отношению к двум людям или двум предметам — очень похожим друг на друга или определённым образом взаимодействующим друг с другом: В почетный караул вставали Молотов и Шверник (как близнецы — лобастые, очкастые, усатые), Лозовский и Вышинский (в дипмундирах), провожали рабочие фабрик и заводов — чужие люди. (Александр Терехов. Каменный мост); Они были похожи, как два близнеца — но один воспитанный попросту, полный сил, а второй — изнеженный и уже изрядно потрепанный. (А.Д. Сахаров. Воспоминания).

Во фразеологических словарях, построенных по тематическому принципу, подобные устойчивые сравнения включаются в группу фразеологизмов типа «Сходство. Подобие. Разница. Отличие». Ср., в частности, эту группу в [Яранцев 1985]: как две капли воды, на одно

¹ Здесь и далее в качестве источника иллюстративного материала нами используется Национальный корпус русского языка. Режим доступа: URL: www.ruscorpora.ru

лицо, на одну колодку, на один покрой, одним миром мазаны, одного поля ягода *ягоды), два сапога пара, один в один, под пару и т.п.

Количественно-именное сочетание как вариант компонента В регулярно конкурирует в текстах с основной формой, а именно с формой множественного числа: В эти мгновения они были действительно настолько возбуждены, что готовы были наброситься, как петухи, друг на друга, и офицерам приходилось задолго до столкновения останавливать их пыл, размахивая палашами. (А.А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю); Оба махали руками, оба трясли ермолками и поднимались на цыпочки, как два петуха, готовые сцепиться. (В.Г. Короленко. Судный день).

Общую идею «пара предметов» выражает также ещё один вариант УС — конструкция «как (словно, точно, будто) + сущ. в им. п. + сущ. в твор. п. с предлогом с». В художественных текстах можно обнаружить все три названных нами способа выражения компонента В: Ребята ничего не понимали: ещё совсем недавно они оберегали Никитку от Митькиных кулаков, а теперь те жили душа в душу и ладили, как голубки. (А.И. Мусатов. Зелёный шум); Хотят ли сказать, как ладно живет муж с женой, как согласны брат с сестрой, как дружны между собой приятели и приятельницы, и непременно скажут: «Они живут, как голубь с голубкой, не наглядятся друг на друга». (С.Т. Аксаков. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии); Ещё одной новостью в быте Мандельштамов были свежие рассказы Нади об Ахматовой и её сыне, о том, как они садятся рядышком, как «два голубка». (Эмма Герштейн. Вблизи поэта).

Подобного варьирования мы обычно не наблюдаем в структуре довольно многочисленных УС, характеризующих парные органы людей, животных или части тела, состоящие из двух симметричных частей (*глаза, руки, ноги, уши, усы*): как бусинки (о маленьких, блестящих глазах человека), животного, птицы); как вишни (о чёрных глазах человека), как фары (о больших, выразительных или напряжённо-испуганных глазах человека), как гусиные лапы (лапки) (о покрасневших от холода руках или ногах человека), как угли (о блестящих, сверкающих глазах человека), как лопухи (о больших, торчащих ушах человека или о больших, огромных ушах животного), как оглобли (о длинных руках, ногах человека), как струны [струнки, струночки] (о прямых, тонких ногах животного, преимущественно лошади). Ср. также синонимические ряды: руки, ноги — тонкие как палки, как соломинки, как спички, как хворостинки; ноги — толстые как брёвна, как колоды, как поленья, как тумбы, как чурбаки:

Лицо Николай Лавров покрывал однотонным гримом, отчего его маленькие чуть с косинкой глаза

становились совсем крошечными, как бусинки, глаза-буравчики. (Юрий Никулин. Клоуна надо видеть); Дело в том, что сама Капитолина Алексеевна была толста до чрезвычайности, а вот ноги имела тонкие, как спички, что в Улыме считалось очень некрасивым. (Виль Липатов. Еще до войны). Таким образом, «парность» подобного объекта образной характеристики — соматизма никак не выражается в структуре УС, вероятно, в силу её самоочевидности. Подобной «имплицитной парностью» характеризуются и относящиеся к семантическому полю «Внешность человека» сравнения высокопродуктивной модели «как + имя существительное в род. п. с предлогом у»: как у моржа (об усах), как у орангутанга, как у обезьяны (о руках), как у осла (об ушах), как у филина, как у совы (о глазах) и мн. др.:

Он смотрел во все глаза на Лежандра, свирепел, а усы у него стали как у моржа, во все стороны. (Ю.Н. Тынянов. Восковая персона); Долго рассматривал со всех сторон, решительно скинул тряпье и голый полез длинными, как у орангутанга, руками в рукава, но рукава — по локоть. (А.С. Серафимович. Железный поток); В дверь торопливыми шагами прошел человек невысокого роста, с конопатым некрасивым лицом, бритый, нескладно сложенный, с длинными, как у обезьяны, руками и короткими ногами. (П.Н. Краснов. От Двуглавого Орла к красному знамени); Когда он оборачивался ко мне лицом, мне виднелись тонкие губы, бородёнка клином, сморщенное лицо и, как у осла, большие уши... (С.П. Подъячев. Мытарства); Глаза у малыша были круглые, как у филина, и сияли восторгом и ужасом. (А.И. Пантелеев. Ленька Пантелеев); Должно быть, это было действительно ужасно — глаза старика позеленели и стали круглыми, как у совы. (Максим Горький. Мои интервью).

В системе русских устойчивых сравнений есть и другие структурные типы единиц, также характеризующих два тесно связанных между собой предмета: как в море корабли (прост.) 'Разойтись — навечно, навсегда. Утратить дружеские или супружеские связи'. В данном случае «парность» объекта приложения образной характеристики отчасти выражается формой множественного числа образа сравнения («корабли») и подтверждается многочисленными примерами: Давайте мне пятнадцать суток... и разоидемся, как в море корабли. (Василий Шукшин. Как Андрей Куринов, ювелир, получил 15 суток); — Обниматься некогда, — сказал он, — прощай, любимая! Мы разошлись, как в море корабли. — Каррраул! (Илья Ильф, Евгений Петров. Двенадцать стульев); — Встречались когда-то... на заре туманной юности... Но — разошлись, как в море корабли... Захаживайте, милости прошу. (В.Ф. Панова. Времена года. Из летописей города Энска).

Отметим, что в словарном толковании этого устойчивого сравнения также содержится явное указание на два предмета, два лица (или две группы людей): см. глагол «разойтись». По данным Национального корпуса русского языка, в подавляющем большинстве случаев (83% от общего количества зафиксированных примеров) УС как в море корабли употребляется именно с этим словом-сопроводителем (встречаются также другие глаголы с префиксом раз- в том же значении: *разминулись, разъехались, разбежались*).

По отношению к двум лицам употребляется также УС словно (точно, будто) чёрная кошка пробежала между кем и кем. 'О близких людях, друзьях, вдруг охладевших друг к другу безо всякой видимой причины'. В словарном толковании «парность» объекта сравнения выражается компонентом «друг к другу», а в заголовочной части статьи — ещё и предложно-падежной конструкцией «между кем и кем». Последняя составляет обязательное словесное окружение УС (компоненты, которые не всегда входят в собственно компаративную структуру, но чрезвычайно важны в прагматическом плане, при употреблении сравнения в речи) [Огольцев 1974: 171–172]

Компонент друг друга содержится и в толковании УС как пауки в банке 'Быть, жить в состоянии ожесточённой вражды, драться, грызться, пожирать друг друга. О людях' [1, с. 453]: У него имелись горячие поклонники среди всех групп высшего начальства, которые в это время с лихорадочной поспешностью сменяли одна другую, поедая друг друга, как пауки в банке. (Юрий Елагин. Укрощение искусств); Эти руководители и управляемое ими «большинство» — контрреволюционны по своим стремлениям и надеются, что во вспыхнувшей распре коммунисты всех толков пожрут друг друга, по выражению Ленина же, как пауки в банке. (А.Л. Казем-Бек. Из речи «Первые итоги»).

Если УС как пауки в банке может относиться и к двум лицам, и к двум группам людей, и ко множеству лиц, каждое из которых имеет своего воздействия другого (других) людей, то сравнение *жить как кошка с собакой* употребляется исключительно по отношению к паре людей, вынужденно связанных общими жизненными условиями, территорией проживания, но при этом постоянно ссорящихся между собой: Игорь

с матерью грызутся как кошка с собакой. (Хочу быть сиротой // «Истории из жизни», 2004); Родители тоже ссорятся всё время, как кошка с собакой. (Михаил Гиголашвили. Экобаба и дикарь // «Зарубежные записки», 2009); — Ведь она жила с фельдшером, как кошка с собакой, и для нее праздник, если его уволят. (А.П. Чехов. Неприятность).

Сделанные нами предварительные наблюдения позволяют сделать следующие выводы:

1. В русской системе УС количественный аспект элемента А (объекта приложения образной характеристики) имеет следующие основные варианты своего проявления: большое / малое количество предметов (лиц) и пара предметов (лиц). Таким образом, устойчивые сравнения представляют собой ещё одно, пока не затронутое специальными исследованиями языковое проявление категорий «множественности» и «парности».
2. В лексикографической практике парность объекта компаративной характеристики выражается целой системой взаимосвязанных способов: формой множественного числа слова, выражающего образ сравнения (В), указанием на возможность его формально-грамматического и семантического варьирования, сопровождаемыми глаголами «разойтись», «разбежаться», «разъехаться», «разминуться», а также особыми компонентами дефиниции «друг друга», «друг с другом», «между кем и кем», «между собою» и т.п.
3. Устойчивые сравнения, имеющие объектом своего приложения два предмета, довольно многочисленны. Как правило, они характеризуют либо предельное внешнее сходство этих предметов (частей тела), либо отношения двух людей (близость, родство душ, привязанность или, наоборот, враждебность, непонимание, склонность к грызне, драчливости взаимному истреблению и т.п.).
4. Языковые закономерности, связанные с выражением объекта образной характеристики в семантике воспроизводимой компаративной конструкции, неразрывно связаны с варьированием слов, выражающих её образное ядро, а также с проблемой идеографической классификации устойчивых сравнений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Ливэнь. Внешность человека как объект образной характеристики в системе устойчивых сравнений русского языка: диссертация кандидата филологических наук: 10.02.01 / Ливэнь Ван. — М., 2015. — 247 с.
2. Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка: Тематический словарь / Л. А. Лебедева. — Краснодар: Кубанский госуниверситет, 1998. — 264 с.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] // URL: www.ruscorpora.ru [НКРЯ];

4. Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимно-антонимический). / В. М. Огольцев. — М.: «Русские словари»; Изд-во «Астрель»; Изд-во «АСТ», 2001. — 800 с.
5. Огольцев В. М. Устойчивые компаративные структуры в системе современного русского языка: дис. ... доктора филол. наук / В. М. Огольцев. — Сыктывкар, 1974. — 370 с.
6. Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии: Монография. — Изд. 2., испр. и доп. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — 192 с.
7. Яранцев Р. И. Словарь-справочник по русской фразеологии / Р. И. Яранцев. — М.: Русский язык, 1985. — 304 с.

© Огольцева Екатерина Васильевна (tertiumcomp@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский педагогический государственный университет

СЕГМЕНТАЦИЯ РЕЧИ И ЕГО ФУНКЦИИ

SPEECH SEGMENTATION AND ITS FUNCTIONS

Z. Rzayeva

Summary. There is discussed the segmentation of speech and its functions in the article. Speech segmentation — the syntagmatic division of speech has a peculiar character. Here, comparing speech segmentation with syntactic division, the author concludes that the boundaries of these divisions sharply and clearly differ from each other. In the first case, intonation and pause play the most important role. And in the second case, grammatical indicators dominate. Both factors are frequency and are often found in speech texts.

Keywords: syntagma, segmentation, articulation, pause, speech activity, speech text, intonation.

Рзаева Зумруд Эльяр кызы

Диссертант,

Гянджинский Государственный Университет

zuma_777@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается сегментация речи и его функции. Сегментация речи, т.е. синтагматическое членение речи имеет своеобразный характер. Здесь автор, сравнивая сегментацию речи с синтаксическим членением, делает вывод о том, что границы данных членений резко и четко отличаются друг от друга. В первом случае, важнейшую роль играет интонация и пауза. А во-втором случае, грамматические показатели доминируют. Обе факторы являются частотными и часто встречаются в речевых текстах.

Ключевые слова: синтагма, сегментация, членение, пауза, речевая деятельность, речевой текст, интонация.

Для рассмотрения сегментации речи прежде всего надо определиться с понятием синтагмы. Синтагма является минимальной единицей, образующейся в результате самой сегментации. По точному замечанию Е.А. Седельникова, «термин «синтагма» разделяет участь многих лингвистических терминов: разные авторы вкладывают в него неодинаковое содержание и поэтому, говоря о синтагме, рассматривают по существу различные явления» [12, с. 73]. Это связано с тем, что понятие синтагмы по-разному рассматривается в работах Ф. де Соссюра и Л.В. Щербы, наделившего его совершенно иным, по сравнению с Соссюром (и И.А. Бодуэном де Куртенэ, у которого и заимствовал этот термин Л.В. Щерба), содержанием. Как нельзя лучше этот тезис иллюстрирует работа А.А. Реформатского «Пролегомены к изучению интонации», в которой он критикует употребление термина «синтагма» в понимании Л.В. Щербы, при этом оставаясь на соссюровских позициях [9].

В отличие от Ф. де Соссюра, который толковал синтагму как последовательность двух и более языковых единиц (морфем, слов, словосочетаний, предложений), Л.В. Щерба определяет ее как «фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи-мысли и могущее состоять как из одной ритмической группы, так и из целого ряда их» [14, с. 87], т.е. опирается именно на смысловые отношения, формирующие некое интонационное единство, подчеркивает важность речемыслительной деятельности при членении высказывания. Позиция Л.В. Щербы нашла поддержку у В.В. Виноградова. Он отмечает, что щербовская «теория синтагм ничего общего не имеет с учением о синтагме

Ф. де Соссюра», которое, будучи доведенным до абсурда, «само разоблачало себя, свою пустоту и свою полную оторванность от живых процессов синтаксического строя русского литературного языка» [4, с. 196, 205]. Это отмечал и сам Л.В. Щерба: «я употребляю этот термин в другом смысле, чем Соссюр» [14, с. 87].

По словам В.В. Виноградова, понятие синтагмы (с тем содержанием, которое в него вкладывал Л.В. Щерба) «не навязано языку искусственно и насильственно, т.е. оно соответствует реальным явлениям речи», оно «помогает глубже и тоньше вникнуть в синтаксический строй предложения и в его семантику» [4, с. 248]. В своей работе ученый дает развернутую характеристику этому понятию и утверждает, что синтагма является семантико-синтаксической единицей речи, которая отражает «кусочек действительности», наполненную живой экспрессией и интонацией данного сообщения [4, с. 253].

В.В. Виноградов отмечает, что «в языке нет зафиксированных синтагм»: все они «являются творчеством, производством речевой деятельности человека» [4, с. 211], при этом правила и возможности их образования заложены в самой системе языка. Следствием этого является то, что «синтагма наполняется конкретным смысловым содержанием лишь в контексте речи» [4, с. 211]. Кроме того, синтагма — категория стилистического синтаксиса, и с этой ее особенностью В.В. Виноградов связывает возможность различного синтагматического членения одного и того же предложения. Так, предложение *Мой двоюродный брат вчера вечером приехал ко мне* может, по мнению ученого, в зависимости от стиля речи и задач сообщения представлять собой одну, две, три,

четыре и даже пять синтагм [4, с. 250]. Говоря о синтагматическом членении речи, В. В. Виноградов обращает внимание на то, что его «нельзя смешивать с традиционным делением предложения на «члены предложения» [4, с. 212]. При этом оно зависит от способов сочетания слов в данном языке, от их связей и функций в предложении, от грамматического строя предложения, от принципов образования словосочетаний. Фонетическое единство синтагмы, о котором говорит в своем определении Л. В. Щерба, достигается «усилением последнего ударения» [14, с. 88]: «все слова, предшествующие последнему слову, несут только обычное словесное ударение, тогда как это последнее характеризуется усиленным ударением, которое можно назвать синтагматическим. Если в предложении несколько синтагм, то и синтагматических ударений несколько» [1, с. 160–161]. Также фонетическое единство синтагмы проявляется в невозможности паузы внутри синтагмы. Подчеркивать фонетическую целостность синтагмы могут и другие средства, например, возможное переразложение слогов, различные виды ассимиляций на стыке слов внутри синтагмы (Пусть сильнее гряне/т б/уря!) [13, с. 68]. Тем не менее, супraseгментные средства остаются ведущими в фонетическом оформлении синтагмы. В определении синтагмы, которое дает В. В. Виноградов, названы планы (их три), которые должны учитываться при характеристике синтагмы: семантический, синтаксический и интонационный. Л. Л. Буланина считает, что синтагма в семантическом плане — один из отрезков осмысленно расчлененной речи. А в синтаксическом плане она является «отрезком синтаксически правильно расчлененной речи». Но в интонационном синтагма — это интонационно оформленный отрезок речи. [3, с. 170–171], т.е. оформленный при помощи элементов интонации. Однако необходимо учитывать, что «интонация не есть способ образования синтагмы, она есть лишь один из общих активных способов выражения смысловых заданий, которое в данном контексте и в данной ситуации выражает одно понятие и может состоять как из одного слова, так и из группы слов и целого предложения» [11, с. 347]. от-тенков. Синтагма не создается интонацией, а лишь выражается ею» [4, с. 246].

Характер сегментации определяет смысл высказывания; кроме того, «расчлененная на синтагмы речь становится более богатой по содержанию, более выразительной и более удобной для восприятия» [3, с. 172]. В результате создаются наилучшие условия для речевой коммуникации. Говоря о синтагматическом членении, Л. Л. Буланин называет три его функции: различительная, образующая и стилистическая.

При различительной функции «сегментация речи выявляет различный смысл и различную синтаксическую структуру внешне совершенно одинаковых фраз»

(например: Казнить, / нельзя помиловать и Казнить нельзя, / помиловать; Олег, / чувствовал дочь, / не зря игнорировал его и Олег чувствовал: / дочь не зря игнорировал его). Е. А. Брызгунова отмечает, что «смыслоразличительные возможности сегментации зависят от особенностей синтаксического и грамматического строя языка» и в русском языке в целом незначительны. В большинстве случаев оно «может изменять или подчеркивать оттенки мысли, а не самую мысль, выраженную в предложении» [2, с. 118]. Образующую функцию сегментации можно наблюдать при «...различении вариантов одного и того же смысла при помощи более или менее дробного членения на синтагмы» [3, с. 173] (Увидимся завтра вечером и Увидимся завтра, / вечером; во второй фразе, представляющей собой семантический вариант первой, уточняется время встречи). Эта функция связана с наличием в предложении определенных синтаксических конструкций, к которым относятся уточняющие и обособленные члены предложения, однородные определения. Стилистическая функция сегментации заключается в подчеркивании, выделении части высказывания, имеющей больший вес. При более детальном членении «отдельные части высказывания становятся как бы более яркими, более значительными по смыслу» [3, с. 175].

В связи с вопросом о сегментации речи Е. А. Брызгунова различает два типа синтагм: минимальную и основную. Минимальными синтагмами являются те, которые внутри себя не допускают дальнейшего членения. В русском языке такими синтагмами в простом предложении могут быть: а) обстоятельственные группы, не осложненные перечислением или пояснением (В двух километрах от города / начинался лес); б) причастные и деепричастные обороты (Лукаво усмехнувшись, / он посмотрел на ребят); в) словосочетания с предлогами, выражающими причину, цель, следствие, условие (Из-за дождя / экскурсия не состоялась); г) однородные члены предложения (Мы ехали к скалам, / сверкающему на солнце морю, / ветвистым пальмам, / стройным кипарисам) [Брызгунова 1963, с. 168–169]. Основные синтагмы «выражают в речи основную сегментацию, без которого трудно было бы выразить мысль и его понять» [2, с. 119]. Примерами основных синтагм могут служить составные части сложносочиненных и сложноподчиненных предложений (Прозвонил будильник, / и я проснулся; Когда пришла телеграмма, / он был уже далеко). Кроме того, основные синтагмы могут состоять из одного слова, словосочетания (в этих случаях они являются минимальными), предложения или двух предложений. В качестве основных синтагм могут выступать односинтагменные предложения, которые членимы на минимальные синтагмы (Продавали билеты па гастроли французского драматического театра). «Когда мы говорим о возможностях вариантов членения, мы говорим о возможном

членении основной синтагмы на минимальные. Понятие минимальной и основной синтагм отражает основные свойства синтагматического членения речи: с одной стороны, возможность вариантов членения, с другой стороны, зависимость членения от синтаксического строя языка и в связи с этим ограничение членения» [2, с. 110].

Сегментация речи может осуществляться при помощи пауз, которые «обычно усиливают раздел между единицами членения речи» [6, с. 101–129], однако это не единственное средство членения: «при тесной смысловой связанности двух синтагм граница между ними обозначается не паузой, а лишь сменой мелодии», которая «находит свое выражение в переходе от законченного мелодического рисунка предыдущей синтагмы к новому мелодическому рисунку следующей синтагмы (в переходе от более высокого мелодического уровня к более низкому, и наоборот)» [8, с. 5]. Как отмечает Л. В. Бондарко, «межсинтагменные паузы обычно встречаются довольно редко, так как связная речь, как правило, непрерывна» [1, с. 17–23]. О. Ф. Кривнова границу между синтагмами называет просодическим швом. По ее определению, это линейно-временная точка в порождаемом высказывании, «которая совпадает с концом вербально-смыслового фрагмента, факт построения которого маркируется ритмическими или собственно-интонационными средствами» [7, с. 228]. Таким образом, О. Ф. Кривнова также отмечает, что артикуляторно-перцептивный разрыв на просодическом шве может создаваться с помощью как паузы, так и перебора в течении речи [7, с. 228, 232]. По словам Е. А. Брызгуновой, «наибольшие возможности паузы при сегментации проявляются в тех высказываниях, где слово на границе членения может быть отнесено и к предшествующей, и к последующей синтагмам, граница уровней тона которых выражена недостаточно» [2, с. 99]. Важнейшим средством синтагматического членения Е. А. Брызгунова вслед за Л. В. Щербой называет синтагматическое ударение [2, с. 113], под которым понимается одно наиболее сильное ударение в синтагме (им выделяется самое важное по смыслу и часто последнее в синтагме слово).

Синтагматическое ударение противопоставлено фразовому ударению (или, иначе, интонации точки), которое «выражает законченность предложения и характеризуется понижением тона на последнем слове» [2, с. 113], и логическому ударению. По замечанию Н. Д. Светозаровой, термин «фразовое ударение», употребляющийся наряду с термином «синтагматическое ударение», помогает отразить иерархию ударений в синтагме, так как «в многосинтагменной фразе синтагматические ударения, организующие отдельные синтагмы, редко бывают равноценными»: «чаще всего одно из них (находящееся в наиболее важной по смыслу или в последней синтагме) доминирует над другими» [11, с. 61].

К традиционному набору маркеров границы синтагм Н. Б. Вольская и С. Б. Степанова добавляют наличие предпаузального удлинения: «некоторое затягивание последних слогов перед границей синтагмы», которое «встречается и в тех случаях, когда пауза на границе синтагмы отсутствует» [5]. Связь между синтагмами реализуется при помощи такими явлениями как мелодика, темп и пауза: «если паузы нет, то при отсутствие понижения тона на одной из синтагм свидетельствует о тесной связи; одном темпе и мелодическом уровне произнесение двух синтагм свидетельствует об их равноправности; убыстрение темпа и понижение мелодики на одной из синтагм связано с ее подчиненностью другой» [1, с. 17–23].

Сопоставление сегментации с синтаксическим членением показало, что синтаксическое членение на высказывания совпадает с соответствующим интонационным членением примерно в половине случаев, что, по-видимому, обусловлено превалированием в спонтанной речи содержания над формой. Также в результате этого сопоставления были выделены различные типы несоответствия интонационной и синтаксической разметки, одни из которых являются достаточно частотными и регулярно встречаются в большинстве текстов, другие — периферийными, что особенно ярко выдает их ненормативный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко Л. В. Спонтанная речь и организация системы языка // Бюллетень фонетического фонда. № 8. Фонетические свойства русской спонтанной речи. СПб.-Бохум, 2001, с. 17–23
2. Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика. Т. I. М., 1980, с. 96–122
3. Буланин Л. Л. Фонетика современного русского языка. М., 1970
4. Виноградов В. В. Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950, с. 183–256
5. Вольская Н. Б., Степанова С. Б. О некоторых проблемах синтагматического членения спонтанного текста // Материалы XXXIV международной филологической конференции. Секция фонетики. СПб., 2005, с. 122–130
6. Ганцкая Т. Б. Интонационная организация повествовательной фразы во французском языке // Труды военного института иностранных языков. 3–4. Вопросы интонации / под ред. проф. В. А. Артемова. М., 1953, с. 101–129.
7. Кривнова О. Ф. Смысловая значимость просодических швов в тексте // Проблемы фонетики. III. М., 1999, с. 247–257

8. Панкрац Г. Я. Об интонации и ее основных компонентах. Алма-Ата, 1959
9. Реформатский А. А. Прологомены к изучению интонации // А. А. Реформатский. Фонологические этюды. М., 1975, с. 5–73
10. Светозарова Н. Д. Некоторые особенности фонетики русской спонтанной речи // Бюллетень фонетического фонда, № 8. Фонетические свойства русской спонтанной речи. СПб.-Бохум, 2001, с. 7–15
11. Светозарова Н. Д. Пауза // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990, с. 369
12. Седельников Е. А. Еще о синтагматической теории // Вопросы языкознания, 1961, № 1, с. 73–82
13. Современный русский язык. Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. Пунктуация / под ред. Л. А. Новикова. СПб., 2001. Сосюр 1977
14. Щерба Л. В. Фонетика французского языка. М., 1953

© Рзаева Зумруд Эльяр кызы (zuma_777@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Гянджик

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ США В СТЕРЕОТИПАХ АМЕРИКАНСКОЙ ПЕРИОДИКИ НА ПРИМЕРЕ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ “U.S. ARMED FORCES IS FAMILY”

**THE U.S. ARMED FORCES STEREOTYPES
IN THE MIRROR OF AMERICAN PRINTED
MEDIA AS EXEMPLIFIED
BY THE METAPHORICAL MODEL
“U.S. ARMED FORCES IS FAMILY”**

**A. Romanov
I. Balkanov**

Based on the theory of metaphorical modeling and descriptor theory of metaphor, the author makes an attempt to analyze metaphorical models of the American military-political discourse dedicated to the U. S. Armed Forces. The object of scientific research focuses on the U.S. printed mass media disseminating in the military-political discourse positive social stereotypes on the U. S. Armed Forces and GI's moral image. The subject area dwells on metaphorical images of the U.S. military as exemplified by the metaphorical model “U.S. ARMED FORCES IS FAMILY”. This article is intended for philologists and a broad audience.

Keywords: U.S. printed media; military-political discourse; U. S. Armed Forces; military subculture; stereotyping; metaphorical modeling; metaphorical model “U.S. ARMED FORCES IS FAMILY”.

Романов Александр Сергеевич

К.филол.н., докторант, ФГКВБОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации
biyalka@mail.ru

Балканов Илья Владимирович

К.филол.н., старший преподаватель, ФГКВБОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации
i-balkanov@mail.ru

Аннотация. С опорой на теорию метафорического моделирования и дескрипторную теорию метафоры предпринимается попытка осмысления метафорических моделей военно-политического дискурса, посвященного вооруженным силам США. Объектом научного исследования избрано печатное слово американских СМИ, тиражирующих положительные социальные стереотипы об американской армии и моральном облике ее военнослужащих. Предметную область исследования составляют метафорические образы социального института вооруженных сил США на примере метафорической модели “U.S. ARMED FORCES IS FAMILY” — «ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ США — это СЕМЬЯ». Статья адресована специалистам филологического профиля и широкой аудитории.

Ключевые слова: американские печатные СМИ; военно-политический дискурс; вооруженные силы США; армейская субкультура; стереотипизация; метафорическое моделирование; метафорическая модель “U.S. ARMED FORCES IS FAMILY”.

Введение

В рамках настоящего исследования предпринимается попытка дальнейшего осмысления природы социально-психологического феномена стереотипизации на языковом материале, относящимся к армейскому языковому коллективу *GI*¹. Анализируется медийно-опосредованное социальное моделирование положительного имиджа вооруженных сил США (далее также — ВС США) через посредство актуализации стереотипов массового сознания. Объектом научных изысканий избрано печатное слово американских СМИ, способствующих кристаллизации и закреплению в кол-

лективном сознании обывателя положительных социальных стереотипов об американской армии и моральном облике ее военнослужащих. Предметную область исследования составляют метафорические образы института вооруженных сил США на примере метафорической модели “*U.S. ARMED FORCES IS FAMILY*” — «**ВС США — это СЕМЬЯ**». Рассчитанные на максимальный охват целевой аудитории СМИ выступают мощным инструментом трансляции и внедрения стереотипов в сознание своих читателей. Целью лингвокультурологического анализа ставится описание доминирующих метафорических репрезентаций вооруженных сил в медийном пространстве США. Прагматический вектор исследования направлен на оптимизацию межкультурного взаимодействия, повышение уровня профессиональной компетенции военных переводчиков.

Анализ метафорических образов социального института вооруженных сил США проводится на материале аутентичных текстов американской периодики. Эмпи-

¹ GI (Joe) — рядовой, солдат (образовано от government issue — досл. казенный, казенного образца; отпускаемый за казенный счет). Наиболее часто номинация GI использовалась в связи с предметами снаряжения и обмундирования рядовых солдат. Представляется, что наименование GI восходит к шутовому суждению о том, что сами военные являются продуктом жизнедеятельности государственной машины [6, с. 120–121], [25, с. 163–164].

рическую базу исследования, проводимого в синхроническом ракурсе, составили печатные и онлайн-версии авторитетных американских изданий: *Chicago Tribune*, *New York Post*, *The New York Times*, *The Wall Street Journal*, *The Washington Post*. Совокупный корпус проанализированного материала представлен преимущественно статьями названных изданий за 2012–2018 гг.

Метафорическая модель “U.S. ARMED FORCES is FAMILY”

С опорой на теорию метафорического моделирования и дескрипторную теорию метафоры предпринимается попытка осмысления метафорических моделей военно-политического дискурса, посвященного вооруженным силам США. Под метафорической моделью, по А. П. Чудинову, понимается бытующая и / или формирующаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами: сферой-источником (сферой метафорической экспансии) и сферой-магнитом (сферой метафорического притяжения) [8, с. 69–70]. Внедрению в общественное сознание положительных репрезентаций вооруженных сил США способствует тактика положительного дефинирования. Упомянутая тактика реализуется через синтаксическую модель «X — это Y», где X — ВС США или собирательный образ американского военнослужащего, а Y — определяющая лексема или словосочетание, индуцирующая у реципиента стереотипы заданной перцептивной модальности. Участвующих в формировании метафорического значения образ не является обособленным и единичным. Метафорические отождествления семантически коррелируют с другими образами и в совокупности образуют метафорическую модель, определяющую стереотипы ментального восприятия окружающей действительности [4, с. 41].

Текстовые произведения американских массмедиа исследуются в языковом, персуазивном (с использованием денотативных семантических параллелей) и суггестивном аспектах (основанных на коннотациях метафорических образов) [3, с. 125]. Понятие персуазивности (от лат. *persuadere* — уговаривать) соотносится с воздействием автора сообщения (письменного или устного) на целевую аудиторию с целью ее убеждения, призыва к совершению или отказу от совершения тех или иных действий. Под суггестивностью (суггестией) понимается скрытое воздействие — принимаемое на веру внушение, наведение на мысли (от лат. *suggerere* — внушать) [9, с. 25–26].

Стереотипогенная метафорическая модель “*U.S. ARMED FORCES is FAMILY*” имеет следующую структуру:

- ◆ Фрейм 1. “*U. S. Armed Forces is Nucleus*” — «ВС США — это Единое целое» (фрейм включает сле-

дующие слоты: слот А. “*Spiritual Bond*” — «Духовная связь», слот В. “*Physical and Emotional Bond*” — «Эмоционально-физическая связь»);

- ◆ Фрейм 2. “*U.S. Armed Forces is Blood Proximity*” — «ВС США — это Кровное родство» (фрейм представлен слотами: слот А. “*Brotherhood / Fraternity*” — «Братство», слот В. “*Caste*” — «Каста»).

В основе социоморфной метафорической модели “*U.S. ARMED FORCES is FAMILY*” находится концептосфера «Семья». Через посредство СМИ в автохтонном языковом сознании носителей американской лингвокультуры культивируется стереотип о том, что вооруженные силы США представляют собой не просто один из социальных институтов государственного волеизъявления с позиции силы. В американском военно-политическом дискурсе армия представлена как самобытная социокультурная общность, сплоченная духовными узами, историческим прошлым, чувством сопричастности к судьбам США, системой аксиологических координат, родственными отношениями, особым вербальным индикатором кастовой принадлежности, — армейским идиомом. В коммуникативном пространстве американских массмедиа вооруженные силы нередко метафорически изображаются в образе семьи. Семья как один из важнейших элементов социальной структуры представляет собой основанное на браке или кровном родстве объединение людей, связанное узами триады супружества — родительства — родства [2, с. 394–395]. Эксплицитный посыл семейного родства американских военнослужащих прослеживается на примере таких единиц армейского социолекта и лексико-фразеологического массива, как *pop (papa / dad)* — командир воинской части, *bro* — брат (сленгизм характеризуется гендерной инклюзивностью и может быть адресован как мужчинам, так и женщинам-военнослужащим), *sole mate* — родственная душа, брат по разуму; *brotherhood / fraternity* — братство, *brothers and sisters in arms* — братья и сестры по оружию, *as one man / all to the last man / all is one and one is none / there’s safety in numbers* — один за всех и все за одного, один в поле не воин, сила в единстве; *shoulder to shoulder* — плечом к плечу и др. (Судзиловский, 1973), (Dickson, 2003), (Taylor, 2010), (Axelrod, 2013).

Ключевыми функциями вооруженных сил, осмысленных в понятиях фамилизма, выступают воспроизводство новых поколений *GI*, их социализация и поддержание «родственных» связей между членами социально-профессиональной среды военнослужащих. В иерархии семейных ценностей, перенесенных на военный социум, главенствующая роль отведена надлежащему исполнению воинского долга, воспитанию чувства коллективной ответственности за будущее нации, обеспечению непре-

рывности межпоколенной эстафеты преемственности и воспроизводства аксиологических ориентаций воинской касты.

Фрейм 1.
“U. S. Armed Forces is Nucleus”

В контексте рассматриваемого метафорического образа воинский коллектив концептуализирован как целостная ядерная структура. С позиции американских СМИ, вооруженные силы США — это монолит профессионалов-единомышленников, сплоченных общей ментальностью, духом товарищества и взаимовыручки, незыблемостью высоких идеалов защитника США, общими повседневно-бытовыми условиями профессиональной деятельности. Стабильность культурного ядра военного социума обеспечивается взаимопроникновением двух центростремительных сил: духовным единением и эмоционально-физической связью *GI*.

Слот А. “Spiritual Bond”

В основе духовности социально-профессиональной среды военнослужащих лежит идея сакрализации межличностных взаимоотношений воинского братства. Сказанное может быть подкреплено устойчивыми речевыми формулами армейского идиома — девизами родов войск и видов вооруженных сил США. Воинский девиз есть не что иное, как воплощенная в знаках языка манифестация корпоративного духа воинского коллектива. В качестве иллюстративного материала приведем девизы боевых частей и соединений сухопутных войск США (дивизий, отдельных бригад, полков), эксплицирующие систему ценностных ориентаций *GI*. “*Duty, Honour, Country*” — «Долг, Честь, Отечество» (U.S. Military Academy at West Point), “*All the Way!*” — «От начала и до конца!» (82nd Airborne Division), “*Rendezvous with Destiny*” (“*Ne desit Virtus*”) — «Рандеву с судьбой» (101st Airborne Division), “*Climb to Glory*” — «Восхождение к славе» (10th Mountain Division), “*If not US, Who? If not Now, When?*” — «Если не Мы, то Кто? Если не Сейчас, то Когда?» (173rd Airborne Brigade), “*Iron soldiers!*” — «Железные воины!» (1st Armored Division), “*No Mission Too Difficult, No Sacrifice Too Great—Mission First!*” — «Невыполнимых задач не бывает, как не бывает слишком больших жертв. Боевая задача превыше всего!», “*Duty First, First to Fight*” — «Долг превыше всего, первыми в бой» (1st Infantry Division), “*Steadfast and Loyal*” — «Непреклонные и верные» (4th Infantry Division), “*Ready to Strike, Anytime, Anywhere*” — «К бою готовы в любое время и в любом месте» (2nd Cavalry Regiment), “*Facta Non Verba*” (“*Deeds, not Words*”) — «Не словом, но делом» (143rd Field Artillery Regiment), “*Hell on Wheels*” — «Преисподняя на колесах» (2nd Armored Division), “*Leadership and Integrity*” — «Лидерство

и сплоченность» (4th US Army), “*De oppresso liber*” (“*To free the oppressed*”) — «Освободить угнетенных» (U.S. Army Special Forces) [6, с. 155], [10, с. 137–138], [22], [27]. Семантическое ядро приводимых девизов родов войск и видов вооруженных сил США пропитано духом самоотречения и жертвенности американского солдата во имя всеобщего национального процветания.

Духовная связь военнослужащих находит свое отражение в межпоколенной эстафете социально значимого опыта и культурно-исторического наследия военного социума. Сохранение и передача последующим поколениям аксиологического ядра лежит в основе самовоспроизводства воинской касты. Именно поэтому военнослужащие так ценят обычаи и традиции, ревностно оберегают историческое прошлое. Обратимся к иллюстративному материалу американской периодики.

- ◆ “*The adjutant general said “not taking this oath solemnly and with the utmost respect is firmly against the traditions and sanctity of our military family and will not be tolerated.”*” [11]. В сознании военного человека церемония принятия воинской присяги — сакральный ритуал, и любое проявление неуважения к традициям воинства есть святотатство. Императив почитания устоев благочестивой военной семьи наталкивает нас на религиозную составляющую анализируемой социоморфной метафоры с исходной понятийной сферой «Религия». Названная сфера метафорической экспансии имеет положительную коммуникативную направленность: *GI* канонизируются, уподобляются мученикам, возводятся на пьедестал почета и уважения. Нарушение пресловутой патриотической корректности воспринимается как акт грехопадения американского общества. Широкое употребление кванторных лексем (we, our, together, each other) служит цели усиления эмотивного воздействия на целевую аудиторию, подчеркивает семы общности и единения военнослужащих. Ср.:
- ◆ “*In Congress as on television, generals are treated with awed respect, service members spoken of as if they were saints. <...> The greater the sacrifice that has fallen on one small group of people, the members of the military and their families, the more we have gone from supporting our troops to putting them on a pedestal <...>.*” [16].
- ◆ “*<...> violating the rules of patriotic correctness is a far worse sin in the eyes of the American public than sending soldiers to die uselessly <...>.*” [21].
- ◆ *If we don't do this, we risk our country slipping further into the practice of a fraudulent form of American patriotism, where “soldiers” are sacred,*

the work of actual soldiering is ignored and the pageantry of military worship sucks energy away from the obligations of citizenship." [Ibid].

Мистическая алхимия братских уз ассоциируется с понятием сплоченности воинского коллектива, который закаляется в бою. В основе особого духовного родства военнослужащих лежит боевое крещение. *Baptism of fire* — первый опыт преодоления тяжелого в моральном или физическом отношении испытания. Предположительно, этимология приводимого изречения связана со смертью предаваемых огню мучеников. В XIX веке во Франции идиома получает новую интерпретацию, соотносимую с получением военнослужащим первого боевого опыта [12, с. 19]. Согласно христианской традиции, выражение «крещение огнем» есть не что иное, как крещение страданиями, гонениями и испытаниями во имя веры, во имя Христа. Идиома акцентирует внимание адресата на идее о том, что военная служба неизменно связана с риском для жизни, тяготами и преодолением трудностей [5, с. 159]. Ср.:

- ◆ *"Countless people also question how units will maintain the mystical alchemy of the bro-bond once women join the ranks, but unit cohesion doesn't develop because men act like teenagers in a locker room. Overcoming adversity builds that bond."* [20].

Слот В. "Physical and Emotional Bond"

Социально-психологической основой физической и эмоциональной близости членов воинского коллектива выступают основанная на чувстве коллективизма совместная профессиональная деятельность и необходимость постоянной координации усилий. Воинский коллектив формируется в рамках организационной структуры подразделений с их системой управления, вооружения, распределения обязанностей, образа жизни, быта и отдыха. Приводимые рассуждения в полной мере отражены в емком армейском слогане: *the Army is one team and each of us has something to contribute* — вооруженные силы — единый коллектив, в котором каждый из нас способен внести свою лепту. Подкрепим сказанное иллюстративным материалом:

- ◆ *"In the Army we are taught that are we are all one team <...>"* [23, p. 10]; *"Burnell believes that teamwork is another big part of the benefit that veterans bring to the table."* [11, p. 22].
- ◆ *"We lived together, ate together and looked out for each other. They treated me like a soldier alongside them, and we were all one unit. I still have a very strong relationship with them."* [15].

Словосочетания *to be one team / unit, to carry out teamwork, to have strong relationship* и др. эксплициру-

ют семьи общности и коллективного духа, присущие солдатам по оружию. В рассматриваемых примерах подчеркивается идея сплоченности воинского коллектива как неразрывного единства американских военнослужащих, представляющих различные уровни иерархической системы ВС США.

Фрейм 2. "U. S. Armed Forces is Blood Proximity"

Слот А. "Brotherhood / Fraternity"

В рамках рассматриваемого метафорического образа вооруженные силы отождествлены с большой семьей, объединенной узами кровного родства, экзистенциальной сущности, историко-культурного наследия. Метафора кровного родства апеллирует не только к родственным связям *GI*, но и служит напоминанием о крови, пролитой американским солдатом на полях сражений. Под «мудрым началом отцов-командиров» гетерогенное воинское подразделение постепенно складывается в дружный коллектив братьев и сестер по оружию. Ср., например, такие единицы армейского социолекта, как *Dear Pop* — рапорт на имя командира части (шутливо измененное официальное обращение *Dear Sir*) [7, с. 105], *Vater (father)* — командир воинского подразделения, *Vati (Daddy / Pops)* — военнослужащий, снискавший уважение сослуживцев [25, p. 264], *sea daddy* — выступающий в роли наставника ветеран Морской пехоты, обучающий новобранца [Ibid., p. 96]; *Uncle Sam* — правительство США, *Uncle Sam's boys* — американские военнослужащие [17, p. 294]. В профанном сознании американской аудитории образ семьи репрезентирован в таких концептах, как *military family, brotherhood, fraternity, brothers in arms, band of brothers*. Подкрепим наши выводы иллюстративным материалом. Ср.:

- ◆ ● *"I'm so sorry for your loss," Alaina Fitzner, an Air Force wife, whispered to her. "We're all behind you. You're part of our military family, and we love you."* [19].
- ◆ ● *"<...> all veterans have felt the brotherhood that combat forges" [14]; "<...> to Mr. Garth, the war became solely about survival among brothers in arms." [24]; "Military leaders should know that the familiar notion of troops as a "band of brothers" <...>." [28].*

Слот В. "Caste"

Как известно, под понятием «каста» понимается строго обособленная группа людей, связанных происхождением, родом профессиональной деятельности, правовым статусом и т.д. В переносном значении под кастой принято понимать замкнутую общественную (сослов-

ную или профессиональную) группу, доступ в которой для посторонних затруднителен или невозможен. Ср.:

- ◆ *"Here are the makings of a self-perpetuating military caste, sharply segregated from the larger society <...>."* [18]; *"I'm a citizen responsible for participating in self-governance, not because I belonged to a warrior caste."* [21]; *<...> the self-selection dynamics have created a "warrior caste" <...>."* [26].
- ◆ ● *"This is a common attitude among a significant faction of veterans."* [21].

Заключение

Таким образом, выступающая сферой метафорической экспансии концептуальная область «Семья», представляет собой весьма продуктивный источник формирования и закрепления социальных стереотипов обыденного сознания. Через посредство американских

СМИ институт вооруженной борьбы представлен в качестве основной социальной ячейки, объединенной узлами родства и ценностями фамилизма. Вооруженные силы США есть нечто большее, нежели иерархическая структура, основанная исключительно на спартанской дисциплине, принципе единоначалия и беспрекословном подчинении. Социокультурное пространство армейского языкового коллектива *GI* рассматривается как воинское братство, сплоченное священным долгом перед Соединенными Штатами Америки, взаимоуважением и поддержкой. Одной из существенных аксиологических доминант социально-профессиональной среды военнослужащих выступает моральный принцип взаимопомощи. Упомянутый нравственный императив находит выражение в армейском клише *a good soldier never leaves a man behind, defines brotherhood among their own kind* — хороший солдат никогда не бросит товарища в беде и всегда помнит о своей принадлежности к воинскому братству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зарипов Р. И. Метафорическое моделирование образа России в современном французском политическом дискурсе: Монография. М.: Р. Валент, 2016. 220 с.
2. Медков В. М., Антонов А. И. Семья. Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 2 / Национальный общественно-научный фонд / Руководитель научного проекта Г. Ю. Семигин; Главный редактор В. Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. С. 394–396.
3. Попова Т. Г., Зарипов Р. И. Особенности метафорической репрезентации образа России в западных СМИ. // Политическая лингвистика. 5 (65) 2017. С. 125–130.
4. Попова Т. Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков): моногр. М.: Изд-во МГОУ «Народный учитель», 2003. 176 с.
5. Романов А. С. Этнические стереотипы армейской субкультурной среды США в знаках языка и культуры: монография / А. С. Романов. М.: Военный университет, 2017. 231 с.
6. Романов А. С., Шнякина К. В. Девизы родов войск и видов вооруженных сил США в контексте этнокультурной стереотипизации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». — 2018, №9-2 -С. 152–156
7. Судзиловский Г. А. Сленг — что это такое? Английская просторечная военная лексика / Г. А. Судзиловский. М.: Воениздат, 1973. 182 с.
8. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Монография. — Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2001. 328 с.
9. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблема речевого воздействия: учеб. пособие. М., 2006. 136 с.
10. Шевчук В. Н. Справочник военного переводчика. Спб., 2016. 400 с. с ил.
11. Air National Guard punishes 3 for dinosaur hand puppet video [Электронный ресурс] // New York Post: [сайт] [19.04.2018]. URL: <https://nypost.com/2018/04/19/air-national-guard-punishes-3-for-dinosaur-hand-puppet-video/> (дата обращения: 09.10.18).
12. Ammer C. The Facts On File dictionary of clichés. 2nd ed. N. Y.: Infobase Publishing, 2006. 534 p.
13. Bradbury D. How Veterans Are Defending Our Networks // Info Security, 2018. — Vol. 15. Is. 1. 50 p.
14. Brennan T. J. The Brotherhood of Combat [Электронный ресурс] // New York Times: [сайт] [06.12.2012]. URL: http://atwar.blogs.nytimes.com/2012/12/06/the-brotherhood-of-combat/?_r=0 (дата обращения: 25.09.2018).
15. Darweesh H. I worked for the U. S. Army in Iraq. But when I landed in America, I was detained [Электронный ресурс] // Chicago Tribune: [сайт] [10.02.2017]. URL: <https://www.chicagotribune.com/news/opinion/commentary/ct-iraqi-translator-detained-travel-ban-20170210-story.html> (дата обращения: 12.12.2018).
16. Deresiewicz W. An Empty Regard [Электронный ресурс] // New York Times: [сайт] [21.08.2011]. URL: <https://www.nytimes.com/2011/08/21/opinion/sunday/americas-sentimental-regard-for-the-military.html> (дата обращения: 20. 08. 2018).
17. Dickson P. War Slang: America fighting words and phrases since the Civil War / P. Dickson. 2nd ed. Dulles, Virginia: Brassey's Inc, 2003. 428 p.
18. Eikenberry K. W., Kennedy D. M. Americans and Their Military, Drifting Apart [Электронный ресурс] // New York Times: [сайт] [26.05.2013]. URL: <https://www.nytimes.com/2013/05/27/opinion/americans-and-their-military-drifting-apart.html> (дата обращения: 10.06.2018).
19. Jaffe G., Gibbons-Neff T. Angry protesters in Chattanooga: When's the government going to do something? [Электронный ресурс] // Washington Post: [сайт] [19.07.2015]. URL: https://www.washingtonpost.com/politics/angry-protesters-in-chattanooga-whens-the-government-going-to-do-something/2015/07/19/ef1004b0-2e45-11e5-8353-1215475949f4_story.html?utm_term=.b9a45ecbe6b6 (дата обращения: 19.07.2018).

20. Jaster L. Women can be an asset in combat. December 14, 2015. URL: <http://www.chicagotribune.com/news/opinion/commentary/ct-women-military-combat-roles-20151214-story.html> (дата обращения: 09.10.2018).
21. Klay Ph. The Warrior at the Mall [Электронный ресурс] // New York Times: [сайт] [14.04.2018]. URL: <https://www.nytimes.com/2018/04/14/opinion/sunday/the-warrior-at-the-mall.html> (дата обращения: 25.09.2018).
22. Military-quotes.com [Электронный ресурс]. URL: <http://www.military-quotes.com/jokes/military-jokes-2.htm> (дата обращения: 11.08.2018).
23. Philips D. Pentagon sued over "outdated" H.I.V. policies". The New York Times International Edition. June 2–3, 2018. P. 10.
24. Richtel M. Please Don't Thank Me for My Service [Электронный ресурс] // New York Times: [сайт] [22.02.2015]. URL: <https://www.nytimes.com/2015/02/22/sunday-review/please-dont-thank-me-for-my-service.html> (дата обращения: 02.11.2018).
25. Rottman G. FUBAR. Soldier Slang of World War II. Osprey UK, Publishing Ltd, 2007. 301 p.
26. Schafer A. The Warrior Caste [Электронный ресурс] // Slate: [сайт] [02.08.2017]. URL: http://www.slate.com/articles/news_and_politics/politics/2017/08/the_warrior_caste_of_military_families_that_fight_america_s_wars.html (дата обращения: 15.10.2018).
27. Wearthemighty.com [Электронный ресурс] // We are the mighty: [сайт]. URL: <https://www.wearthemighty.com/> (дата обращения: 20.06.18).
28. Zengerle J. U.S. military smart to value liberal arts as much as STEM. [Электронный ресурс] // Chicago Tribune: [сайт] [03.10.2016]. URL: <http://www.chicagotribune.com/news/opinion/commentary/ct-military-stem-liberal-arts-education-20161003-story.html> (дата обращения 03.07.2018).

© Романов Александр Сергеевич (biyalka@mail.ru), Балканов Илья Владимирович (i-balkanov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации

ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ М. М. БАХТИНА КАК ОСНОВА ОПИСАНИЯ ЭКСКУРСИОННЫХ РЕЧЕВЫХ ПРИЕМОВ

THE MICHAIL BAKHTIN THEORY OF SPEECH GENRES AS A BASIS FOR DESCRIPTION OF THE TOURIST GUIDE DISCURSIVE PRACTICE

A. Svyatoslavsky

Summary. The article critically analyzes traditional approaches to the identification of display and storytelling techniques as fundamental elements of excursion communication. The author sees a more rigorous and logical way, the approach designated at the time by M. Bakhtin in his work *The Problem of Speech Genres*, which was recognized and developed by a number of Russian linguists. From the possible models proposed by them based on the theory of Bakhtin, the model of the speech genre of T.V. Shmeleva was chosen, which, in the opinion of the author of the article, can serve in the future as a basis for describing the stable communicative speech patterns existing within the super-genre.

Keywords: M. M. Bakhtin, T.V. Shmeleva, theory of speech genres, speech genre, verbal communication, Russian speech, excursion, excursion, show and story in excursion, excursion reception.

Святославский Алексей Владимирович

*Д.культурологии, профессор, Московский педагогический государственный университет
platoacademia@yandex.ru*

Аннотация. В статье подвергнуты критическому анализу традиционные подходы к выделению приемов показа и рассказа как фундаментальных элементов экскурсионной коммуникации. Автору видится более строгим и логичным путем подход, обозначенный в свое время М. Бахтиным в работе «Проблема речевых жанров», получившей признание и развитие в трудах отечественных лингвистов. Из возможных моделей, предложенных ими на основе теории Бахтина, выбрана модель речевого жанра Т. В. Шмелевой, которая, по мнению автора статьи, может послужить в будущем основой для описания существующих в пределах супержанра «экскурсия» более частных устойчивых коммуникативно-речевых паттернов, которые и могут быть определены как экскурсионные жанры.

Ключевые слова: М. М. Бахтин, Т. В. Шмелева, теория речевых жанров, речевой жанр, вербальная коммуникация, русская речь, экскурсия, экскурсоведение, показ и рассказ в экскурсии, экскурсионный прием.

Весьма существенную роль в осмыслении необходимости строгого понимания речи, минимальной единицей которой является высказывание, сыграл М. М. Бахтин, обративший внимание на то, что хотя Ф. де Соссюр описал фундаментальную диаду «язык-речь», в дальнейшем языкознание во многом встало на путь изучения структуры языка в ущерб изучению собственно речи, причем само понимание речи оказалось расплывчатым. Бахтин задавался вопросами: «Что же это за “речевой поток”, что же это за “наша речь”? Какова их протяженность? Имеют они начало и конец? Если они неопределенной длительности, то какой отрезок их мы берем для разделения его на единицы?» «По всем этим вопросам,— продолжал размышления Бахтин,— господствует полная неопределенность и недосказанность. Неопределенное *слово* “речь”, могущее обозначать и язык, и процесс речи, то есть говорение, и отдельное высказывание, и целый неопределенно длинный ряд таких высказываний, и определенный речевой жанр (“он произнес речь”), до сих пор не превращено лингвистами в строго ограниченный по значению и определенный (определимый) *термин* (аналогичные явления имеют место и в других языках). Это объясняется почти полной неразработанностью проблемы высказывания и речевых жанров (а следовательно, и речевого

общения). Почти всегда имеет место путаная игра всеми этими значениями (кроме последнего). Чаще всего под выражением “наша речь” понимают любое высказывание любого человека; причем такое понимание никогда не выдерживают до конца» [Бахтин, 1986. С. 262 — *курсив оригинала* — А. С.]

В настоящей статье, ставя перед собой задачу прикладного характера — осмысление феномена экскурсии как сложной устойчивой коммуникативной формы, — мы обращаемся к теории речевых жанров М. М. Бахтина, которая получила большое признание, выведя понятие жанра из узкой области изящной словесности в широкую область письменной и устной речи самого различного функционала.

В традиционном отечественном экскурсоведении с 1960-х гг. получило распространение выделение целого ряда так называемых приемов показа и приемов рассказа, механически переносившихся из одного учебника в другой в виде своего рода классификаций, но при ближайшем рассмотрении вызывавших немало вопросов по той простой причине, что под показом имелась в виду не жестовая или какая-либо другая невербальная коммуникация, а коммуникация строго вербальная, и та-

ким образом фактически стиралось различие между этими самыми областями «показа» и «рассказа» как двумя фундаментальными столпами экскурсионной коммуникации. Если некоторые приемы выделяются достаточно однозначно и определенно (прием цитирования, прием вопросов и ответов и др.), то четко разграничить другие, относя их к области показа или, наоборот, рассказа — крайне затруднительно.

Это происходит еще и потому, что учебники не дают четкого определения показа и рассказа. Крупнейшим методистом в области практики ведения экскурсий во второй пол. XX в. был Б.В. Емельянов, сделавший много полезного для отечественной экскурсионной школы, однако, к сожалению, своим авторитетом закрепивший нелогичность в области классифицирования экскурсионных приемов. Данные им определения показа и рассказа далеки от научной строгости и достаточно расплывчаты: «Показ — процесс реализации принципа наглядности, наглядный способ ознакомления с экскурсионным объектом или несколькими объектами одновременно (например, с памятником архитектуры или с архитектурным ансамблем)» [Емельянов, 2007. С. 74]; «Показ объекта — это система целенаправленных действий экскурсовода и экскурсантов, наблюдение объектов под руководством квалифицированного специалиста. Показ предполагает анализ объектов, активную самостоятельную работу экскурсантов» [Там же]; «Показ на экскурсиях — многоплановый процесс извлечения зрительной информации из объектов, процесс, во время которого действия экскурсантов производятся в определенной последовательности, с конкретной целью» [Емельянов, 2007. С. 75].

Обратимся теперь к определению рассказа: «Рассказ — условно принятое в экскурсионном деле название устной части экскурсии, т.е. сообщения и пояснения, которые экскурсовод дает группе. Это образная информация о памятниках, исторических событиях и деятельности конкретных исторических лиц» [Емельянов, 2007. С. 86].

Возникает вопрос, а разве все перечисленное в разделе приемов показа не есть «устная часть экскурсии»? Все, кроме движения и жестов, являет собой устную речь, даже если это общие императивные формы, вроде «Посмотрите...», «Взгляните...», «Обратите внимание...» «Пройдемте...» и под. «Одна из особенностей рассказа состоит в том, что в нем, как правило, отсутствуют устные доказательства. Их роль выполняет зрительный ряд» [Емельянов Основы экскурсоведения. Уч. пособие. Изд. 2-е. М.: Турист, 1985. С. 23]. Данное уточнение еще больше запутывает ситуацию.

Выделяемые приемы предварительного осмотра, зрительного монтажа, сравнения, аналогии, традици-

онно относимые к приемам *показа*, фактически накладываются на традиционно выделяемые приемы *рассказа* — «справку», «объяснение», литературный монтаж [С 85].

Путем к более логичному и четкому разграничению и классификации основных экскурсионных приемов видится попытка использования теории речевых жанров М.М. Бахтина, при том, что разные ученые по-разному развили эту теорию. В данной статье мы обращаемся к модели речевых жанров Т.В. Шмелевой. Логично, отказавшись от ряда не совсем четко эксплицированных в методике и практике экскурсоведения приемов из традиционного набора, представить наиболее очевидные как некие речевые жанры занимающие субпозиции по отношению к экскурсии как супержанру.

Описывая специфику речевого жанра, Бахтин обращает внимание на специфику сферы употребления языка, справедливо замечая, что «многие люди, великолепно владеющие языком, часто чувствуют себя совершенно беспомощными в некоторых сферах общения именно потому, что не владеют практически жанровыми формами данных сфер. Часто человек, великолепно владеющий речью в различных сферах культурного общения, умеющий прочесть доклад, вести научный спор, великолепно выступающий по общественным вопросам, молчит или очень неуклюже выступает в светской беседе» [Бахтин, 1986. С. 273]. Это замечание применимо к сфере экскурсионной риторики и лишней раз обращает наше внимание на то, что даже хорошее владение языком — без освоения специфики экскурсионных жанров — не гарантирует эффективной профессиональной работы экскурсовода. Чем определяется выбор речевого жанра? «Спецификой данной сферы речевого общения, предметно-смысловыми (тематическими) сообщениями, конкретной ситуацией речевого общения, персональным составом его участников и т.п.», — указывает Бахтин [Бахтин, 1986. С. 270].

Успех работы экскурсовода сегодня определяется, по большому счету, двумя факторами: умением помочь экскурсанту вступить в диалог с материалом темы, «духом местности», с объектами, — с одной стороны, и с другой, — установить свой личный, «персонализированный» контакт с экскурсантом, проще говоря, — понравиться экскурсанту как адекватно коммуникабельная личность, владеющая профессиональным мастерством. Анализ деятельности любой современной турфирмы, работающей на рынке внутреннего туризма, позволяет сделать вывод о том, что турист, покупая путевку, делает выбор в пользу следующих позиций:

1. куда едем (идем) — место;
2. что будем смотреть и слушать — тема;
3. кто ведет экскурсию — экскурсовод.

Последний фактор, на первый взгляд, менее существен, однако никто не сможет возразить нам в том, что есть немало туристов и экскурсантов, которые идут или едут уже не столько *на тему*, сколько на *любимого экскурсовода*. «Чем лучше мы владеем жанрами, — продолжает Бахтин, — тем свободнее мы их используем, тем полнее и ярче раскрываем в них свою индивидуальность (там, где это можно и где это нужно), гибче и тоньше отражаем неповторимую ситуацию общения — одним словом, тем совершеннее мы осуществляем наш свободный речевой замысел» [Бахтин, 1986. С. 273].

Т.В. Шмелева, развивая концепцию Бахтина, предложила универсальную модель речевого жанра, включающую такие позиции, как 1) коммуникативная цель; 2) образ автора (адресанта); 3) образ адресата; 4) образ прошлого и будущего; 5) тип диктумного (событийного) содержания и 6) характер языкового воплощения [Шмелева, 1997]. С позиций коммуникативной цели выделяются жанры:

- ◆ информативные (обмен информацией),
- ◆ императивные (просьбы, приказы, извинения и под.),
- ◆ оценочные,
- ◆ этикетные

Коммуникативная цель экскурсии как супержанра состоит в удовлетворении ряда социальных потребностей человека. Конкретный жанр вполне может быть отнесен к одной из четырех предложенных Шмелевой позиций.

Отметим лишь, что не всегда конкретный текст или высказывание (минимальная единица речи, по Бахтину) может быть однозначно обозначен как информационный, или оценочный, или этикетный — речь идет о преобладающей установке. Много трудностей в экскурсионной работе связано с оценками тех или иных культурных явлений. Общество (особенно современное российское общество) не может считаться однородным в области эстетических, и идеологических предпочтений. Поэтому, например, перейдя от рассказа об истории мавзолея Ленина на Красной площади к проблеме возможного его сноса и перезахоронения Ленина, экскурсовод рискует вызвать дискуссию, которая не улучшит атмосферу общения. С другой стороны, экскурсоводу приходится «сеять разумное, доброе, вечное», исходя из просветительской и воспитательной функции экскурсии, а значит, совершенно уйти от оценок не удастся, при том, что в понимании разумного и доброго общего согласия нет.

Важной позицией в работе экскурсовода видится нам *образ адресата*. Один и тот же объект, одна и та же тема, одна и та же проблематика при одном и том же экскурсоводе — должны прозвучать по-разному, в за-

висимости от особенностей аудитории. В идеале здесь должны учитываться даже факторы индивидуальных особенностей каждого члена экскурсионной группы, что на практике недостижимо. Поэтому обычно хорошие экскурсоводы стремятся адаптировать свой текст и приемы показа к определенному типу группы, выделяемому по социокультурным (столичные, провинциальные, городские, сельские); региональным (местные, приезжие, соотечественники, иностранцы); возрастным (дети, взрослые, люди преклонного возраста); религиозным; этническим и др. признакам. Не будучи должным образом воспринята, эта простая установка, как показывает многолетний опыт, является частой причиной коммуникативных неудач. Гиды, привыкшие к иностранцам, нередко поверхностно знают отечественный историко-культурный материал. Профессиональные историки и искусствоведы в роли экскурсоводов, наоборот, подчас обрушивают на экскурсантов море информации, забывая о том, что, во-первых, перед ними не коллеги-профессионалы, а во-вторых, что люди пришли отдыхать, а не слушать лекцию в научном обществе. Экскурсоводы, изо дня в день работающие с детскими группами, иногда автоматически переносят свои привычные приемы на взрослую аудиторию.

Нередко начинающие экскурсоводы спрашивают, нужно ли, осваивая или разрабатывая новую тему, писать *полный* текст экскурсии и его заучивать. Приходится отвечать, что написание такого текста может носить лишь учебно-тренировочный характер при обучении профессии, но на практике хороший экскурсовод никогда не будет слово в слово повторять самого себя — прежде всего (есть и иные причины) именно потому, что всякий раз меняется коммуникативная ситуация, меняются те самые категории, перечисленные в модели речевого жанра Шмелевой.

Такой параметр, как *образ времени* (прошлого и будущего), также играет свою роль на экскурсии. У экскурсовода и экскурсанта может быть какое-то общее «коммуникативное прошлое» и «коммуникативное будущее». Одно дело — ситуация знакомства с группой, когда присутствует элемент неизвестности (кто это передо мной?) или даже настороженности, другое — общение в конце тура, когда участники экскурсии уже перезнакомились с экскурсоводом и между собой, третье — когда туристы пришли «на любимого экскурсовода», с которым их связывают уже длительные симпатии и взаимные интересы, возможно, уже были обсуждены какие-то общие темы. Учитель, ведущий экскурсию в своем классе или для чужого малоизвестного класса — ощущает себя с группой по-разному.

Более того, фактор времени как таковой всегда присутствует в виде полуосознанного ощущения себя в определенной точке координат хронотопа: мы постоянно

локализуем себя внутренним «навигатором»: где и в какой точке времени мы сейчас находимся. На временной оси это выражается в сознательном, подсознательном или полусознательном ощущении себя и окружающего по отношению к прошлому и будущему. Если экскурсия происходит вскоре после какого-то потрясшего всех события — то оно будет ощущаться группой даже на подсознании, формируя определенный эмоциональный фон — радости, тревоги, ожидания, неопределенности и проч. То же касается ощущения будущего. Смерть, или, наоборот, «Вечная Жизнь», «счастливое будущее человечества» на земле, приближающийся праздник и прочая, прочая — все это вносит неизбежный момент ожидания в сознание индивида. Так, студенческая группа на экскурсии будет ощущать себя по-разному накануне сессии и после успешно сданных зачетов и экзаменов накануне каникул.

Категория *диктума* относится к содержанию текста, который получает языковое воплощение. Диктум как таковой обращен к внеречевой действительности, к событиям. При формировании содержания высказывания в экскурсионном рассказе значительную роль призвано играть представление экскурсовода (и разработчика экскурсии) о *пресуппозиции* как предварительном (иначе фоновом) знании экскурсанта, помогающем адекватно воспринимать текст и продвигать экскурсанта в постижении нового материала. Фоновое знание влияет и на так называемый механизм *антиципации*, то есть на формирование образа в сознании адресата еще до завершения речевого акта, направленного на формирование этого образа. Этот механизм был, в частности, описан среди других механизмов речи выдающимся отечественным психолингвистом Н. И. Жинкиным [Жинкин, 1958].

Анализируя отличие предложения как абстрактной категории языка от высказывания как конкретной единицы речи, Бахтин пишет о бессмысленности «высказывания вообще», поскольку «в действительности всякое /.../ сообщение к кому-то обращено, кем-то вызвано, имеет какую-то цель, то есть является реальным звеном в цепи речевого общения в определенной сфере человеческой действительности или быта» [Бахтин, 1986. С. 277].

С диктумом связан *модус* — способ подачи сообщения, определяемый отношением говорящего к сообщаемому. Категория модальности получила разработку в теории высказывания швейцарского лингвиста Шарля Балли. Модальность выражается в том, что говорящий представляет явление действительности в речи как реальное (достоверное) или нереальное (возможное, невозможное, сомнительное, желательное, требуемое и т.д.).

Имеет место прямое или косвенное выражение своего отношения к предмету речи, что всегда связано с экс-

прессивностью. «Высказывание, его стиль и композиция определяются его предметно-смысловым моментом и его экспрессивным моментом, то есть оценивающим отношением говорящего к предметно-смысловому моменту высказывания» [Бахтин, 1986. С. 285].

Категория экспрессивности находит выражение в вербальных, паравербальных и невербальных средствах коммуникации (проксемика, мимика, жестикуляция, одежда и др.). Проксемика — это фактор физической дистанцированности говорящего и слушающего, причем физическая дистанция связана с дистанцией социальной. Чем ближе располагаются друг другу говорящий и слушающий, чем менее официальным и более интимным становится общение. Жесты и мимика практически всегда сопровождают нашу речь. Для экскурсионного общения важно, чтобы эти средства не отвлекали, а помогали усвоению вербально представленного материала. Если мимика, жестикуляция, телодвижения, экскурсовода живут сами по себе (привычка переминаясь с ноги на ногу, размахивать руками, вертеться, гримасничать и т.д.), то они не просто мешают усвоению материала, но способны переключить внимание группы с материала на внешность экскурсовода, порой вызывая недоумение, смех и другие ненужные эмоции. Это же касается экстравагантной манеры одеваться, что характерно для экскурсоводов, чувствующих себя артистами на собственном бенефисе. Специфика экскурсионного показа такова, что на пешеходной экскурсии само указание на предмет должно подкрепляться физически — жестом указания (вытянутая рука). Важна поза и место расположения экскурсовода, которому рекомендуется стоять спиной к объекту показа и лицом к группе. При указании на объект экскурсовод поворачивается вполборота, не теряя из вида тех, к кому обращается и одновременно делая жест в сторону объекта. Удивительно, что такая простая заповедь не всегда усваивается на практике современными экскурсоводами, становиться же спиной к группе, глядя на объект и продолжая рассказывать «в пустоту» не только невежливо, но прямо бессмысленно.

Шестая позиция в модели, предложенной Т. В. Шмелевой, — *характер языкового воплощения* — касается непосредственно организации речи и артикуляции. Опыт показывает, что хорошо структурированная, логически обоснованная и внятно артикулированная речь производит на экскурсантов не меньшее впечатление, чем эрудиция экскурсовода. Риторика всегда тесно связана со стилистикой и культурой речи. Немалое место в профессии экскурсовода занимает владение речевыми навыками, как в сфере устной (что наиболее очевидно), так и письменной (формирование материалов и документов, необходимых для разработки и проведения экскурсии) речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества Изд. 2-е. М.: Искусство, 1986 С. 250–297.
2. Емельянов Б. В. Основы экскурсоведения. Уч. пособие. Изд. 2-е. М.: Турист, 1985. — 112 с.
3. Емельянов Б. В. Экскурсия — неотъемлемая часть идейно-воспитательной работы. Уч. пособие. М.: ЦРИБ «Турист», 1984. — 112 с.
4. Жинкин Н. И. Механизмы речи. М.: Наука, 1958–370 с.
5. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Сб. Саратов: ГУНЦ «Колледж», 1997. С. 88–99.

© Святославский Алексей Владимирович (platoacademia@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛОЖНЫЕ ЗООНИМЫ В НИДЕРЛАНДСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

FALSE ZONYMS
IN NETHERLAND PHRASEOLOGY

E. Tereshko

Summary. The article is written in the context of cultural linguistics and is a review of Dutch phraseological units containing false zonyms, the etymological analysis of which shows the lack of connection of these words with the names of animals. At the same time, the false zonyms coincide in form with the zonyms of the Dutch language. Phraseological units with false zonyms are divided into two groups according to the origin of the figurative base of these units. In the first case, the zonym is metaphorically reinterpreted and used to name any object other than an animal, and with this meaning is included in a phraseological unit. In the second case, the word homonymous with a Dutch name of an animal can be borrowed from any other language. The article provides examples of phraseological units with false zonyms, reveals their meaning and explains the origin.

Keywords: zonyms, phraseological units, phraseology, etymology, Dutch language.

Терешко Екатерина Владимировна

Соискатель, Санкт-Петербургский государственный университет; преподаватель, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
katja.tereshko@yandex.ru

Аннотация. Статья написана в русле лингвокультурологии и представляет собой обзор нидерландских фразеологических единиц, содержащих ложные зоонимы, этимологический анализ которых показывает отсутствие связи этих слов с названиями животных. При этом лжезоонимы совпадают по форме с зоонимами нидерландского языка. ФЕ с ложными зоонимами делятся на две группы по происхождению образного основания. В первом случае зооним метафорически переосмысливается и используется для названия какого-либо объекта действительности, отличного от животного, и в этом значении водит в состав ФЕ. Во втором случае слово, омонимичное нидерландскому названию животного может заимствоваться из какого-либо другого языка. В статье приводятся примеры ФЕ с ложными зоонимами, раскрывается их смысл и объясняется происхождение.

Ключевые слова: зоонимы, фразеологические единицы, фразеология, этимология, нидерландский язык.

Современные ученые ставят под сомнение бытовавшее на протяжении многих лет мнение о том, что фразеологические единицы (далее ФЕ) содержат в себе накопленную веками мудрость того или иного народа. В рамках развивающихся направлений языкознания фразеология воспринимается как способ «сказать почти то же самое», а ее отличительными чертами являются экспрессивность и оценочность. Так, В. Е. Копылова отмечает, что «употребляя фразеологизм, говорящий, помимо прочего, сообщает еще и о своем отношении к событию, предмету или собеседнику, что является одной из главных особенностей фразеологических единиц» [Копылова, 2010, с. 91].

Прагматическая функция ФЕ, таким образом, удовлетворяет потребность носителей языка в выразительности [Федоров, 1973, с. 81]. Метафорическое переосмысление образных компонентов, содержащихся в ФЕ, помимо собственно экспрессивности, интересно и с точки зрения когнитивных процессов. Однако национальная специфика ФЕ ярче всего выражается в рамках лингвокультурологии, направлении, которое определяется как «отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологи и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [Маслова, 2001, с. 9].

«В современной гуманитаристике уже аксиоматичным является утверждение о едином поле смыслов для фольклорных текстов, ритуальных практик и устойчивых выражений языка той или иной этнической (или, шире, региональной) культуры. Назовем мы это поле картиной (моделью) мира или же когнитивным пространством, сути это не изменит» — отмечает Т. В. Володина [Володина, 2018, с. 182]. Данное высказывание лишь подтверждает связь ФЕ с ритуалами и обрядами и, тем самым, позволяет рассматривать их в рамках лингвокультурологии.

Данная статья посвящена нидерландским ФЕ с зоонимами. Этот пласт нидерландской фразеологии вызывает интерес, так как ФЕ с зоонимами часто встречаются и используются во всех языках, но, несмотря на тот факт, что взаимодействие с животными происходит схожим образом во многих культурах, оно все же отмечено специфическими чертами в культуре каждого конкретного народа, что отражается и в языковом материале. «Особая родовидовая сверхобщность зоосемия, включающая в свой состав зооморфизмы, единицы фразеологии с зооморфическим компонентом, может быть рассмотрена в качестве экспонента культурного знания, через который осуществляется взаимодействие языковой и культурной семантики», отмечает М. Л. Ковшова [Ковшова 1996, с. 37].

Под фразеологическими единицами в данной работе понимаются «устойчивые, воспроизводимые в готовом виде сочетания слов, существующие в языке в виде целостных по своему значению и устойчивых в своем составе и структуре образований» [Шанский, 1985, с. 26].

Группа ФЕ, которая включает в себя названия животных (зоонимы), — это важный пласт мировосприятия народа, который в рамках лингвокогнитивного и лингвокультурологического исследования может расцениваться как лакмусовая бумажка национально-мировосприятия и ментальности. В.М. Мокиенко отмечает, что компоненты-зоонимы, с одной стороны, являются универсальными, но с другой, они обладают национальной спецификой. Исследователь подчеркивает, что именно компоненты-зоонимы являются одними из самых национально-маркированных во фразеологии [Мокиенко, 2007].

В нидерландском языке данная группа ФЕ представлена более 600 единицами. Однако этимологический анализ позволяет утверждать, что не все из них содержат зооним в качестве образного компонента. В некоторых случаях та лексема, которая воспринимается носителем языка как зооним, и которая также характеризуется во фразеологических словарях, на самом деле таковой не является. В подобных случаях возможно говорить о «ложных зоонимах» или, короче, «лжезоонимах».

Лжезоонимы в ФЕ нидерландского языка возможно разделить на две группы по способу возникновения: 1) зоонимы, являющиеся метафорическим переосмыслением явлений и предметов действительности, т.е. зооним в данном случае использовался не для названия животного, а для названия какого-либо предмета, и в этом значении вошел в ФЕ, после чего метафора стерлась, а лексема в составе ФЕ снова начала восприниматься как название животного, затемняя тем самым значение ФЕ; 2) заимствования из других языков оказались омонимичны зоонимам нидерландского языка.

В качестве примера ФЕ с лжезоонимом, относящимся к первой группе, можно привести нидерландское *de hoofdvogel afschieten* 'сбить главную птицу' (букв.) т.е. получить вознаграждение, приз. Эта ФЕ восходит к соревнованиям по стрельбе из лука: на таких соревнованиях на высокий шест помещалась деревянная птица, которая называлась главной или королевской птицей. Тот стрелок, которому удавалось сбить её с шеста назначался королем соревнований и получал приз.

Другим примером может служить ФЕ *de aap binnen hebben* 'иметь обезьяну внутри', которое значит получить много денег. Это выражение пришло в нидерландский язык из аргосе моряков. Словарь нидерландского

языка (WNT) изначально указывал на то, что существительное *aap* 'обезьяна' относится к каменной копилке в форме обезьяны, с чем спорил Ф. Стутт [Stoett, 1925], говоря о том, что такие копилки нигде не упоминаются, с чем в последствии согласились и авторы WNT. Второй версией происхождения выражения является шуточное название монет, на которых, конечно, был изображен лев, а не обезьяна, но в шутку этого льва называли обезьяной. В конце концов и эта версия была отмечена и ей на смену пришло такое объяснение: зооним, использующийся в данном выражении, использовался в более раннем значении 'кусок, ломоть, куча (денег)'. Интересно также отметить, что в лексиконе английских матросов словом *monkey* 'обезьяна' (англ.) назывался сосуд, в котором они проносили на борт грог. Таким сосудом часто служил кокосовый орех, из которого алкогольный напиток пили через трубочку, поэтому в сленге английских моряков есть также выражение *to suck the monkey* 'сосать обезьяну', которое есть и в нидерландском языке *de aap zuigen* 'сосать обезьяну'. Можно предположить, что такое употребление послужило мотивацией для первого объяснения рассматриваемого выражения авторами WNT.

Необходимо отметить, что в нидерландском языке достаточно часто используются отсылки к образу обезьяны. Этот зооним является одним из самых фразеологически активных в нидерландском языке. Это обусловлено тем, что обезьян активно завозили в Нидерланды моряки, участвовавшие в плаваниях Ост-Индской компании. Об этом свидетельствуют также многочисленные топонимы и названия заведений в нидерландском языке. Одно из них сохранилось и в ФЕ *in de aap gelogeerd zijn* 'остановиться в обезьяне' в значении 'неожиданно оказаться в неприятной ситуации'. Точное происхождение данной ФЕ не известно, однако предположительно она восходит к названию одного трактира в Нидерландах под названием *'t Aepje* или *'t Aepgen* 'обезьянка', о котором шла дурная слава, поэтому, останавливаясь там, было практически невозможно избежать проблем, что и мотивировало значение указанной ФЕ.

Существуют также и более современные ФЕ, содержащие зооним *aap* 'обезьяна' и относящиеся к первой группе метафорически переосмысленных зоонимов. Например, ФЕ *een broodje aap* 'пирожок с мартышкой' используется для обозначения рассказа, передающегося из уст в уста в качестве правдивой истории, в котором происходит что-то ужасное, пугающее. Такие рассказы будят в слушателе примитивные страхи и распространяются по всему миру. Данное название (*een broodje aap*) обязано своим появлением выходу в свет в 1978 году книги американско-нидерландской писательницы Этель Портной под названием *Broodje aap. De folklore van de postindustriële samenleving* 'Пиро-

жок из мартышки. Фольклор постиндустриального общества. Сама книга получила свое название благодаря первому рассказу: на фуру водителя поставщика продуктов для фаст-фуд сетей наезжают сзади, так что задняя стенка фуры откидывается и из машины выпадает один из основных продуктов, используемых при приготовлении гамбургеров: им оказывается тушка обезьяны. Этот рассказ был первым в сборнике, а его название стало нарицательным для всех историй такого типа [Genootschap Onze Taal].

В первую группу можно также отнести специфические ФЕ, связанные, например, с игрой на бильярде. Выражение *een beest maken* 'сделать зверя' в нидерландском языке означает удар, при котором игрок случайно забивает шар в лунку. Истоки подобных названий сложно проследить, часто для одного и того же явления у разных игроков или в разных регионах существуют различные названия, так, этот же удар в Нидерландах называют *Arabier* 'араб', а в русском языке часто используется название *дурак*.

Примером для иллюстрации второй группы ФЕ, содержащих заимствования из других языков, которые являются омонимами нидерландских зоонимов, может служить ФЕ *kater hebben* 'иметь кота/катар', т.е. страдать от похмелья, где катар — название болезни, заимствованное из греческого языка (греч. *katarhus*) и обозначающее воспаление слизистой оболочки. Таким образом нид. *kater* в данной ФЕ выступает как омоним названия болезни, лжезооним, а все выражение целиком изначально, несомненно, использовалось как эвфемизм: говорить о воспалении слизистой оболочки горла гораздо приличнее, чем о похмелье.

Другим примером, входящим во вторую группу лжезоонимов в ФЕ нидерландского языка, является ФЕ *de mier aan iemand hebben* 'иметь на кого-то муравья', которая этимологически не связана с названием насекомого. А. де Йахер [Jager, 1840, p. 109–110] говорит о том, что данное выражение может быть связано с английским прилагательным *mire* 'грязный', т.е. не иметь отношения к зоониму. В русском языке есть схожее по значению и структуре выражение *иметь зуб на кого-то*.

В нидерландском языке также присутствует множество заимствований из языка идиш. Одно из них созвучно с уже упоминавшимся в контексте первой группы лжезоонимов *aap* 'обезьяна' в выражении *het is apekool* 'это обезьянья капуста/уголь ->чушь', т.е. бессмыслица. В данной ФЕ компонент *ape*- восходит по одним данным к идишскому слову *aap* 'чушь, бред', омонимичному зоониму *aap* 'обезьяна', а по другим к западнофламандскому названию маленькой рыбки, которая воспринимается как незначительный улов.

Благодаря активным международным связям, в нидерландский язык заимствовались слова и из более далеких языков. Так, ФЕ *dat is kat in het bakkie* 'это кошка в чашке кофе' может поставить в тупик носителя русского языка, так как мотивировка этого выражения не представляется достаточно ясной. Как отмечает М. де Костер [Coster, 1998, с. 217] это выражение берет начало в роттердамском сленге, где его использовали взломщики и грабители в случае, если удавалось совершить ограбление, а также полицейские, если они удачно справились с поимкой преступника. Из этого можно заключить, что данная ФЕ означает удачное завершение какого-либо дела. Но при чем здесь кошка? Дело в том, что слово *kat* предположительно представляет собой измененное заимствование из малайского языка — *gadji* 'жир', которое использовалось в качестве метафорического наименования зарплаты и денег вообще [Genootschap Onze Taal]. Поэтому выражение *kat in het bakkie* 'кошка в чашке кофе' можно интерпретировать как 'деньги в ящике', т.е. деньги получены. Это же значение слова *kat* того же происхождения встречается и в других устойчивых выражениях нидерландского языка, например, *katje beuren/vangen/halen* 'котика (деньги) получить/поймать/забрать', которое используется в арго нидерландских матросов. Кроме этого, день выплаты зарплаты также назывался (а в некоторых районах называется до сих пор) *katjesdag* 'кошачий (денежный) день'.

На границе первой и второй группы зоонимов, входящих в состав нидерландских ФЕ, находится зооним *beer* 'медведь'. Этот зооним встречается в таких ФЕ, как *beren hebben* 'иметь медведей', т.е. иметь долги, *dik in de beer/beren zitten* 'увязнуть в медведе/ях', т.е. увязнуть в долгах, *een schip waar de beer op zit* 'корабль, на котором сидит медведь', т.е. что-то, взятое в долг/ипотеку. Метафорически переосмысленное значение зоонима 'медведь' было заимствовано в нидерландский язык из лексикона немецких студентов, поэтому с одной стороны его можно отнести в первую группу как метафору долга, а с другой стороны он может входить и во вторую группу как заимствование.

Особняком выступают выражения, содержащие зоонимы *haas* 'заяц' и *pier* 'червяк'. Первый зооним используется в выражении *mijn naam is haas* 'мое имя заяц', которое употребляется в значении «я здесь не при чем». В русском языке в той же ситуации говорят *моя хата с краю, ничего не знаю* или используют усеченный вариант ФЕ *моя хата с краю*. Мотивировка русского фразеологизма представляется более прозрачной, чем мотивировка нидерландской ФЕ с зооморфным компонентом *haas* 'заяц'.

Поиски происхождения этого выражения позволили установить, что эта ФЕ была заимствована нидерланд-

цами из немецкого языка, где фразу произнес студент по фамилии Хазе (нем. *Hase* — заяц) на суде в 1855 году. Дело в том, что его товарищ по университету убил на дуэли своего противника и хотел бежать из страны. Для пересечения границы с Францией ему нужны были документы, и он обратился за помощью к Виктору Хазе. Тот отдал ему свой студенческий билет, которого в то время было достаточно для подтверждения личности, а сам заявил в университете об утере документа.

Дуэлянт пересек границу, но уже будучи во Франции потерял документ, который нашли и отправили по месту учёбы молодого человека в г. Гейдельберг. После этого Виктору Хазе пришлось объяснять суду, как его документы оказались за пределами Германии. Тогда он прибегнул к формальному выражению *Mein Name ist Hase, ich verneine die Generalfragen, ich weiß von nichts* ('Моя фамилия Хазе, я все отрицаю, я ничего не знаю'). Этот ответ быстро был подхвачен и превратился в крылатую фразу среди студентов, в том числе потому, что фамилия Хазе, т.е. заяц, производила комический эффект. Позднее этот фразеологизм перешел в общее употребление и был заимствован в нидерландский язык.

Данное выражение можно отнести ко второй группе омонимичных заимствований, но изначальный статус крылатого выражения даёт право рассматривать эту ФЕ отдельно.

Еще одной ФЕ, которую можно рассматривать вне контекста предложенных групп, является ФЕ *zo dood als een pier* 'дохлый как червяк'. Можно было бы предположить (и то же находим в словарях *Van Dale*), что образ червя связывается с образом смерти, благодаря традиции захоранивать мёртвых в землю, где тело

разлагается и служит пищей в том числе дождевым червям. Однако есть и другая версия этого образа, зафиксированная в *Scheldwoordenboek Van apenkont tot zweefteef* 'Словарь ругательств От обезьяньей задницы до парящей суки' (2007), в которой *pier* 'червяк' не соотносится с образом собственно червя, а отсылает к персонажу фламандских клюхтов XVII века по имени *Pierlala*. Пирлала известен благодаря нидерландскоязычной народной песне, записанной в XVIII веке, он был популярен, в основном в районе г. Гента, г. Урсела и в Восточной Фландрии. Этот персонаж ассоциируется со смертью, а также с дьяволом. Часто он выступает как воплощение смерти, в кукольных представлениях Пирлала изображается с головой в виде черепа. Самой знаменитой его шуткой, отраженной в известной песне об этом персонаже [Hoffmann von Fallersleben, 1968], является попытка избежать службы в армии, инсценировав свою смерть. После похорон он выскакивает из гроба живой и направляется к себе домой. Этот персонаж также иногда называется *Pierke Pierlala*, его имя является составным, состоящим из фламандской основы *Pier* (имя собственное) и французской *lala*. Вполне вероятно, что в рассматриваемой нами ФЕ могла изначально использоваться сокращенная версия имени данного персонажа, которая со временем стала писаться с маленькой буквы, а так как она по форме совпадает с нидерландским словом *pier* 'червяк', ФЕ ошибочно воспринимается как выражение с зооморфным компонентом.

Представленный обзор ФЕ с ложными зоонимами не претендует на всеохватность, но представляет собой примечательные наблюдения, касающиеся изменения восприятия зоонимов в составе ФЕ в нидерландском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Володина Т. В. Фразеология и магические практики в контексте антропо- и космогонических легенд (белорусская традиция на европейском фоне) // Миссия выполнима. Перспективы изучения фьклора, 2018. Тарту: Научное издательство ЭЛМ, С. 181–206.
2. Ковшова М. Л. Культурно-национальная специфика фразеологических единиц: когнитивные аспекты: дисс. ... д-ра филол. наук. Москва, 1996. 244 с.
3. Копылова В. Е. Фразеология русс яз как отражение ЯКМ // Лингвокультуроология, № 4, 2010. С. 89–93.
4. Маслова В. А. Лингвокультуроология: учеб. пособ. для студ. высш. уч. зав. Москва: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
5. Мокиенко В. М. Языковая картина мира в зеркале фразеологии // *Frazeol. a językowe Obraz. świata przełomu wieków*. Red. Nauk. Wojciech Chlebda, 2007. С. 49–66.
6. Федоров А. И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII — начале XIX в. Новосибирск: Издательство «Наука», 1973. 171 с.
7. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. Москва: «Высшая школа», 1985. Вып. Издание тр. 160 с.
8. Онлайн-справочник *Onze Taal: Genootschap Onze Taal* [Электронный ресурс]. URL: <https://onzetaal.nl/taaladvies/broodje-aap-broodjeaapverhaal/> (дата обращения: 10.03.2019).
9. Coster M. De. *Woordenboek van populaire uitdrukkingen, clichés, kreten en slogans*. Den Haag/ Antwerpen: Sdu Uitgevers/ Standaard Uitgeverij, 1998. 556 с.
10. Groot H. de Van Dale *Idioomwoordenboek: verklaring en herkomst van uitdrukkingen en gezegden/ hoofdred*. H. de Groot. Utrecht/Amsterdam: Van Dale Lexicografie; The Riders Digest NV, 1999. XIX + 1049 с.
11. Groot H. de *Groot Uitdrukkingen woordenboek: verklaring en herkomst van moderne uitdrukkingen / ed. H. d. Groot et al.* Utrecht/Antwerpen: Van Dale Lexicografie, 2006. 1188 с.

12. Hoffmann von Fallersleben A. H. *Horae Belgicae* [Электронный ресурс]. URL: https://www.dbnl.org/tekst/hoff004hora01_01/hoff004hora01_01_0190.php (дата обращения: 10.03.2019).
13. Jager A. *de Taalkundig magazijn, of gemengde bijdragen tot de kennis der Nederduitsche taal: bijeenverzameld*. Rotterdam: T. J. Wijnhoven Hendriksen, 1840. 636 p.
14. Laan K. *ter Nederlandse spreekwoorden, spreuken en zegswijzen*. Amsterdam: Elsevier, 1987. 433 p.
15. Stoett F. A. *Nederlandsche spreekwoorden, spreekwijzen, uitdrukkingen en gezegden* [Электронный ресурс]. URL: https://www.dbnl.org/tekst/stoe002nede01_01/ (дата обращения: 29.12.2018).

© Терешко Екатерина Владимировна (katja.tereshko@yandex.ru).
 Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ОБ ОДНОЙ АКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕНДЕНЦИИ В СЛОВОИЗМЕНЕНИИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

ABOUT ONE ACTUAL HISTORICAL TENDENCY IN THE INFLEXION OF NOUNS

L. Charaeva

Summary. In the article the history of formation and normative codification of a specifically Russian forms of the plural types of the слесаря on the background variance with the forms type слесари. The competition of these forms in modern dictionaries seems contradictory, however, the trend of design options impact flexion -А and displacement of variants with flexion -и (ы) securely confirmed.

Keywords: norm, variant, varieties, flexion, plural, noun.

Чапаева Любовь Георгиевна

*Д.филол.н., профессор, Московский педагогический
государственный университет
lg4@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается история образования и нормативной кодификации русских форм множественного числа существительных типа слесаря на фоне вариантности с формами типа слесари. Ортологическая приоритетность той или иной формы в современных словарях выглядит противоречиво, тем не менее историческая тенденция оформления и выбора вариантов с ударной флексией -А надежно подтверждается.

Ключевые слова: норма, вариант, вариантность, ударное окончание, множественное число, существительное.

Достоверность представлений о норме обычно устанавливается по отношению этих представлений к системе языка, к традиции употребления и к практике современного употребления. Другими словами, нормативная оценка исходит из того, что может быть (соответствует системе), что было (традиция) и что есть (узус). При этом системе языка могут соответствовать две и больше возможностей, а языковая традиция и современное употребление часто противоречат друг другу.

При оценке вариантных форм с позиций литературной нормы необходимо учитывать тенденции языкового развития. Для понимания настоящего необходимо изучение прошлого состояния языка, так как все, что когда-то было в языке, так или иначе оставило в нем свой след. Поэтому понять современное состояние языка и уловить тенденции его развития невозможно без исследования и установления исторических процессов, воздействующих на его структуру. При этом изучение прошлого помогает выявить и будущее в развитии языка. Т.е. исторический подход к анализу современных грамматических норм позволяет **про**спективно оценить существующие в языке варианты, поскольку проблемы нормы не существуют вне *вариантности*.

Варьирование форм — это неизбежное следствие языковой эволюции. Варианты помогают нам привыкнуть к новой форме, делают сдвиг нормы менее ощутимым и болезненным. При этом область варьирования норм — наиболее трудная и требующая исторического осмысления область литературного языка.

Наряду с вариантами существует и множество отклонений от нормы, речевых ошибок, которые иногда трудно отличить от вариантности. Но и эти отклонения преимущественно не случайны, а обусловлены либо непоследовательностью и противоречиями во внутренней системе литературного языка, либо воздействием внешних субъективных факторов. Многие ошибки оказываются закономерными с точки зрения действия аналогии или других системных проявлений языка.

Образование новых форм в русском языке часто оказывается связанным со структурным сдвигом в процессе выравнивания и унификации морфологических парадигм, что и приводит к вариантности. Одно из таких явлений — формы И. п. мн. ч. на ударный -А (типа *домА*).

Регулярные формы слов муж. р. имеют либо безударные, либо ударные окончания -ы/-и. Но некоторые существительные имеют ударную флексию -А. Наличие такого окончания всегда свидетельствует о том, что во всех формах мн. ч. окончания будут ударными. Такое образование форм мн. ч. свойственно существительным, обычно имеющим в ед. ч. ударение на основе.

История образования форм на -А

Проблема происхождения подобных форм — сложная и активно обсуждаемая [2,3,5]. Эта флексия является специфически великорусской и не восходит к какой-либо одной конкретной форме, в значении И.-В. мн. ч. она не известна ни одной парадигме мужского или женского

рода (для среднего рода как раз только она и характерна).

Не вдаваясь в подробности, коротко остановимся на истории образования этих форм. Первоначально с такой флексией в значении мн. ч. употребляются только парные существительные, а для них она исторически восходит к форме И.-В. дв. ч.: *берега, бока, рога* и т.п. Широко распространено мнение, что и у остальных существительных эти формы являются сохраненными формами дв. ч. Более достоверной выглядит иная точка зрения, в соответствии с которой образование данной флексии следует рассматривать на фоне процессов унификации форм косвенных падежей мн. ч., где в XVII в. оформляются окончания с гласным -А- как показателем множественности. Важно, что этот гласный изначально ударный. Общая тенденция к преодолению синонимии флексий привела к тому, что во мн. ч. произошла почти полная унификация словоизменительных парадигм, во мн. ч. она наиболее ярко и полно проявилась в косвенных падежах, а конкретно в Д., Т., М., где произошла экспансия окончаний из I склонения. Затем гласный -А- как показатель множественности из косвенных падежей проникает в прямые, охватывая всю внеродовую парадигму мн. ч. слов муж. р. и выполняя функцию своеобразного маркера мн. ч. Безусловно, процесс распространения форманта -А- является результатом взаимодействия разных частных тенденций, действовавших параллельно и поддерживающих друг друга [3].

Постепенно флексия -А, становясь средством акцентного выравнивания парадигмы, распространяется на имена с разной системой ударения, но всегда «подчиняет» ее себе: в косвенных падежах ударение переходит на флексию и параллельно распространяется на И.-В. мн. ч. Если такого акцентного переноса не происходит, то и флексия -А у слова не появляется.

Таким образом, процесс унификации во мн. ч. в И.-В. падежах столкнулся с конкуренцией двух флексий, каждая из которых стремится стать универсальной: -ы/-и и -А. Это приводит к тому, что первая проникает в парадигму среднего рода (см. еще в XIX в. *болоты, лица, селы*; теперь есть *яблоки* и др.), а вторая распространяется на слова жен. р. (в говорах: *лошадь* и пр.). И эта тенденция в русском языке живая, она находит отражение как раз в говорах и просторечии, а в литературном языке лишь сдерживается нормой.

Ортологическая история форм на -А

Если рассматривать именно грамматическую и ортологическую историю этих форм, то она будет выглядеть следующим образом.

Впервые подобные формы отмечены в грамматике М.В. Ломоносова (как варианты к формам с окончанием -и/-ы приводятся формы типа *берега, леса, луга, острова, снега, струга, колокола*), хотя в собственных текстах он таких форм почти не употребляет [5]. С конца XVIII в письменных текстах формы заметно активизируются, но формы на -А проникают в литературный язык как синонимичные к исконным формам на -ы/-и и могут сосуществовать. Иногда как равноправные варианты, иногда отличаются сферой употребления или стилистическими приметам. Но соотношение большинства форм неясно и размыто, поэтому и интерпретируются они по-разному. См., например, в текстах одних и тех же авторов или современников: *Кони под вихорь стрел, на ряд мечей, за смертью иль за славою летели* (Радищев). // *И вождь летит перед ряды; и пышет ратник боем и ржут коня, бразды грызят...* (Радищев). *Бои тебя на ратный подвиг звали...* (Жук.). // *Боя давно уж отгремели...* (Жук.). *Дома новы, да предрассудки стары* (Гриб.). // *Пожарный огонь их дома истребил* (Пушкин). И даже в начале XX в.: *Тополя шумели под холодным ветром, бледный рожок месяца одиноко висел в черном небе* (Бунин). // *Высота деревьев едва достигала 10–12 см., однако это были настоящие тополи с надувшимися весенними почками, готовы-ми распусться* (Бунин) [НКРЯ].

К концу 80-х годов XX в. форм на -А, которые не противоречили литературной норме, было чуть более ста пятидесяти [4], но состав этой группы все время пополняется, и в ней много широкоупотребительных слов. Кроме нормативных есть формы варианты (-ы/-А), с точки зрения нормы разной степени допустимости.

Характеризуя подобные существительные, у которых есть -А, недостаточно указать на то, что они принадлежат к подвижному типу ударения. Важно, какой слог основы у них ударный. И оказывается, что среди таких существительных преобладают слова с двусложными основами, имеющими в ед. ч. ударение на первом слоге. Есть слова трехсложные с ударением не на последнем слоге: *колокол, учитель* и т.п. И устойчивая группа односложных существительных: *бок, дом, луг*. Т.е. три типа основ. Перечисленные типы основ определяют границы действия тенденции, которая приводит к увеличению в литературном языке количества существительных, имеющих флексию -А в И. п. мн. ч. А среди слов иного внешнего облика такие формы возникают обычно за пределами литературной нормы.

Область наиболее интенсивного действия тенденции — существительные с двусложными начально-ударными основами, особенно заканчивающиеся на -ер, -ор, -рь, -ль, -ус (*свитер, рупор, токарь, парус*). Существенна и сфера употребления: в основном это профес-

сиональная речь — т.е. своего рода профессиональная норма.

В целом же надо заметить, что на протяжении почти века (с 1930-х гг. до 2000-х) конкуренция вариантов на -и(ы)/-А у одних и тех же слов выглядит довольно противоречивой. Словари русского языка многие слова дают с равноправными вариантами форм, из которых еще «старая» не вытеснена «новой», при этом приоритетность той или иной формы в разных словарях, даже близких по времени, различна. Мы рассмотрели несколько пар таких форм в различных словарях: СУ — Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова (первое издание, как известно, вышло в 30-х гг. XX в.), МАС (первое издание 1957–1960 гг.), ОА — Орфоэпический словарь русского языка под ред. Р. И. Аванесова 1983 г., ГС — Словарь-справочник по русскому языку под ред. А. Н. Тихонова 1995 г., РТ — Словарь трудностей русского языка Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой 1999 г., СК — Большой толковый словарь под ред. С. А. Кузнецова 2002 г., ОЛ — Орфографический словарь под ред. В. В. Лопатина 2004 г. Несколько предварительных замечаний: вариант, приведенный первым, по мнению авторов словаря, является основным; в толковых словарях не всегда указывается форма мн. ч., в этом случае словарь не учитывается.

Соотношение некоторых вариантов выглядит следующим образом.

Трактора — *тракторы*: ОА, ГС; но: *тракторы* — *трактора*: МАС, ОЛ, СК, а в РТ вторая форма еще и с пометой *разг.*

Инструктора — *инструкторы*: ОА, ГС, ОЛ; но: *инструкторы* — *инструктора*: МАС, РТ, СК и во всех вторая форма с пометой *разг.* Форма *кителя* — основная и в СА, и в ОЛ, а *кители* — в МАС и СК.

Пекаря — *пекари*: МАС, ОА, ГС, РТ, СК; но: *пекари* — *пекаря*: СУ и ОЛ (словари, отдаленные друг от друга на 70 лет!). Сходная ситуация с формами *токаря* — *токари*. Но с формами *слесаря* — *слесари* наблюдается единодушие; мало того, уже в СУ к варианту *слесари* стоит помета *устар.*

Векселя — *вексели*: ОА, ОЛ; РТ — форма на -и *доп.*, в МАС и СК ее вообще нет.

Абсолютно победили формы *тенора* (только в РТ как допустимая указана *теноры*), *флигеля* (*флигели* без пометы и на первом месте только в СУ; в МАС *устар.*, в РТ *доп.*), *шулера*, кроме двух словарей, в которых есть второй вариант (здесь вновь единодушно СУ и ОЛ: не просто две формы, но на первом месте *шулеры*).

На наш взгляд, несмотря на такую противоречивость словарей, появление вариантов с ударной флексией -А и вытеснение вариантов с флексией -и(ы) отвечает исторической тенденции, начавшей действовать в XVI в. Вероятно, составители словарей русского языка по-разному реагируют на узуальную частотность вариантов, пользуются разными источниками, допускают субъективность в оценке этих вариантов. Достаточно наглядно это прослеживается в выборе приоритетного варианта в ОЛ: несмотря на то, что уже в 80-х годах основным вариантом некоторых слов становится форма с окончанием -А, авторы Орфографического словаря отдают предпочтение формам с окончанием -и (например: *тракторы*, *пекари*, *токари*, *шулеры* и др.).

Есть и слова на -А с запретительной пометой: *бухгалтера*, *возраста*, *диспетчера*, *лектора*, *тренера* (например, в РТ: *не* возраста и т.п.; в СК из приведенных слов есть только *бухгалтера* с пометой *разг.*), в то время как в живой разговорной речи, эти формы уже широко употребительны. Относительно формы множественного числа слова *инженер* справочные пособия и словари единодушны: литературная норма — *инженеры*. При этом вариант *инженерА* приводит только СК с пометой *разг.*

В этих словарных пометах кроется своеобразный подвох: формы, допущенные в нормативный словарь как недопустимые или неверные с течением времени переходят в разряд допустимых, потом разговорных, потом вариантных, а в конце концов могут занять место нормативных, изменив стилистику прежних на устаревшую. Ср. судьбу форм *бухгалтеры* — *бухгалтера*: в Словаре трудностей русского языка Д. Э. Розенталя и М. А. Теленкова дают вторую форму с запретительной пометой (*не*), а в СК она имеет помету *разг.* Но в этом тоже есть языковая закономерность: побеждают новые формы.

Таким образом, конкуренция подобных форм в современных словарях выглядит противоречиво, тем не менее историческая тенденция оформления вариантов с флексией -А надежно подтверждается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2002. 1536 с. (СК)
2. Галинская Е. А. Историческая грамматика русского языка: Фонетика. Морфология. М.: ЛЕНАНД, 2015. 416 с.
3. Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка: Учебное пособие. 2-е изд., испр. М.: Изд-во МГУ, 1997. 384 с.

4. Еськова Н. А. Трудности словоизменения существительных: Учебно-методич. материалы. М.: ВИПК работников печати, 1990. 105 с.
5. Марков В. М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М.: Высшая школа, 1974. 143 с.
6. НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 20.07.2019).
7. Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова; под ред. Р. И. Аванесова. М.: Русский язык, 1983. 704 с. (ОА)
8. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь трудностей русского языка. М.: Рольф, Айрис-пресс, 1999. 576 с. (РТ)
9. Русский орфографический словарь: около 180~<000 слов / О. Е. Иванова, В. В. Лопатин (отв. ред.), И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2004. 960 с. (ОЛ)
10. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1981—1984. (МАС)
11. Тихонов А. Н. и др. Словарь-справочник по русскому языку: Правописание, произношение, ударение, словообразование / Под ред. А. Н. Тихонова. М.: ТОО «Словари», 1995. 704 с. (ГС)
12. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000 (по изданию 1935 г.). (СУ)

© Чапаева Любовь Георгиевна (lg4@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский педагогический государственный университет

НАШИ АВТОРЫ

Agranat Y. — PhD, associate Professor of the Far Eastern State Transport University
agranat.yulia@gmail.com

Balkanov I. — PhD in Philological sciences, senior lecturer, the Military University of the Russian Federation Defense Ministry
i-balkanov@mail.ru

Bykova D. — Senior lecturer of the SBEE HE "Nizhny Novgorod state engineering-economic university", Knyaginino, Russia
bykova_dasha_1986@mail.ru

Chapaeva L. — Moscow State Pedagogical University
lg4@mail.ru

Cheredinova O. — Senior lecturer, Novosibirsk State Medical University
Cheredinova@mail.ru

Dobrodomov I. — Moscow Pedagogical State University
lg4@mail.ru

Ivanova E. — Surgut State University

Kamchatnov A. — Ph. D. (Philology), professor, Moscow Pedagogical State University
asya28@list.ru

Khomenko A. — Surgut State University
pekenesek@mail.ru

Klopotnoy A. — Northern Trans-Ural State Agricultural University
alexklop1995@gmail.com

Kobzeva L. — Cand. Sc. (Philosophy), independent researcher
laric.81@mail.ru

Koptyakova E. — Candidate of Philology, Associate Professor, Surgut State University
koptyakova71@mail.ru

Kozubovskaja L. — Associate Professor of Perm National Research Polytechnical University

OUR AUTHORS

Krasnova O. — Associate Professor, Novosibirsk State Medical University
internsmu@gmail.com

Kulikova Y. — Volgograd State Technical University
cul.jana@yandex.ru

Litovchenko A. — Graduate student, Tutor, Surgut State University
anastassiya.litovchenko@gmail.com

Malkovskaya T. — Candidate of Science in Philology, Associate Professor, Krasnodar Air Force Institute for Pilots
tatjynka@bk.ru

Melikhov A. — Doctor of Technical Sciences, Volgograd State Technical University
amelihovv@ya.ru

Melyakova O. — Candidate of Technical Science, associate Professor, Northern Trans-Ural State Agricultural University
molga19@yandex.ru

Minets D. — PhD in Philology, associate professor of the Cherepovets State University
dv.minets@gmail.com

Mukhortova T. — Cand. Sc. (History), Associate Professor of the Institute of Service, Tourism and Design (branch) NCFU in Pyatigorsk
asmodeya76@mail.ru

Mulyavina E. — Candidate of pedagogical sciences, Associate Professor, Tyumen State Academy of Culture
emulyavina@rambler.ru

Nikiforov D. — Candidate of Pedagogics, RANEPА Orenburg branch
nikifov@inbox.ru

Nikitina I. — Postgraduate student, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg)
nikitina_irina_92@mail.ru

Ogoltseva E. — Doctor of Philology, Professor, FGBOU VO «Moscow Pedagogical State University»
tertiumcomp@mail.ru

Orlova J. — Doctor of Technical Sciences, Volgograd State Technical University
yulia.orlova@gmail.com

Petrenko A. — Volgograd State Technical University
gafk555@gmail.com

Popova Y. — Cherepovets State University
yuliya.popo@yandex.ru

Romanov A. — PhD in Philological sciences, doctoral degree candidate, the Military University of the Russian Federation Defense Ministry
biyalka@mail.ru

Ryabova . — Candidate of Science in Philology, Krasnodar Air Force Institute for Pilots
tryabova_61@mail.ru

Rzayeva Z. — Dissertant, Ganja State University
zuma_777@mail.ru

Sentebova E. — Associate Professor of Perm National Research Polytechnical University
Lena-sentebova@yandex.ru

Strutsenko S. — Cand. Sc. (Education), Associate Professor of the Pyatigorsk State University
sstrutsenko@inbox.ru

Svyatoslavsky A. — Moscow State Pedagogical University
platoacademia@yandex.ru

Tereshko E. — Applicant, Saint Petersburg State University; Teaching Fellow, Lomonosov Moscow State University
katja.tereshko@yandex.ru

Vankina E. — Lecturer of the Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Mordovian State University N.P. Ogareva»
malkovaea@inbox.ru

Wang Ling Ling — Professor, Institute of Foreign Languages of Qiqihsr University of China
15904523388@163.com

Zakharov S. — Applicant, Smolensk state University
morkiz.kom@mail.ru

Zakhidova L. — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State Medical University
lz@ngs.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).